

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Ермилова А. В.** Современная семья с больным родственником как объект помощи и субъект самопомощи в зеркале социальной политики 248
- Ивченков С. Г., Кантемирова Г. А.** Малообеспеченность неполной семьи. Эмпирический анализ 256
- Лебедева Л. Г.** Социальная ответственность в динамике общественного сознания поколений россиян 260
- Романовская О. А.** Социография социальной вражды. Потенциал «спровоцированных» документов 266
- Сайганова Е. В., Железовская Г. И.** Развитие интеллектуального потенциала как перспективное направление работы с молодежью 268
- Шахбанова М. М.** Роль доверия в формировании межнационального согласия в современном дагестанском обществе 271
- Юрасов И. А., Танина М. А.** Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура 279

Слово молодым социологам

- Баценкова А. А.** Методологическая значимость работ Г. Зиммеля для понимания современной теории индивидуализации 284
- Сердюков К. Н.** К пониманию сущности феномена трудовой миграции населения 289
- Колязина Л. В.** Смысловое содержание супружеской заботы в пожилых семьях 296
- Фадеев А. Ю.** Социальные функции религиозной веры в рамках морально-психологического обеспечения военнослужащих 300

Политология

- Вилков А. А., Тимофеев Е. И.** Политическая технология брендинга региона как возможность формирования его положительного имиджа и повышения инвестиционной привлекательности 304
- Буланова Е. Г., Логинов А. В.** Политическая и органично интегрированная реклама: проблемы правового регулирования и направления их решения 312
- Бердникова Е. В.** Общественный контроль в политической системе российского региона: проблемы и перспективы развития 320
- Лаврикова А. А.** Особенности функционирования электоральной арены политического участия в современном российском обществе 325
- Богданов А. В.** Теоретико-методологические подходы к анализу игровых технологий: социально-политический аспект 330
- Пашковский П. И.** Теория Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе 335
- Максимова Е. А.** Особенности государственной политики в области использования и охраны лесов в Российской Федерации 341

Слово молодым политологам

- Болотина И. И.** Этнополитическая система общества: к определению понятия 346
- Чеботарев А. В.** Теоретико-концептуальные основы политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в современных миграционных процессах 351
- Клименков М. А.** Научно-экспертное сообщество и власть: опыт взаимодействия в регионе (на примере Кемеровской области) 360

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 20.08.19.

Подписано в свет 31.08.19.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,1 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 102-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozropolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozropolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Ernilova A. V.** A Modern Family with a Sick Relative as an Object of Assistance and a Subject of Self-Support in the Scope of Social Policy 248
- Ivchenkov S. G., Kantemirova G. A.** Low-Income Single-Parent Family. Empirical Analysis 256
- Lebedeva L. G.** Social Responsibility in Russian Generation Social Consciousness Dynamics 260
- Romanovskaia O. A.** Social Hostility Sociography: “Provoked” Documents Potential 266
- Saiganova E. V., Zelezovskaya G. I.** Intellectual Potential Development as a Promising Area of Work with Young People 268
- Shakhbanova M. M.** The Role of Trust for the Inter-National Agreement Formation in Modern Dagestan Society 271
- Yurasov I. A., Tanina M. A.** Phenomenon of Marginal Religious Identity: Discourse, Structure 279

New Voices: Young Sociologists’ Research

- Batsenkova A. A. G.** Simmel’s Works Methodological Significance for Understanding the Modern Theory of Individualization 284
- Serdyukov K. N.** Understanding the Essence of Labor Migration Phenomenon 289
- Kolyazina L. V.** Matrimonial Care Meaning in Elderly Families 296
- Fadeev A. Yu.** Religious Faith Social Functions within Moral and Psychological Provision of the Military Personnel 300

Politology

- Vilkov A. A., Timofeev E. I.** Political Technology of Region Branding as a Possibility of Forming Its Positive Image and Increasing Investment Attractiveness 304
- Bulanova E. G., Loginov A. V.** Political and Seamlessly Integrated Advertising: Problems of Legal Regulation and Directions of Their Solution 312
- Berdnikova E. V.** The Public Control at the Political System of the Russian Region: Problems and Prospects of Development 320
- Lavrikova A. A.** Features of the Functioning of the Electoral Area of Political Participation in the Modern Russian Society 325
- Bogdanov A. V.** Theoretical and Methodological Approaches to the Analysis of Gaming Technologies: The Social and Political Aspects 330
- Pashkovsky P. I.** Theory of Novorossia within the Crimean Social and Humanitarian Discourses 335
- Maksimova E. A.** Peculiarities of State Policy in the Field of Use and Protection of Forests in the Russian Federation 341

New Voices: Young Political Scientists’ Research

- Bolotina I. I.** Ethnopolitical System of Society: To the Definition of the Concept 346
- Chebotaev A. V.** Theoretical and Conceptual Foundations of the Russian Federation Policy to Counteract Extremism within Modern Migration Processes 351
- Klimenkov M. A.** Scientific Community and Authority: Experience of Interaction in the Region (On the Example of the Kemerovo Region) 360

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

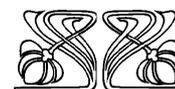
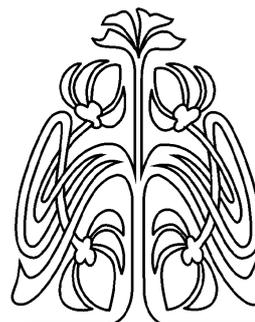
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

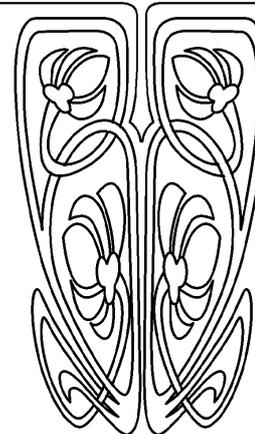
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3

Современная семья с больным родственником как объект помощи и субъект самопомощи в зеркале социальной политики

А. В. Ермилова

Ермилова Анна Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ermilova.75@bk.ru

В статье рассматривается процесс взаимодействия государства с таким социальным институтом, как семья, через призму государственной семейной политики. Отслеживается процесс смены векторов развития семейной политики в исторической динамике, в результате чего выявляются негативные аспекты реализации семейной политики в патерналистском и либеральном направлениях. Раскрываются особенности современной модели семейной политики Российской Федерации. Анализируется семейная политика в Нижегородской области в рамках объектно-субъектной и субъектно-субъектных взаимодействий социальных институтов. Рассмотрение специфики реализации семейной политики в Нижегородском регионе осуществляется с помощью эмпирических разработок сотрудников кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, в которых фиксируется тенденция развития социально ориентированных коммерческих и некоммерческих организаций, работающих с семьями с больным родственником, в меньшей степени предпочитающими пользоваться социально-реабилитационными услугами государственных учреждений. Выявляются причины снижения доверия членов семьи с больным родственником к государственной системе социального обслуживания, работающей в данном направлении. Выявляется специфика взаимодействия социально ориентированных некоммерческих организаций с различными модификациями семьи. Дается характеристика семьи, имеющей больного родственника, как субъекта самопомощи; анализируется работа таких групп самопомощи в Нижегородской области.

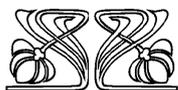
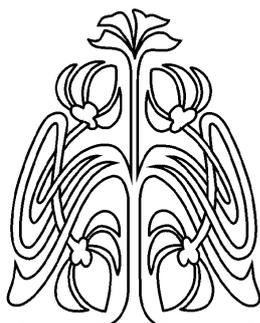
Ключевые слова: семья, объект помощи, субъект самопомощи, социальная политика.

A Modern Family with a Sick Relative as an Object of Assistance and a Subject of Self-Support in the Scope of Social Policy

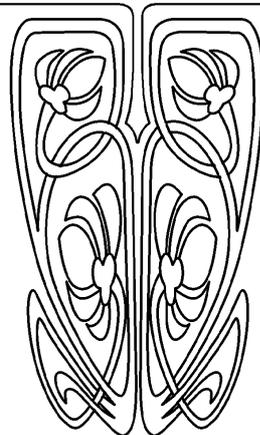
A. V. Ermilova

Anna V. Ermilova, <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, ermilova.75@bk.ru

The article discusses how the state interacts with the family as a social institution through the prism of the state family policy. The paper also monitors processes behind changing vectors in the area of family policy development in their historical dynamics, which, in its turn, reveals the negative aspects of implementing family policy in paternalistic and liberal directions. The author examines key features of the family policy modern model in the Russian Federation. The family policy in Nizhny Novgorod region is analyzed with reference to the framework of object-subject and subject-subject interactions of social institutions. The analysis into the specifics of implementing family policy in Nizhny Novgorod region is carried out on the basis of the empirical results provided by the staff of Chair of General Sociology and Social Work of the Lobachevsky University. The analysis revealed the tendency of the development of socially-oriented commercial and non-profit organizations dealing with families with a sick relative as the latter are less likely to apply for social rehabilitation services provided by state institutions. The paper considers the reasons why confidence among families with a sick relative towards the relevant social service system is weakening. The paper discovers

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

specific features governing the interaction between socially-oriented non-profit organizations and various family modifications. A family with a sick relative as a subject of self-support is characterized; and the work of such self-support groups in Nizhny Novgorod region is analyzed, as well.

Keywords: family, object of assistance, subject of self-support, social policy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-248-255>

Современная российская семья, а именно проблемы ее жизнедеятельности, являются барометром, с помощью которого мы можем отслеживать любые изменения в нашем нестабильном мире. Функционируя в социуме, семья сталкивается с различными проблемами, которые, на первый взгляд, стоят особняком от государства (поздние браки, внебрачные дети, распространение сожительства семей, бездетность, высокий уровень разводимости, стагнация рождаемости, увеличение семейного насилия, рост неполных семей, увеличение количества детей с ограниченными возможностями и др.). Однако вышеперечисленные проблемы тесно коррелируют с такими системами жизнедеятельности российского общества, как занятость, здравоохранение, культура, образование, ЖКХ, т. е. с социальной политикой государства, направленной на защиту личности и семьи в тех трудных жизненных ситуациях, которых невозможно избежать.

Более десяти лет назад З. Х. Саралиева выявила систему барьеров, затрудняющих реализацию социальной политики государства¹, среди которых наиболее актуальными в настоящее время являются следующие:

- сосредоточение внимания и усилий не на профилактике возможных социальных осложнений или конфликтов, а на практике ликвидации и разрешения острых ситуаций, грозящих социальным взрывом; «догоняющий» тип социальной политики;

- неадаптированность общих российских программ к региональным, местным условиям;

- специфичность отличия экономической и социокультурной жизни территорий;

- патерналистская ориентация значительной части населения из самых разных страт, главным образом, на усилия государства (социальное иждивенчество).

По нашему мнению, вышеуказанные препятствия в осуществлении социальной политики государства актуализируются в связи с маргинальным состоянием самой социальной политики России. Причиной маргинального положения политики в области социального развития и социального обеспечения является синтез либеральной и патерналистской моделей, результатом чего становится аномическое состояние ее самой. Данная тенденция отразилась на семейной политике государства, так как та, в свою очередь, является неотъемлемой частью социальной политики РФ.

В научных разработках, связанных с особенностями реализации государственной семейной политики, исследователи обращают внимание на профилактическую направленность проблем семейно-брачных отношений, а также на систему социальной поддержки семьи, которая обязана оказать помощь конкретной семье. Тем не менее, независимо от плоскости рассмотрения семейной политики, мы должны поставить перед собой главный вопрос: «Для кого государство прикладывает такие усилия относительно социального развития?». Отвечая на вопрос, во главу угла мы должны поставить семью, которая в рамках концепции социальной политики государства может являться объектом помощи и субъектом самопомощи. Рассмотрение данного социального института как объекта и субъекта невозможно без экскурса в моделирование социальной политики, так как именно оно позволяет изучить семью в данном контексте.

Углубляясь в историческую динамику социального развития нашей страны, можно констатировать, что именно в доперестроечный период были заложены основы взаимоотношений государства и семьи с позиции субъектно-объектных отношений (патернализм). Жесткий патернализм того времени не совсем этичен в связи с тем, что семья практически была лишена возможности решать свои проблемы самостоятельно, к тому же она привыкла в своей жизнедеятельности системно опираться на искусственно созданный фундамент – социальную политику, что в настоящее время выливается в иждивенческое настроение определенных категорий семей. Патерналистская модель социальной политики фактически провоцирует современные семьи снизить уровень внутрисемейного контроля, полностью рассчитывая на контроль со стороны государства. Следует заметить, что в любое время в любом обществе мы сталкиваемся с семьями, не обладающими ресурсным потенциалом, не способными к самообеспечению, требующими, как отмечает З. Х. Саралиева, постоянного социального контроля в различных его видах (надзор, наказание, опека, помощь, социально-материальное обеспечение, социальное обслуживание). К семьям – объектам помощи со сниженным уровнем активизации в современном обществе мы можем отнести следующие типы семей: многодетные, с детьми-инвалидами, с родителями-инвалидами, неполные, с криминальными факторами риска (антиобщественный образ жизни родителей), беженцев, безработных, имеющие несовершеннолетних детей и др.

Естественно, роль государства в решении проблем таких семей должна быть весомой, но может иметь разный удельный вес в зависимости, во-первых, от системы ресурсов самой семьи, во-вторых, от специфики направленности социальной политики РФ. К тому же возлагать полностью ответственность за социальное раз-

витие страны на государство, как было указано выше, не совсем этично в связи с укоренением иждивенческой идеологии, соответственно, равнозначным партнером должно стать само гражданское общество. Однако в какой мере само общество (семья) готово быть ответственным партнером государства? По данным опроса ВЦИОМ, 63% россиян хотели бы жить в обществе социального равенства, но почти столько же (60%) полагают, что оно в принципе недостижимо²; это, с одной стороны, свидетельствует о ностальгии по патерналистскому прошлому, с другой стороны, в сознании россиян актуализируются либеральные взгляды относительно социальной политики государства. Так, 39% жителей РФ признают, что единственным вариантом общественного устройства является меритократическая модель, предполагающая, что достаток определяется «количеством и качеством конкретное человека». Уравнительную систему, при которой материальные и духовные блага распределяются для всех поровну, вне зависимости от их вклада в общее дело, предпочли 19% респондентов. За либертарианскую модель общественного устройства, при которой каждый заботится о себе сам, а государственная помощь оказывается только незащищенным слоям населения, высказались всего 5%³. Так или иначе, общественность отдает себе отчет в том, что социальная/семейная политика переориентируется в антипатерналистской направленности, что в настоящий момент мы имеем дело с другим государством, другими социальными институтами, создающими условия для семьи.

Несколько десятилетий назад академик Т. И. Заславская обосновывала необходимость дифференцированного подхода к реализации социальной политики, а следовательно, и рассмотрения семьи в рамках субъектной направленности. Она отмечала, что общество постоянно усложняется и демонстрирует разную степень социальной и экономической отдачи. Соответственно, его потребности не могут удовлетворяться в одинаковой мере, поскольку реализация социальной программы социальной политики означает планомерную дифференциацию роста благосостояния групп населения, существенно различающихся своей ролью в социально-экономическом развитии общества⁴. Следовательно, попытка смены векторов социальной политики (на либеральный курс) привела к тому, что мы сегодня имеем смешанную модель, в рамках которой взаимодействие социальных институтов осуществляется не только с позиции объектно-субъектных отношений, но и с позиции субъект-субъектных связей. Тем не менее, либеральная направленность семейной политики тоже имеет свои изъяны, которые выявились в ходе ее реализации: во-первых, тенденция перекладывания социальных обязательств с федерального на региональный уро-

вень; во-вторых, низкий уровень ресурсной базы регионов; в-третьих, неравномерность государственной социальной поддержки семьи на разных этапах ее жизнедеятельности; в-четвертых, невысокий уровень адресности региональных пособий; в-пятых, уверенность представителей власти в решении социальных проблем при помощи рыночного механизма; в-шестых, несвоевременное перенимание социальных технологий из-за рубежа, утративших значимость в своих странах. Ситуация усугубляется и в связи с падением социализирующего влияние образовательных учреждений, отчужденностью родителей от детей из-за занятости и, как следствие, рост безответственного родительства. В таких условиях государство вынуждено искать партнеров, способных на соответствующем уровне взаимодействовать с различными типами семей (семья-объект, семья-субъект), которыми являются НКО, благотворительные фонды, общественные организации, коммерческие организации.

Теоретические рассуждения о специфике моделирования социальной политики в РФ и влиянии данного процесса на интерпретацию семьи субъектами государственной власти подтолкнули нас к анализу семейной политики, в частности, системы социальной защиты семьи на государственном уровне в Нижегородской области в рамках объектно-субъектных и субъектно-субъектных взаимодействий социальных институтов. Однако нельзя забывать, что в семье, в составе которой есть большой член семьи, снижена ресурсная база, в результате чего отказываться от опеки со стороны государства (патернализма) данный тип семьи просто не может, несмотря на неоднозначную интерпретацию патернализма. Особое внимание в дальнейшем хотелось бы уделить проблеме развития самопомощи в современной Нижегородской семье, что может свидетельствовать, с одной стороны, о негативных тенденциях развития семейной политики в данном регионе, с другой – об активизации либерально настроенных нижегородцев, у которых есть желание и возможности самостоятельно решать семейные проблемы.

В Нижегородской области, как и на всей территории России, по-прежнему доминирует патерналистская направленность взаимодействия государства с семьей, которое в настоящее время реализуется при помощи утвержденной Концепции семейной политики в РФ на период до 2025 г.⁵ Одним из направлений системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей, является материнский (семейный) капитал, который можно получить как при рождении, так и при усыновлении второго и последующего ребенка. Особое внимание государство уделяет проблеме совершенствования механизмов использования средств материнского (семейного) капитала. Благодаря изменениям и дополнениям, принятым в Феде-

ральном законе «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ (последняя редакция)⁶, в 2019 г. его можно потратить по четырем разным направлениям: улучшение жилищных условий, оплата образовательных услуг, накопительная пенсия матери, компенсация затрат на социальную адаптацию детей-инвалидов до 3 лет, последнее из которых имеет особую значимость для семей с больным ребенком. В частности, его можно потратить на социальную адаптацию детей-инвалидов до 3 лет – приобретение технических средств, реабилитационные и медицинские мероприятия. В субъектах РФ разрабатываются и действуют региональные концепции социальной политики, а именно с учетом общерегиональных интересов используется программно-целевой подход к осуществлению семейной политики. Ряд субъектов Федерации предоставляют льготы на получение земельного участка для многодетных родителей при условии, что в собственности семьи нет другого надела. Каждый год перечень таких регионов постоянно расширяется. К 2018 г. программа работает в Краснодарском крае и Татарстане, Московской, Ульяновской, Омской и Ивановской областях. Она носит единовременный характер и подразумевает постановку в очередь на получение земельного участка⁷. Данный вид социальной поддержки многодетных семей, в составе которых есть больной член семьи (ребенок), имеет особую значимость, так как осуществление жизнедеятельности на экологически чистой территории может способствовать более быстрой реабилитации больного человека.

Следует заметить, что государственная социальная поддержка семей, в том числе и семей, имеющих больного родственника, осуществляется в Нижегородской области преимущественно с помощью государственного и некоммерческого секторов.

В рамках исполнения распоряжения Правительства РФ от 31.08.2016 № 1839-р «Об утверждении Концепции развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года»⁸ в Нижегородской области проводится информационная кампания по оказанию ранней помощи детям и профилактике инвалидности⁹. Службы ранней помощи могут находиться в самых разных организациях – в детских садах, поликлиниках, домах ребенка, социальных центрах. На базе учреждений социального обслуживания семьи и детей, подведомственных Министерству социальной политики Нижегородской области, работает 31 специализированная служба сопровождения семьи и ребенка, в которые могут обратиться: граждане (семьи), способные и желающие принять детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание; замещающие семьи – семьи, принявшие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание; семьи, находящиеся в трудной

жизненной ситуации и социально опасном положении, при риске изъятия ребенка из семьи и лишения родительских прав. Консультационные услуги для семей с детьми по социальным, психологическим, педагогическим и правовым вопросам предоставляют 15 центров социальной помощи семье и детям. Предлагается перечень категорий обслуживаемых граждан: многодетные семьи, малоимущие (малообеспеченные) семьи; семьи, имеющие детей-инвалидов; семьи, принявшие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание; семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении. На базе учреждений социального обслуживания семьи и детей также функционируют отделения дневного пребывания. Показания для помещения туда ребенка: девиантное поведение, школьная дезадаптация, педагогическая запущенность, нарушение межличностного общения, перенесенные психические травмы, тяжелое материальное положение, трудная жизненная ситуация в семье. С 1 сентября 2012 г. в г. Нижнем Новгороде функционируют школы замещающих родителей на базе учреждений социального обслуживания семьи и детей, осуществляющих подготовку граждан, выразивших желание принять на воспитание в семью детей-сирот. Большую значимость в работе с семьей как объектом помощи имеет Центр помощи семье и детям «Быть мамой», главной задачей которого является оказание социальной поддержки беременным женщинам и женщинам с грудными детьми, находящимся в сложной ситуации, проживающим в городах и районных центрах Нижегородской области¹⁰.

Перечень учреждений, работающих с семьей по траектории субъектно-объектного взаимодействия, можно было бы продолжить, но отдельно хотелось бы остановиться на таком партнере государства, как НКО, к которому в последнее время проявляется все большая заинтересованность со стороны государственной власти. Именно привлечение третьего сектора к решению проблем современных семей, имеющих больных родственников, позволяет фиксировать тенденцию либеральной направленности семейной политики государства. Даже проблемная семья начинает восприниматься государством как субъект помощи, поскольку довольно часто такие объединения открываются силами самих родителей, семья которых находится в сложной жизненной ситуации.

В настоящее время принято Распоряжение Правительства Нижегородской области от 22.08.2017 № 1380-р «Об утверждении Плана мероприятий по развитию системы ранней помощи детям в Нижегородской области на 2017–2020 годы»¹¹ и формируется межведомственная рабочая группа по вопросам развития ранней помощи детям из представителей Правительства Нижегородской области, администрации г. Ниж-

него Новгорода, руководителей социально ориентированных некоммерческих общественных организаций.

В Нижегородской области осуществляют деятельность социально ориентированные некоммерческие общественные организации, оказывающие услуги семьям с детьми (в том числе и семьям с больным ребенком):

– Нижегородская региональная общественная организация поддержки детей и молодежи «Верас»;

– Нижегородская региональная общественная организация родителей детей-инвалидов по зрению «Перспектива»;

– Нижегородская областная общественная организация инвалидов «Инновационный центр: в XXI век с 21 хромосомой “Сияние”».

Для оказания социальной поддержки семьям с детьми на государственном уровне предпринимаются шаги по установлению и укреплению межведомственных связей, налаживанию взаимодействия с некоммерческими организациями. Например, среди исполнителей региональной программы «Мы – как все», рассчитанной на детей-инвалидов и их семьи, есть не только органы исполнительной власти (министерство социальной политики, министерство культуры, министерство молодежной политики области), но и общественные объединения и организации (Нижегородская региональная общественная организация поддержки детей и молодежи «Верас») ¹².

Отдельно хотелось бы остановиться на деятельности социально ориентированных некоммерческих общественных организаций, оказывающих услуги семьям иммигрантов, представленных в г. Н. Новгороде большим числом. Здоровьесберегающее поведение данной категории населения еще в большей степени затруднено в силу адаптационных проблем, обусловленных социально-экономическими, социокультурными, социально-демографическими и личностными факторами. По мнению исследователей Г. Л. Воронина и А. А. Лакомовой, в наиболее тяжелом положении находятся семьи молодых иммигрантов в данном регионе, которые стремятся к поиску дополнительных ресурсов и мобилизации собственных латентных ресурсов семьи. На помощь им в Нижегородской области, помимо государственной миграционной службы, приходят и НКО, предоставляющие разнообразные услуги и помощь различным категориям иммигрантов, в том числе и услуги, связанные со здоровьесберегающим поведением. Приведем пример некоторых НКО, работающих с иммигрантами в г. Н. Новгороде:

1) Межрегиональная благотворительная общественная организация «Приволжский миграционный центр»;

2) Нижегородская областная общественная организация юристов по защите прав беженцев и вынужденных переселенцев «Новый дом»;

3) Автономная некоммерческая организация «Благотворительный культурно-образовательный пансион»;

4) Нижегородская региональная общественная организация поддержки выходцев из Республики Узбекистан «Саховат».

Современную российскую семью следует рассматривать с точки зрения категории ресурсности, так как она во многом определяет особенности жизнедеятельности семьи, а именно, что нас особо волнует, определяет уровень ее активизации в социуме, в результате чего данный социальный институт приобретает черты субъекта самопомощи. В связи с наличием и патерналистской, и либеральной направленности в современной семейной политике России государственный социальный контроль ослабевает либо вообще утрачивает свое значение. Ситуация может усугубляться и в связи с недостаточным уровнем доступности государственных социальных услуг, причинами чего могут быть территориальная и информационная недоступность, специфичность группы получателей услуги (проблемы со здоровьем, языковой барьер). Так, в социологическом исследовании, посвященном проблемам реализации социальной политики в отношении детей с ОВЗ, отмечается, что, несмотря на усовершенствование реабилитационных услуг в государственной сфере, оказываемая помощь людям с ОВЗ не всегда становится эффективной вследствие ограниченности ресурсов: недостаточного финансирования соответствующих программ и мероприятий, нехватки специалистов в данной сфере. В связи с этим в последнее время наблюдается развитие рынка коммерческих реабилитационных услуг. Коммерческими учреждениями, осуществляющими комплексную реабилитацию для детей с ОВЗ в воспитательно-образовательной сфере в Нижнем Новгороде, являются частный детский сад «Счастливый день», Центр раннего вмешательства для детей с аутизмом, Центр Особенного Детства #НЕМОЛЧИ и др. ¹³. Говоря о развитии бизнес-индустрии в социальной сфере, нельзя сбрасывать со счетов такую категорию, как экономическая доступность, которая, по мнению А. Б. Берендеевой, дихотомизируется – способность потребителя оплатить услуги/ его готовность платить. Однако в семьях, в которых есть больные родственники, как правило, платежеспособность снижена в связи с незанятостью родственников, ухаживающих за больным членом семьи.

В этих условиях в Нижегородском регионе становится объективно необходимой активизация самоконтроля, мобилизация самой семьи. Государство, прибегая к позиции распределения своих социальных полномочий между государственными структурами, НКО, бизнес-структурами и иными социальными институтами, снижает уровень доверия к себе и тем самым вынуждает семьи, находящиеся в трудной жизнен-

ной ситуации, прибегать к наращиванию своей ресурсной базы за счет самопомощи.

Характеризуя семью как субъект самопомощи, З. Х. Саралиева отмечает, что в России актуализируется проблема создания локальных групп взаимопомощи, в которые объединяются люди для взаимной поддержки и конструктивных действий в решении проблем. На данный момент времени подобная помощь возможна только в том случае, если в ее основе будет собственный опыт членов группы. Эти группы, в числе которых мы можем рассматривать и семью с больным родственником, называются группами самопомощи. В настоящее время в Нижегородской области организованы самими отцами и матерями следующие объединения, в которых семья предстает как субъект самопомощи:

- Объединение приемных семей Нижегородской области;
- РОО «Ассоциация Молодых Семей Нижегородской области»;
- НООО «Ассоциация семей военнослужащих»;
- Некоммерческий союз многодетных семей «Мы вместе»;
- Нижегородский совет женщин;
- Совет отцов г. Нижнего Новгорода;
- Объединение многодетных родителей.

Вышеуказанные объединения, ассоциации, советы решают очень важные семейные вопросы, которые приобретают особую значимость, если семья в своей структуре имеет больного родственника: психологическая поддержка, кооперация ухода за больным родственником, обмен вещами, социально-трудовая активизация родственников больного.

На кафедре общей социологии социальной работы ННГУ им. Н. И. Лобачевского ведется научно-исследовательская работа, посвященная изучению семьи как субъекта самопомощи в двух направлениях: группы самопомощи, решающие психосоциальные проблемы; группа самопомощи нижегородских отцов.

Большой вклад в описание семьи как субъекта самопомощи в случае наличия в своей структуре больного родственника, нуждающегося в лечении и уходе, внес доктор социологических наук профессор С. А. Судьин. По мнению автора, повышение осведомленности в совокупности с пропагандируемыми гуманистическими установками в обществе неизменно влекут позитивную коррекцию социальных установок относительно психически больных, что повышает эффективность антистигматизационных мероприятий, являющихся центральным пунктом деятельности, в том числе и групп самопомощи. Стало очевидно, что стигматизация на уровне бытового общения – это лишь верхушка айсберга, а основная проблема лежит в сфере законодательной практики, определяя характер государственной политики в отношении психи-

чески больных и членов их семей. В центре внимания оказались вопросы защиты прав психиатрических пациентов, признание неспособности государственных институтов решить эти проблемы самостоятельно¹⁴. В результате в настоящее время в России, в том числе и в Нижегородской области, оформляются гражданско-общественные объединения правозащитного направления, среди которых актуализируются группы самопомощи, осуществляющие свою деятельность на уровне муниципалитетов или отдельных сообществ. Самопомощь способствует улучшению жизненной ситуации инвалидов и слабо-ресурсных индивидов путем противодействия социальной эксклюзии и развития способностей клиентов для самостоятельного преодоления сложившихся обстоятельств. В стратегической перспективе самопомощь дает импульс новым векторам развития системы социального и медицинского обслуживания, предоставляет гражданам шанс участвовать в общественной жизни, непосредственно влияя на нее¹⁵. Региональная особенность траектории самопомощи заключается в ее направленности снизу вверх – трансформационным фактором системы медицинского/социального обеспечения является гражданская инициатива.

Свой вклад в процесс становления групп самопомощи, решающих психосоциальные проблемы в Нижегородской области, внес главный врач клинической психиатрической больницы № 1 Ю. А. Сучков, являющийся идеологом внедрения социальной работы в психиатрической практике в нашем регионе. Он совместно с выпускниками кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н. И. Лобачевского в своей профессиональной работе использует две основные стратегии взаимодействия акторов. Спецификой общения в группах самопомощи является ограниченность взаимодействия равных членов между собой. Это касается вопросов, связанных с уходом за больными, распределением домашних обязанностей, практиками общения с административными органами, стигматизацией. Другой стратегией может быть групповое экспертное консультирование, когда к процессу общения подключается специалист в какой-либо области: врач, социальный работник, юрист, психолог. В рамках группового экспертного консультирования могут обсуждаться вопросы организации режима лечения, специфика протекания заболеваний, планирование жизнедеятельности семьи. Первый вариант встречается чаще, поскольку практический опыт оказывается значительно полезнее даже в большинстве вышеперечисленных случаев. Равенство здесь понимается в социально-ролевом ключе, поскольку в группах опытные с точки зрения ситуации участники объединяются с новичками с целью трансляции им своих знаний по аналогии с тем, как ветераны обучают новобранцев¹⁶.

Итак, можно констатировать, что модель патернализма взаимодействия пациентов с врачами приходит в упадок в связи, во-первых, с низким уровнем кооперации акторов, во-вторых, с рассмотрением ближайшего окружения пациента через призму субъектно-объектного взаимодействия.

В 2009 г. в городе Нижний Новгород был создан координирующий, совещательно-консультативный орган «Совет отцов г. Нижнего Новгорода». Сегодня нижегородский Совет отцов активно развивается, не ограничиваясь деятельностью по защите детей. Несмотря на то что деятельность Совета отцов реализуется по многочисленным направлениям (духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание, информационно-просветительское направление)¹⁷, особое значение имеют следующие направления деятельности, связанные со здоровьесбережением современной семьи:

– спорт и охрана здоровья (организация и проведение «дней здоровья»; вовлечение детей в спортивные секции и кружки; выезды в загородные клубы и туристские базы; совместное игровое времяпрепровождение, в том числе участие в проведении городского конкурса «Папа, мама и я – спортивная семья», зимних спортивных игр «Вместе с папой»);

– профилактическое направление (участие в работе комиссий и экспертных советов по вопросам семьи и родительских общественных организаций; ведение агитационной работы в школах против формирования у подростков вредных привычек, в том числе обновление информационного диска «Жизнь без наркотиков»; популяризация ответственного родительства через местные и региональные СМИ, медиапроекты, например, участие в теле- и радиопередачах, публикация статей в газетах и сборниках);

– родительский контроль за организацией, качеством и режимом питания детей в школах;

– добровольческое направление (участие в организации и работе родительских встреч, конференций и форумов отцов; проведение ежегодного конкурса «Папа года Нижнего Новгорода», осуществление общественной экспертизы семейных и родительских конкурсов; разработка положения о медали «Отцовская слава», изготовление медалей для мам из многодетных семей к Дню матери; участие в организации и проведении новогоднего городского школьного бала; создание базы взаимопомощи семьям, проживающим в обстоятельствах, обуславливающих их нуждаемость в социальном обслуживании);

– информационно-просветительское направление (выход передачи «Отцовский час» на радио и региональном телевидении; публикация научно-методических сборников, например «Нижегородские отцы. Взгляд в будущее»; взаимодействие с Межрегиональной общественной организацией поддержки института семьи и тра-

диционных семейных ценностей «Союз отцов»);

– наставничество и профориентационная деятельность (участие в совещаниях департамента образования администрации г. Нижнего Новгорода; участие в Межрегиональном форуме по наставничеству «Наставничество как социальный инструмент» (октябрь 2017 г.), участие в работе первой международной конференции по наставничеству в России «Global Mentori» (ноябрь 2017 г.), команда Совета отцов г. Нижнего Новгорода награждена за лучший региональный план по запуску и развитию программы наставничества). Надо сказать, что, действительно, участники Совета отцов совместно с психологами активно разрабатывают и внедряют проект по профориентации школьников на территории г. Нижнего Новгорода.

В результате нижегородская группа самопомощи отцов становится не просто источником накопления социального капитала, но и активным субъектом, представляющим либеральную направленность социальной политики РФ. В результате трансформации семейно-брачных отношений в российском обществе роль групп самопомощи отцов является особо значимой, практики которой необходимо поддерживать как на местном и региональном, так и на федеральном уровнях.

Современная семья существовала, существует и будет существовать всегда в нескольких модификациях – и как объект помощи, и как субъект самопомощи в связи с разноресурсностью данного социального института. Российская семья с каждым годом все больше осознает важность процессов взаимного обмена и взаимного участия разных социальных институтов в решении ее проблем, что ведет к изменению восприятия понятия «помощь», которое уже перцепируется современной семьей не как одностороннее явление. С каждым годом усиливается либеральная направленность социальной политики, несмотря на то, что в социуме по-прежнему сохраняется достаточно большое количество семей, лишенных возможности решать свои проблемы самостоятельно. Очень важно, чтобы государственные органы Российской Федерации, реализуя социальную политику, обеспечивали возможность наращивания ресурсной базы самой семьей. Одной из задач семейной политики РФ должно стать возрастание социальной субъектности современной семьи, особенно с большим родственником, при сохранении государственных социальных гарантий. В этом случае станут возможными партнерские отношения между семьей и государством.

Примечания

¹ См.: Саралиева З. Х. Система социальной работы. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 174–175.

- ² См.: Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 40.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: Заславская Т. И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист, 1986. № 13. С. 16.
- ⁵ См.: Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁶ См.: О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872 (дата обращения: 16.09.2018).
- ⁷ См.: Что дают за третьего ребенка в России. URL: <http://www.vskormi.ru/general-questions/chto-dayut-za-tretego-rebenka/> (дата обращения: 16.09.2018).
- ⁸ См.: Развитие ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/29> (дата обращения: 16.09.2018).
- ⁹ См.: Ранняя помощь детям // Министерство социальной политики Нижегородской области : [сайт]. URL: <http://www.minsocium.ru/index.php/sotsialnoe-obsluzhivanie/family/1513-deti-026> (дата обращения: 16.09.2018).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: Распоряжение Правительства Нижегородской области от 22.08.2017 № 1380-р. URL: <https://government-nnov.ru/?id=200358> (дата обращения: 17.09.2018).
- ¹² См.: Жизненные миры современной российской семьи / науч. ред. З. Х. Саралиева. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2015. С. 151.
- ¹³ См.: Ермилова А. В., Барсукова Е. А. Эффективность реабилитационных услуг в образовательно-воспитательной сфере коммерческой направленности (на примере ЦДРД «Добрый сад» на базе Института педиатрии Приволжского федерального медицинского исследовательского центра) // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 259–265.
- ¹⁴ См.: Судьин С. А. Социологический анализ роли институтов гражданского общества в работе с психически больными и их семьями : дис. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород, 2017. С. 149.
- ¹⁵ См.: Судьин С. А. Уровни гражданско-общественной активности в работе с психически больными и членами их семей // Теория и практика общественного развития, 2016. № 4. С. 38.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ См.: Янак А. Л., Кормициков Д. А. Перспективы развития социальных программ в отношении отцов // Помогаящие профессии : научное обоснование и инновационные технологии / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 214–216.

Образец для цитирования:

Ермилова А. В. Современная семья с больным родственником как объект помощи и субъект самопомощи в зеркале социальной политики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 248–255. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-248-255>

Cite this article as:

Ermilova A. V. A Modern Family with a Sick Relative as an Object of Assistance and a Subject of Self-Support in the Scope of Social Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 248–255 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-248-255>

УДК 316.363

Малообеспеченность неполной семьи. Эмпирический анализ

С. Г. Ивченков, Г. А. Кантемирова

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivchenkovsg@mail.ru

Кантемирова Галина Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, cantem.galina@yandex.ru

Статья посвящена панорамному обзору результатов эмпирических исследований проблем неполных семей. Рассматривается зависимость социокультурного потенциала неполной семьи от количественных и качественных характеристик социального пространства общества (региональной, этнической, конкретно-исторической, традиционно-культурной).

Ключевые слова: неполная семья, социально-темпоральный фактор, семейно-брачный фактор, экономический фактор, малообеспеченность.

Low-Income Single-Parent Family. Empirical Analysis

S. G. Ivchenkov, G. A. Kantemirova

Sergej G. Ivchenkov, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivchenkovsg@mail.ru

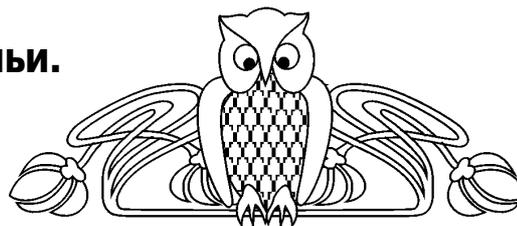
Galina A. Kantemirova, <https://orcid.org/0000-0002-5107-7628>, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, 44–46 Vaututina St., Vladikavkaz 362025, North Ossetia – Alania, Russia, cantem.galina@yandex.ru

The article is devoted to a panoramic review of incomplete families problems empirical studies results. The dependence of the socio-cultural potential of a single-parent family on the quantitative and qualitative characteristics of the society social space (regional, ethnic, specific historical, traditional and cultural) is considered.

Keywords: incomplete family, socio-temporal factor, family-marriage factor, economic factor, poverty.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-256-259>

Деструктивно протекающие социальные процессы и порождаемые ими проблемы в распределительных отношениях составляют основу социальной напряженности в целом по России. По ряду причин объективного и субъективного характера эта закономерность с особой наглядностью отразилась на судьбах наиболее социально уязвимых категорий населения. В их число входят неполные семьи. Согласно ГОСТ РФ 52885–2013 «Социальное обслуживание населе-

ния. Социальные услуги семье», неполной семьей признается та, в которой детей или ребенка воспитывает один из родителей.

Социальные проблемы неполных семей связаны, в первую очередь, с малообеспеченностью, которая обусловлена наличием всего одного трудового дохода в семье. Иногда трудового дохода нет вообще, и семья вынуждена жить на пособие по безработице либо на пособия детей. Доход женщины, как правило, ниже дохода мужчины в силу гендерной специфики. Может ли ситуация малообеспеченности сказаться на здоровье ребенка? Ответ очевиден – да.

Проблемы малообеспеченности носят универсальный характер, но не имеют универсального решения. Благополучные экономически развитые страны в состоянии выплачивать детям в неполных семьях сравнительно щедрые пособия. Более сложными и не имеющими однозначного решения являются социально-психологические проблемы, присутствующие во внутриличностной сфере и межличностных отношениях членов неполных семей, прежде всего детей. Стремясь не допустить снижения жизненных стандартов по сравнению с детьми из благополучных семей, мать берет на себя чрезмерную трудовую нагрузку, но из-за сверхзанятости, в свою очередь, не может уделять ребенку (детям) достаточно времени и внимания.

Достаточно специфичны проблемы отцовских неполных семей: во-первых, это не традиционная модель, поэтому весь уклад жизни, включая привычки общественного восприятия, не вполне к ней приспособлен. Перед такими семьями стоят те же проблемы полоролевой ориентации. Кроме того, отец с ребенком (детьми) более «бракоспособен» по сравнению с одинокой матерью, у него больше шансов создать новую семью. Поэтому одной из проблем такой семьи будет строительство отношений между ребенком (детьми) и новой женой отца (возможно, с ее детьми).

Еще одна категория неполных семей – неполные расширенные семьи, которые образуются, как правило, на обломках какой-либо социальной катастрофы. Родители малолетних детей погибли, или находятся в заключении, или бесследно отсутствуют – чаще всего именно по этим причинам поколению прародителей приходится брать на содержание и воспитание внуков. К сожалению, необходимой для воспитания детей позиции доминирования, авторитета, способно-

сти контролировать ситуацию они обеспечить не могут. Поэтому у их воспитанников часты девиантные формы поведения.

Социокультурный потенциал неполной семьи напрямую зависит от количественных и качественных характеристик социального пространства общества, а также от таких составляющих, как региональное, этническое конкретно-историческое, традиционно-культурное.

Большой проблемой в полевом (эмпирическом) изучении неполных семей является неоднозначность употребляемых понятий. Поэтому мы остановимся на вопросе, имеющем большую значимость для полевого социологического исследования, это – общепринятые дефиниции и факторная операционализация.

Дефиниция «семья» – супружеская пара, живущая вместе или отдельно от неженатых детей. Дефиниция «неполная семья» – один из родителей, проживающий с детьми. Дефиниция «социальное самочувствие» – форма реального функционирующего общественного сознания и поведения, в котором проявляется эмоциональная оценка индивидом или социальной группой уровня удовлетворения своих социальных потребностей. Дефиниция «социально-психологическое самочувствие» – относительно устойчивое на определенном отрезке времени типичное психологическое состояние, детерминируемое социальными факторами. Дефиниция «неудовлетворенность» понимается как комплекс субъективных переживаний индивидом факта лишения значимых для него благ и условий жизнедеятельности. Дефиниция «социальное недовольство» интерпретируется как высказываемое индивидом отношение к определенной проблеме, которое либо является следствием неудовлетворенности, либо в отдельных случаях может быть следствием принятия индивидом коллективной оценки. Дефиниция «безработица» – неучастие в общественном производстве людей рабочего возраста, относящихся к трудоспособному населению. Дефиниция «ежемесячный доход семьи» – поток денежных поступлений в течение месяца.

Дефиниция «малообеспеченные» – лица, у которых в семье душевой доход не более, чем в 1,7–2,0 раза выше прожиточного минимума. Дефиниция «региональное сообщество» интерпретируется нами как территориально-локализованная, пространственно-организованная социальная общность, пронизанная вертикальными и горизонтальными линиями дифференциации.

Дефиниция «привлекательное жизненное положение» – оцениваемое как желательное социальное состояние социального субъекта, выступающее в качестве терминальной ценности. Дефиниция «терминальные ценности» – индивидуальные цели достижения. Дефиниция «проективная оценка изменения социального положения» – высказываемое чувство уверенности/неуверенности в завтрашнем дне.

Важно выделять основные факторы, определяющие оценку респондентами своего социального положения. Например, статусно-ролевой фактор предполагает то или иное положение индивида в социальном пространстве и идентификацию индивида с референтной группой, социально-профессиональной группой и социальным статусом. Социально-темпоральный фактор характеризуется как оценка изменения социального положения во времени, семейно-брачный фактор – как семейно-брачное положение и идентичность индивида, экономический фактор – как оценка материального положения семьи, факторы потери работы. Ценностно-нормативный фактор включает в себя доминирующие терминальные ценности.

Обязательной на стадии подготовки к полевому исследованию является процедура структурной операционализации. В нашем случае статусно-ролевой фактор раскладывается на идентификацию индивида с социально-профессиональной группой, привлекательное жизненное положение индивида в настоящее время, оценку степени осуществимости данного жизненного устремления. Социально-темпоральный фактор может быть представлен как изменение социально-профессионального положения за последние пять лет, перспективная оценка изменения социального положения, влияние на положение и жизнедеятельность семьи социальных перемен. Экономический фактор включает в себя среднемесячный доход семьи, наличие члена(ов) семьи – безработного, причины потери им рабочего места. Семейно-брачный фактор: состав семьи; количество детей в семье; экспектации в отношении предпочтительной численности детей в семье; факторы повышения рождаемости в семье; получение помощи в уходе за детьми со стороны различных социальных институтов и организаций; причины внутрисемейных конфликтов. Ценностно-нормативный фактор проявляется через наиболее значимые для индивида терминальные ценности.

Используя приведенные выше методические посылки, мы провели исследование неполных семей в конкретном регионе (Республика Северная Осетия – Алания) для экспликации факторов их жизнедеятельности, влияющих на здоровье детей.

Выбор полиэтничного региона позволял учесть в исследовании ряд факторов, которые в регионах с преобладанием моноэтнического населения достоверно не эксплицируются (традиции, обычаи, вероисповедание и другие этнокультурные переменные). Выборочную совокупность составили неполные семьи различных типов. В ходе исследования были опрошены 320 неполных семей.

По способу организации исследование выборочное. Учет таких параметров, как половозрастная структура, социально-демографическая

структура, пространственная локализация, обеспечил репрезентативность выборки. Ввиду этнической и конфессиональной неоднородности среды существенное значение в исследовании придавалось представительности по критерию этно-конфессиональной принадлежности.

На первом этапе формирования выборки проводилась пространственная локализация – отбирались поселения, в которых планировалось обследование. Для отбора населенных пунктов в качестве критериев использовались численность населения, степень развитости социальной инфраструктуры и уровень медицинского обслуживания. Исследования проводились в 7 территориально-экономических образованиях Республики Северная Осетия – Алания¹.

На втором этапе выборочного отбора неполные семьи были распределены по социально-демографическим признакам (возраст семьи, количество детей, присутствие с детьми матери или отца, отсутствие обоих родителей, присутствие в неполной семье бабушки и дедушки и др.).

Объем и тип реализованной выборки представляются вполне коррективными для всестороннего анализа социального самочувствия неполных семей в Республике Северная Осетия – Алания в социокультурных условиях современной России. В соответствии с условиями и принципами репрезентативности выборки состав обследуемых по своим параметрам и критериям приближается к соответствующим пропорциям в генеральной совокупности. Пропорционально генеральной совокупности в выборке были представлены женщины и мужчины, представители титульной и не титульной национальности, жители городов и сельской местности.

Основным методом исследования был опрос (анкеты раздаточные). Анкета состояла из 9 основных тематических блоков, в соответствии с содержанием которых и проводился анализ.

В выборке оказалось 83% женщин, 11% мужчин, 6% не указали свой пол. Вдовы (вдовцы) составили 33%, разведенные – 50%, вне брака проживали 10%, другое указали 2% (гражданский брак, постоянный партнер, помолвлены), не указали ничего – 5%. Состав семьи респондентов чаще всего включал 3–4 человека (53%), причем обычно это были женщина с ребенком и родителями или женщина с двумя детьми и матерью. Семей, состоящих из двух человек, оказалось 35% (мама и ребенок), из пяти–шести человек – 8%, больших семей, состоящих из более чем шесть человек, было 7%. Корреляционный анализ показывает, что чем большее количество человек живет в семье, тем больше детей в семье. В среднем на неполную семью в выборке приходится 1,83 ребенка. Одного ребенка имели 44,0% респондентов, двоих детей – 34,6%, троих – 10,3%, четверо детей было у 3,3%, пятеро – у 2,5%, шесть детей имели 0,4% респондентов, а еще 4,5% не указали количество детей в семье.

Мы видим, что традиции многодетности в регионе выражены достаточно сильно, что и позволило получить данные о многодетных семьях, которые невозможно было бы получить в выборке в большинстве регионов Центральной России, Урала, Сибири или Дальнего Востока.

Яркой иллюстрацией проблем малообеспеченности являются показатели удовлетворенности одиноких родителей создавшейся ситуацией на рынке труда и своим местом в структуре занятости республики. В своих оценках респонденты разделились приблизительно поровну по шкале ответов, что еще раз характеризует отсутствие однозначности в оценке «удобства» наличествующих условий современного рынка труда для индивида, воспитывающего своих детей в условиях монородительства. Состояние рынка труда и тенденции его развития для родителей-одиночек имеют своим продолжением формирование системы источников доходов и уровень зависимости от пособий и дотаций от государства. Изучая структуру доходов семьи, необходимо помнить, что, помимо трудовой деятельности на основном месте работы, важную роль в формировании доходов семьи играют следующие источники: средства государства, распределяемые в соответствии с принадлежностью к определенной социальной группе населения в виде пенсий, пособий; личные подсобные хозяйства и садово-огородные; вторичная занятость, заработка от которой часто составляют существенную часть; материальная помощь родственников, которую получают около 60% неполных семей; средства предприятий, организаций и оказываемые ими услуги своему персоналу (прежде всего, это разовая материальная помощь, льготные путевки для работников и их детей, продуктовые наборы и подарки к праздникам, медицинские услуги).

Другие источники доходов, в том числе предпринимательская или полу-предпринимательская деятельность и собственность (сдача в аренду недвижимости, акции предприятий), заметной роли в формировании семейного бюджета не играют, что указывает на слабое освоение новых рыночных видов экономической деятельности. Необходимо отметить, что материальное обеспечение формирует и систему конечного потребления семьи, т. е. является не только основой для обеспечения полноценного питания, покупки необходимых лекарств и других материальных составляющих быта, но и базой для создания культурной среды (книги, аудио- и видеозаписи и т. п.), престижного благополучия («мой ребенок одет не хуже других»), возможности получения хорошего образования. В данном контексте важным представляется анализ структуры расходов неполных семей, который показывает, что значительную долю потребительских расходов составляют расходы на питание. Кроме того, материальная обеспеченность семьи во многом определяется ее бытовой обеспеченностью. Ре-

зультаты нашего исследования показывают, что неполные семьи в республике в плане организации быта сегодня владеют собственным жильем (90%), бытовой и видеотехникой (71%), в состав которой не входит один из «символов» наступающей информационной эпохи – компьютер (только 16% неполных семей отмечают его наличие). Автомобиль, также превратившийся сегодня из предмета роскоши в необходимое средство передвижения, присутствует только в 15% семей, главами которых, как правило, являются отцы (неполные отцовские семьи)².

В целом мы можем констатировать неустойчивость и нестабильность состояния материального обеспечения жизнедеятельности неполной семьи. Дополнительным подтверждением данного положения является оценка родителем-одиночкой изменения социально-экономического положения семьи в ближайшей перспективе (не более 5 лет). Так, лишь треть (29%) респондентов уверены в улучшении материального положения семьи. Отрицание положительных тенденций в этом направлении жизни семьи свойственно 20% опрошенных (отметили вариант «не изменится»), что, в принципе, отрицает и негативные аспекты), уверены, что будет только хуже, 5%. При этом около половины (46%) затрудняются дать такой прогноз, что подтверждает их неуверенность в будущем и нестабильность в настоящем.

Общим стало мнение, что каждый десятый ребенок в России растет в неполной семье. В настоящее время неполная семья может получить общегосударственные льготы: федеральное пособие для неработающих одиноких матерей и доплаты в размере 40% от зарплаты работающим до 16-летия ребенка; субсидия на оплату коммунальных услуг; бесплатное питание для малышей в детском саду и школьников (либо

скидки на него); 20-, 50- и 70-процентная скидка на оплату детского сада с одним, двумя и тремя детьми соответственно; зачисление в детский сад по льготной очереди до 3-летнего возраста; 30-процентная скидка на обучение в музыкальных, художественных, спортивных школах для детей до 18 лет; привилегии на работе; детское питание до двухлетнего возраста; определенные лекарства по рецепту педиатра бесплатно до 3 лет; бесплатный проезд детям до 7 лет; социальная стипендия в вузе студентам из неполной семьи; путевки со скидкой в детский лагерь с места работы родителя. Но если семья хоть и неполная, но достаточно обеспечена, никаких преференций ей не положено.

Как уже отмечалось, проблемы малообеспеченности носят универсальный характер, но не имеют универсального решения. Полагаем, что основная задача, стоящая перед исследователями в этой области, в настоящее время состоит в том, чтобы точно определить причинно-следственные связи малообеспеченности и перечисленных выше физических и психологических изменений в неполной семье, что позволит увидеть пути гармонизации и эффективности гарантированной государством социальной защиты.

Примечания

- ¹ См.: Kesaeva R. E., Kesaeva J. E., Kantemirova G. A., Tigichvili N. N. Distribution of preferences in the consumption of medical – social services to elderly people // *European Applied Sciences*. 2013. № 6. P. 150–156.
- ² См.: Кантемирова Г. А. Кесаева Ж. Э. Социальная защита неполных семей в контексте государственной семейной политики // *Вестн. СОГУ*. 2011. № 3. С. 229–233.

Образец для цитирования:

Ивченков С. Г., Кантемирова Г. А. Малообеспеченность неполной семьи. Эмпирический анализ // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 256–259. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-256-259>

Cite this article as:

Ivchenkov S. G., Kantemirova G. A. Low-Income Single-Parent Family. Empirical Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 256–259 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-256-259>

УДК 316.334.3+316.621+316.627+316.75

Социальная ответственность в динамике общественного сознания поколений россиян

Л. Г. Лебедева

Лебедева Людмила Геннадьевна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, ludleb@mail.ru

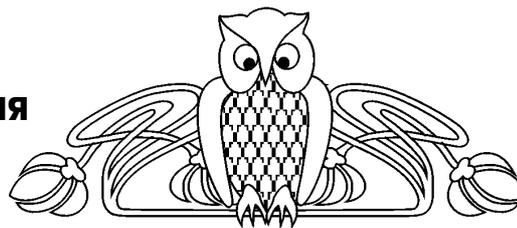
Каждое поколение обладает своим определённым общественным (коллективным) сознанием и своими просоциальными формами самоорганизации индивидов и групп, общественных движений и организаций. В жизнедеятельности и самоорганизации общества важную роль играет социальная ответственность. Автор исходит из того, что социальная ответственность означает признание индивидами и группами, общностями необходимости следовать в своей жизнедеятельности, в поведении общепризнанным социально-нравственным ценностям, нормам, требованиям, отражающим коренные потребности и интересы социума. Социальная ответственность как качество личности может формироваться и реализовываться различными способами, в том числе через добровольчество, общественные работы, борьбу за права человека, через гражданскую активность в социально-трудовой и научно-исследовательской, социально-политической и социально-культурной сферах. Проблема социальной ответственности тесно связана с проблемой гражданственности (гражданского сознания) и патриотизма. Социальная ответственность относится к «культурному коду», к основным социальным ценностям современных российских поколений. В то же время в последние десятилетия обозначились заметные расхождения между старшими и младшими поколениями в ценностных ориентациях. В особенности это относится к ценностным ориентациям социально-статусного и экономического характера. Рыночные преобразования оказали существенное «воспитательное» влияние именно на младшее, а также и на среднее поколения. Заметны и расхождения между старшими и младшими поколениями в ценностных ориентациях морального и социально-политического характера, отражающих социальную ответственность. Ценности этого характера отходят на более дальний план у молодых поколений по сравнению со старшим поколением. Однако появляются новые формы и варианты проявления социальной ответственности, связанные с развитием демократических основ российского государства – как правового и социального государства. Различные, в том числе и новые, формы и варианты проявления социальной ответственности в современных условиях заслуживают своего специального глубокого исследования.

Ключевые слова: общественное (социальное) сознание, социальная ответственность, гражданственность, поколение.

Social Responsibility in Russian Generation Social Consciousness Dynamics

L. G. Lebedeva

Lyudmila G. Lebedeva, <https://orcid.org/0000-0001-7007-6914>, Samara State University of Economics, 141 Soviet Army St., Samara 443090, Russia, ludleb@mail.ru

Each generation has its own specific social (collective) consciousness and its prosocial forms of self-organization of individuals and groups, social movements and organizations. Social responsibility plays an important role in society's life and self-organization. The author proceeds from the fact that social responsibility means recognizing the need to follow the generally recognized social and moral values, norms, requirements, reflecting the fundamental needs and interests of society by individuals, groups, and communities in their lives and behavior models. Social responsibility, as the quality of the individual, can be formed and implemented in various ways, including volunteering, public works, the struggle for human rights, by civic activity in the social, labor, and research in the socio-political and socio-cultural spheres. The problem of social responsibility is closely related to the problem of civicism (civic consciousness) and patriotism. Social responsibility refers to the “cultural code”, to the basic social values of modern Russian generations. At the same time, in recent decades the marked differences between the older and younger generations in value orientations have taken place. In particular, it applies to the value orientations of socio-status and economic nature. Market reforms have had a significant “educational” impact on the younger, as well as on the middle generations. The differences between the older and younger generations in moral and socio-political value orientations reflecting social responsibility are also noticeable. Such values become less important for the younger generation, in comparison with the older one. However, there are new forms and variants of social responsibility associated with the development of the Russian state democratic foundations – legal and social. Various, including new, forms and options of manifestation of social responsibility in modern conditions are worthy of special in-depth study.

Keywords: public (social) consciousness, social responsibility, civicism, generation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-260-265>

Каждое поколение обладает своим определённым общественным (коллективным) сознанием. Вместе с этим «...никто не может отменить многовековую тенденцию преемственности поколений, сохранения определенного “культурного кода” нации, при том, что роль и влияние этих традиций регулярно пересматриваются»¹.

Какое место занимает в общественном сознании современных россиян социальная ответственность? Относится ли социальная ответственность к «культурному коду», к основным социальным ценностям современных российских поколений (старших, средних, младших)?

На практике включённость социальной ответственности в общественное сознание и поведение основной массы населения – объективное свидетельство определённой стабильности и «нормальности» общества. И, наоборот, от-

сутствие социальной ответственности – объективное свидетельство более или менее высокой степени социальной аномии.

Феномен социальной ответственности проявляется в разнообразных формах социальной активности в трудовой и общественной жизнедеятельности, в том числе и в гражданском активизме, например, в массовом движении волонтеров. Феномен социальной ответственности отражает также ту или иную степень развития гражданского общества.

В рамках широкой темы общественного сознания и его «культурного кода» весьма актуальной является проблема социальной ответственности как одной из важнейших социальных ценностей. Анализируя ценности, мотивы и системы действия, классик социологии Т. Парсонс признавал, что система ценностей образует коллективный портрет соответствующей общности, что согласованное действие предполагает наличие коллективной целевой ориентации или общих ценностей². Роль одной из важнейших общих ценностей играет социальная ответственность как один из регуляторов жизнедеятельности и самоорганизации общества.

Автор исходит из того, что социальная ответственность предполагает и означает признание индивидами и группами, общностями необходимости следовать в своей жизнедеятельности, в поведении общепризнанным в обществе социально-нравственным ценностям, нормам, требованиям (выражаемым в том числе в правовой форме, а также в обычаях и традициях), отражающим коренные потребности и интересы социума.

Один из важнейших аспектов исследования общественного сознания (и социальных ценностей, социальной ответственности) связан с проблемой взаимоотношений поколений и преемственности поколений. Динамический процесс преемственности поколений связан с появлением новых важных проблем в общественном сознании и поведении, которые требуют адекватного научного отражения. При этом важной задачей является не только изучение процессов и факторов формирования общественного сознания, но также и возможностей обратного влияния сознания на трансформирование социальной реальности в прогрессивном направлении. С этой задачей связаны такие аспекты общественного сознания и поведения (на индивидуальном и групповом уровнях), как гражданственность и гражданская активность (гражданский активизм), социальная ответственность членов общества.

Существенной стороной, качеством общественного сознания применительно к индивидам является ощущение, чувство, осознание своей причастности к общественным проблемам и делам. Противоположность этому – социальная апатия как проявление отсутствия социальной совести. Таким образом, общественное созна-

ние выходит за рамки личных, индивидуальных взаимодействий и стремится внести свой вклад в формирование более этического общества³.

В общем, каждое поколение обладает своим определённым общественным (коллективным) сознанием, включая определённые социальные ценности, со своими особенностями проявления сознания в социальном поведении и культуре (в каждой стране и даже в каждом регионе) в рамках определённых демографических, социально-культурных и этнонациональных групп (как в поговорке – «что ни город, то свой норов»).

Общественное сознание и социальная ответственность

По оценке Розелины Полк (R. K. Polk), тема социальной ответственности развивалась в качестве расширения поля исследования, которое ранее обозначалось как гражданственность или воспитание гражданственности. Понятие социальной ответственности является более широким, поскольку включает в себя социальные навыки, которые позволяют людям быть активными и ответственными членами их крупных социальных и политических сообществ⁴.

Социальная ответственность как качество личности (конструкт, феномен) может формироваться различными способами, в том числе через добровольчество, общественные работы, борьбу за права человека, через гражданскую активность. В развитии не только личностных, но и социальных качеств, в формировании социального сознания и социальной ответственности молодёжи особенно значимую роль, наряду с семьёй, играет образование⁵. Развитие общественного сознания также помогает узнать и осознать, как работает общество, как оно структурировано, а вместе с этим приобрести чувство личной свободы действий и осознание степени нашей личной активности и ответственности за свои действия. По сути, образование открывает диалог между личным и коллективным, между общими и индивидуальными интересами, между правами и обязанностями⁶.

Проблема социальной ответственности заслуживает внимания, на наш взгляд, поскольку она, с одной стороны, является сама по себе важной относительно самостоятельной и комплексной проблемой и, с другой – тесно связана с проблемой гражданственности и гражданского общества.

В своей концепции Е. Я Виттенберг к гражданскому обществу относит лишь передовую часть общества, состоящую из институтов и граждан, которым свойственны активная гражданская позиция, определённый уровень гражданского сознания и гражданской культуры и которые способны нести социальную ответственность за свои действия или за бездействие⁷.

Думается, что такая позиция слишком радикальна и недостаточно точна. В частности, остаётся неясным, как, например, более или менее конкретно можно характеризовать «определённый уровень гражданского сознания и гражданской культуры»? Если этот уровень сводить лишь к весьма высокому, то рамки гражданского общества окажутся очень узкими. Видимо, необходимы ещё некоторые уточнения и более конкретные критерии гражданского общества. Но, безусловно, не вызывает возражений указание на «активную гражданскую позицию». Эмпирическим свидетельством активной гражданской позиции может быть признана именно гражданская активность (гражданский активизм) различных слоёв и групп населения.

При этом необходимо учитывать, что гражданская активность (гражданский активизм) тесно связана с гражданской идентичностью, подразумевающей «чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране», и что современная гражданская идентичность россиян по сути своей является государственно-гражданской⁸. В русле социальной трансформации российского общества именно гражданская (шире – социальная) ответственность является для широких слоёв населения и всех поколений естественным позитивным ориентиром в развитии

социальной активности⁹. В условиях российского общества проблема социальной ответственности тесно сочетается с проблемой гражданственности как таковой, особенно в связке с проблемой патриотизма.

Социальная ответственность среди отличительных сторон поколений россиян (по материалам социологических опросов)

Рассмотрим поставленную проблему с использованием материалов социологического опроса «Молодежь Самарской области 2018» проведённого Самарским областным фондом социальных исследований¹⁰ под научным руководством доктора социологических наук В. Б. Звонковского (июнь 2018 г.). Опросом было охвачено 1200 респондентов в возрасте от 14 до 60 лет.

В частности, респондентам задавался вопрос об отличительных сторонах своего поколения. При этом им предлагалось «меню» из 21 варианта ответов с ограничением – выбрать не более 7 вариантов. Результаты опроса представлены по трём возрастным группам (которые можно рассматривать в качестве отдельных поколений) с возрастным интервалом в среднем около 15 лет (табл. 1).

Таблица 1

Лидирующие варианты ответов на вопрос: «Какие отличительные стороны своего поколения вы могли бы назвать», %

Рейтинг	Группировка ответов по возрастным группам					
	Группа 1 (14–30 лет)		Группа 2 (31–45 лет)		Группа 3 (46–60 лет)	
	n=600		n=300		n=300	
1	Стремление зарабатывать много денег	54,1	Стремление зарабатывать много денег	50,0	Ответственность перед обществом	48,3
2	Стремление получать образование	45,3	Ориентация на здоровый образ жизни	41,8	Ориентация на здоровый образ жизни	43,6
3	Стремление быть разносторонне развитым	43,4	Стремление быть разносторонне развитым	38,8	Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	43,5
4	Ориентация на здоровый образ жизни	40,5	Стремление получать образование	38,0	Стремление быть разносторонне развитым	38,9
5	Нацеленность на карьеру	39,9	Нацеленность на карьеру	33,4	Стремление получать образование	37,2
6	Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	31,6	Ответственность перед обществом	28,4	Желание помогать нуждающимся людям	35,4
7	Большой круг общения	31,6	Большой круг общения	28,4	Большой круг общения	34,5

Выяснилось, какие отличительные стороны, свойства (черты «социального портрета») у трёх возрастных групп (поколений) являются общими, а какие – различными (табл. 2).

Из приведённых данных видно, что среди лидирующих вариантов ответов респондентов об отличительных сторонах своего поколения есть как общие, так и различные для разных возрастных (поколенческих) групп.

Для всех трёх возрастных групп оказались

общими такие варианты ответов, которые имеют преимущественно личностный и социокультурный характер. Несколько различаются лишь рейтинговые места. Особенно это касается пункта «Ориентация на здоровый образ жизни», который на втором месте у старшей возрастной группы (что, впрочем, вполне естественно), а также у средней возрастной группы, но лишь на четвертом месте у младшей возрастной группы (что тоже вполне естественно).

Таблица 2

Распределение лидирующих вариантов ответов об отличительных сторонах поколений (трех возрастных групп) в соответствии с их характером с указанием рейтинговых мест (на основе табл. 1)

Характер отличительных сторон поколения	Группировка ответов по возрастным группам		
	Группа 1 (14–30 лет)	Группа 2 (31–45 лет)	Группа 3 (46–60 лет)
Преимущественно личностные и социокультурные	(2) Стремление получать образование (3) Стремление быть разносторонне развитым (4) Ориентация на здоровый образ жизни (7) Большой круг общения	(2) Ориентация на здоровый образ жизни (3) Стремление быть разносторонне развитым (4) Стремление получать образование (7) Большой круг общения	(2) Ориентация на здоровый образ жизни (4) Стремление быть разносторонне развитым (5) Стремление получать образование (7) Большой круг общения
Преимущественно социально-статусные и экономические	(1) Стремление зарабатывать много денег (5) Нацеленность на карьеру	(1) Стремление зарабатывать много денег (5) Нацеленность на карьеру	–
Преимущественно моральные и социально-политические	(6) Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	(6) Ответственность перед обществом	(1) Ответственность перед обществом (3) Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине (6) Желание помогать нуждающимся людям

У младшей и средней возрастных групп оказались общими два варианта ответов, которые имеют преимущественно социально-статусный и экономический характер (при этом и с одинаковыми рейтинговыми местами). Но таковых вариантов ответов не оказалось совсем в числе лидирующих ответов у старшей возрастной группы.

И в этом факте мы можем видеть свидетельство определённого «разрыва» между поколениями в отличительных особенностях социально-статусного и экономического характера.

И очень разнообразно распределились по возрастным группам варианты ответов, отражающие социальную ответственность (табл. 3).

Таблица 3

Распределение вариантов ответов, отражающих социальную ответственность, по возрастным группам с указанием рейтинговых мест (на основе табл. 2)

Группировка ответов по возрастным группам		
Группа 1 (14–30 лет)	Группа 2 (31–45 лет)	Группа 3 (46–60 лет)
–	(6) Ответственность перед обществом.	(1) Ответственность перед обществом.
(6) Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине.	–	(3) Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине.
–	–	(6) Желание помогать нуждающимся людям.

Можно сделать вывод о близости друг другу младшего и среднего поколений по моральным и социально-политическим отличительным сторонам (свойствам, чертам «социального портрета») поколений, а также о заметном отличии их в этом отношении от старшего поколения. Так, если у младшего и старшего поколений оказалось среди выбранных вариантов ответов только по одному, отражающему социальную ответственность (и только лишь на шестом месте), то у старшего поколения – три варианта ответов, отражающих социальную ответственность (в том числе на первом и третьем местах).

Как известно, ценности, которые воспринимают люди, во многом зависят от социально-экономических и социокультурных условий, в которых проходит социализация личности. В частности, не следует забывать об определённой незавершённо-

сти процесса утверждения гражданского общества в современной России. Поэтому есть основания согласиться с оценками нынешнего российского гражданского общества как «квазигражданского»¹¹ – по сути, переходного к полноценному гражданскому обществу. В постсоветский период наблюдаются неравномерная и «зигзагообразная» динамика социальных настроений и ценностей в общественном сознании россиян (в духе «переходного» состояния общества) и, соответственно, определённые сложности в социально-историческом процессе преемственности поколений¹². Усиливаются дифференциация и плюрализация нормативно-ценностных систем, которые при этом сосуществуют в российском обществе¹³. Это относится и к разным поколениям россиян.

При существующей в российском обществе ценностной неоднородности проявляют себя

определённые тенденции, связанные с утверждением в общественном сознании ценностей современного гражданского общества, включая ценность социальной ответственности и гражданской активности. Социальная ответственность занимает важное место в общественном сознании современных россиян, она относится к «культурному коду», к основным социальным ценностям современных российских поколений.

По различным социологическим данным, для большинства россиян характерны коллективизм и традиционализм. Им свойственно на первое место ставить интересы общества в целом (77%), нежели личные стремления (17%). И при ориентации на «общественное» россияне проявляют преимущественно тягу к безопасности и уважение к традициям (58%), нежели склонность к авантюризму и к неизведанному (35%)¹⁴. К этому можно добавить комментарий: отсутствие склонности к авантюризму согласуется со склонностью к социальной ответственности.

В динамическом процессе формирования и смены поколений проявляют себя долговременные исторические традиции предыдущих поколений россиян, оказывающие влияние на более или менее гармоничное развитие преемственности поколений.

В то же время в последние десятилетия появились и определённые расхождения, даже «разрывы» между поколениями в ценностных ориентациях, в важных социальных ценностях. В особенности это относится к ценностным ориентациям социально-статусного и экономического характера. Рыночные преобразования оказали существенное «воспитательное» влияние именно на младшее, а также на среднее поколения. Младшее и среднее поколения близки друг другу по социально-статусным и экономическим сторонам (свойствам, чертам «социального портрета») и существенно отличаются в этом отношении от старшего поколения (см. табл. 2).

Заметные расхождения между поколениями обозначились и в ценностных ориентациях морального и социально-политического характера, отражающих социальную ответственность. Ценности этого характера отходят на более дальний план у молодых поколений по сравнению со старшим поколением (см. табл. 3). Однако не следует эту ситуацию утрировать и упрощать. Почему? Дело в том, что появляются новые формы и варианты проявления социальной ответственности, связанные с развитием демократических основ Российского государства как правового и социального государства.

Кроме того, следует учитывать, что и ценностные ориентации, которые имеют преимущественно личностный и социокультурный характер, также содержат элементы социальной ответственности (см. табл. 1). «Ориентация на здоровый образ жизни», «Стремление быть разносторонне развитым», «Стремление получать

образование» – всё это важно не только для конкретного индивида в личностном плане, но и для его окружения, для общества в целом. Благодаря подобным ориентациям и стремлению индивидов формируется определённый человеческий капитал. И «наличный» человеческий капитал по мере формирования субъектности личности выполняет активные функции по дальнейшему развитию личности в том или ином направлении¹⁵. Здоровый и образованный, разносторонне развитый индивид (личность) – это ведь идеальный «человеческий капитал» для общества, в интересах общества!

Социальная ответственность как качество личности (конструкт, феномен) может формироваться различными способами, в том числе через добровольчество, общественные работы, борьбу за права человека, через гражданскую активность в социально-трудовой и научно-исследовательской, в социально-политической и социально-культурной сферах. Соответственно, различные, в том числе и новые, формы и варианты проявления социальной ответственности в современных условиях заслуживают своего специального глубокого исследования.

Благодарности

Автор выражает признательность и благодарность Владимиру Борисовичу Звоновскому, доктору социологических наук, президенту Самарского областного фонда социальных исследований, и коллективу Фонда за предоставленную возможность использования материалов социологического опроса «Молодежь Самарской области 2018».

Примечания

- ¹ Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века : откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 322. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>
- ² См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. С. 201.
- ³ См.: Goldberg M. Social conscience. The ability to reflect on deeply-held opinions about social justice and sustainability // Stibbe A. (ed.). The Handbook of Sustainability Literacy. Skills for a changing World. Dartington, Devon : Green Books, 2009. P. 106. URL: http://arts.brighton.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0007/5974/Social-Conscience2.pdf (дата обращения: 16.09.2018).
- ⁴ См.: Polk R. K. Social Responsibility. URL: https://cals.arizona.edu/sfcs/cyfernet/nowg/sc_social.html (дата обращения: 16.11.2017).
- ⁵ См.: Pavlidis P. Social consciousness, education and transformative activity // Journal for Critical Education Policy Studies. Oct. 2015. Vol. 13, № 2. P. 2. URL: www.jceps.com/wp-content/uploads/2015/10/1-13-2-1.pdf (дата обращения: 16.11.2017).

- ⁶ См.: *Granados J.* The Challenges of Higher Education in the 21st Century. URL: <http://www.guninetwork.org/articles/challenges-higher-education-21st-century> (дата обращения: 15.03.2018).
- ⁷ См.: *Виттенберг Е. Я.* Социальная ответственность гражданского общества : дискуссионные вопросы теории (Часть 1) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5, № 2. С. 71. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5150>
- ⁸ См.: *Дробижева Л. М.* Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 8–9. DOI: [10.14515/monitoring.2017.4.02](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02)
- ⁹ См.: *Лебедева Л. Г.* Социоинституциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе // Изв. УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 4 (170). С. 64.
- ¹⁰ См.: Фонд социальных исследований : [сайт]. URL: <http://socio-fond.com/>; https://vk.com/socio_fond (дата обращения: 16.09.2018).
- ¹¹ См.: *Рассадина Т. А.* Гражданское общество в современной России : некоторые тенденции, проблемы, факторы формирования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 129. DOI: [10.18500/1818-9601-2016-16-2-129-133](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-2-129-133)
- ¹² См.: *Лебедева Л. Г.* «Зигзаги» преемственности поколений как фактор проблем в социализации молодежи // Общество и человек. 2015. № 1-2 (11). С. 100, 101.
- ¹³ См.: *Мареева С. В.* Ценностная палитра современного российского общества // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 52. DOI: [10.14515/monitoring.2015.4.03](https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.4.03)
- ¹⁴ См.: ВЦИОМ : Пресс-выпуск № 3175 от 15.08.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115815> (дата обращения: 16.09.2018).
- ¹⁵ См.: *Дудин Г. А.* Профессионализм, социализация и человеческий капитал // Наука XXI века : актуальные направления развития. 2017. № 1–1. С. 91.

Образец для цитирования:

Лебедева Л. Г. Социальная ответственность в динамике общественного сознания поколений россиян // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 260–265. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-260-265>

Cite this article as:

Lebedeva L. G. Social Responsibility in Russian Generation Social Consciousness Dynamics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 260–265 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-260-265>

УДК 308

Социография социальной вражды. Потенциал «спровоцированных» документов

О. А. Романовская

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanovska.ol@yandex.ru

Статья посвящена вопросу междисциплинарной рефлексии исторически сформировавшихся локальных социокультурных сообществ, находящихся в состоянии социальной вражды. Реализация исследовательской задачи была достигнута через привлечение и панорамный обзор коллекций Истпарта Российского государственного архива социально-политической истории и ГНИСО. Анализируется потенциал социографии применительно к «закодированной» информации, содержащейся в «спровоцированных» личных документах. Отмечается, что монографический метод воплощен в совокупности методик и весьма продуктивен при описании и измерении связанной социографической персональной информации как в количественных, так и в качественных исследованиях.

Ключевые слова: социография, социальная вражда, Гражданская война, социальная история, «спровоцированные» личные документы.

Social Hostility Sociography: “Provoked” Documents Potential

O. A. Romanovskaia

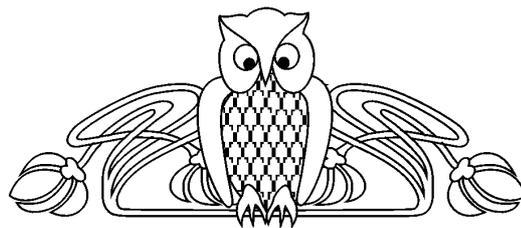
Olga A. Romanovskaia, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

The article is devoted to the issue of interdisciplinary reflection of historically formed local socio-cultural communities in a state of social hostility. Implementation of research tasks was achieved by the involvement and visibility of the Russian state archive of socio-political history Istpart and GNISO collections. The potential of sociography in relation to “coded” information contained in “provoked” personal documents is analyzed. It is noted that the monographic method is embodied in a set of techniques and is very productive for the description and measurement of related sociographic personal information in both quantitative and qualitative studies.

Keywords: sociography, social hostility, Civil war, social history, “provoked” personal documents.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-266-267>

Междисциплинарные исследования социальной неоднородности любого общества имеют оригинальный бэкграунд, опосредованный исторически сложившимися социокультурными мирами. Чем сложнее структурирован социум, тем выше уровень неоднородности и уникальнее культурные различия. Пока общество является традиционным, оно воспроизводит и сохраняет местные субэтни-

ческие сообщества, ограниченные образом жизни и территориальными приписками.

Например, в Российской империи в условиях сословного строя существовало прикрепление по формальному признаку к сельскому обществу (деревне) по «формуле»: волость – уезд – губерния. Эта схема запечатлена не только в официальных документах, но и поэтически: «В каком году – рассчитывай, / В какой земле – угадывай, / На столбовой дороженьке / Сошлись семь мужиков: / Семь временнообязанных, / Подтянутой губернии, / Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости, / Из смежных деревень...»¹

Исторически сформировавшиеся группы, сословия, страты, классы, слои существуют в разных социокультурных мирах, создавая и наполняя «свой мир», свое локальное сообщество документами в предельно широком значении, т. е., документами – носителями любой «кодированной» информации о социальных явлениях и процессах. Официальные и неофициальные, эти документы составляют бескрайний массив репрезентаций. Однако для удобства мыслительных операций исследователи классифицируют документы по различным основаниям: по видам материальных носителей, по степени персонализации, по ситуации создания документа...

В этой связи обратимся к феномену неофициальных (личных), но «спровоцированных» документов, созданных кем-либо специально для реализации каких-либо целей (к примеру, автобиографии, мемуары, школьные сочинения и т. п.). Наша авторская презумпция заключается в убеждении, что при настраивании социографического (в понимании Ф. Тенниса) исследовательского фокуса на «спровоцированные» документы, помимо прочего, весьма интересна и информационно важна неспровоцированная источниковая часть. Особенно когда в качестве объекта исследования выступает относительно автономная и протяженная во времени социальная ситуация, к примеру, социальная напряженность, вражда и ненависть периода революции и Гражданской войны в России первой четверти XX в., породившие борьбу дискурсов изучения, восприятия и коммеморации².

Полагаем, что научный анализ источниковой (документальной) неспровоцированности личностных оценок, «обслуживающих» повседневную жизнь, становится продуктивным при реализации стратегии монографического исследования случая. Именно поэтому при исследова-

тельской рефлексии необходимо настроиться на выявление ограничений по параметрам времени, места, персоны социального действия и содержания этого действия.

Обратимся к коллекции Истпарта – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б)³, которая содержит 973 единицы хранения «спровоцированных» документов⁴. Однотипные этим документам единицы хранения находятся в коллекциях областных истпарта, например ГАНИСО⁵. Печатным органом Истпарта был журнал «Пролетарская революция»⁶, в котором публиковались статьи исследовательского характера, документы и мемуары по истории рабочего движения, Коммунистической партии, Октябрьской революции и Гражданской войны, т. е. документы эпохи, которые мы определяем как «спровоцированные» и созданные специально для реализации директив, инструкций, методических указаний к применению идеологического «сита» для отсеивания «ненужных» фактов и свидетельств⁷.

Между тем информанты, которые свидетельствовали о своем участии в социальном противостоянии, ориентируясь на идеологический заказ и «социально одобряемые цели», нерелексивно «пропускали» в свой мемуарный текст (рукопись/машинопись) «неспровоцированную» информацию о врагах советской власти: «кулаках», «буржуях», «повстанцах», «бандитах», «белых», «зелёных»... Именно эти нарративы, просеянные через «сито» губернских, позже областных истпарта, составляют сейчас ценные источники социального противостояния.

Более того, через «неспровоцированный» сегмент «спровоцированных» документов возможно восстановление социальных программ микроуровня тех акторов, которым не суждено было оставить о себе авторские «независимые» свидетельства. Полагаем, что именно социография позволяет, сфокусировавшись на деталях, описать экзистенцию среды, в которой разворачивались социальная напряженность, вражда и ненависть означенных событий.

Ресурсы социографии позволяют проводить различие отражения, «как увидел» социальный актор случай и что фактически отражалось. Для точности отметим, что социография базируется на методике изучения социального факта, утвержденной Великим офицером ордена Почетного легиона Фредериком Ле Пле, через монографическое описание и измерение конкретных явлений социальной жизни, обяза-

тельно с применением количественных методов.

Монографический метод воплощен в совокупности методик и весьма продуктивен при описании и измерении связанной социографической персональной информации, что успешно доказано на примере «демографического мешка» тамбовским исследователем В. Л. Дьячковым⁸. Здесь измерения жестко структурированы и являются конечными. Между тем изучение «неспровоцированного» сегмента «спровоцированных» документов для качественной стратегии социографического исследования должно строиться таким образом, чтобы в описанном «отдельном случае» отразилась социальная реальность макроуровня, иными словами, социография позволяет ликвидировать «лаги» между изолированными друг от друга социальными ситуациями, связь между которыми может быть установлена через социальное время.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-01-00460-ОГН ОГН-А).

Примечания

- ¹ Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М.: Детская литература, 1981. С. 5.
- ² См.: Булгаков А. О., Виноградский В. Г., Посадский А. В., Романовская О. А. Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. Саратов: Амирит, 2018.
- ³ См.: Воспоминания, статьи, другие документы, собранные Истпартом // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3: 1920–1936 гг.
- ⁴ См.: Список фондов и описей // Российский государственный архив социально-политической истории: [сайт]. URL: http://www.rgaspi.ru/funds/spisok_opisei (дата обращения: 21.04.2019).
- ⁵ См.: ОГУ Государственный архив новейшей истории Саратовской области: [сайт]. URL: http://saratov.rusarchives.ru/cdniso_fonds.html (дата обращения: 29.04.2019).
- ⁶ См.: Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 607.
- ⁷ См.: Клопихина В. С. Деятельность Истпарта в исследовательском поле интеллектуальной истории. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/878> (дата обращения: 08.05.2019).
- ⁸ См.: Дьячков В. Л. Белые, красные, зелёные: истоки и сравнительная социография активистов гражданской войны в России. Тамбовская губерния в революции 1917 года и Гражданской войне: особенное в общем // Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: Исследования, документы, воспоминания / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 103–124.

Образец для цитирования:

Романовская О. А. Социография социальной вражды. Потенциал «спровоцированных» документов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 266–267. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-266-267>

Cite this article as:

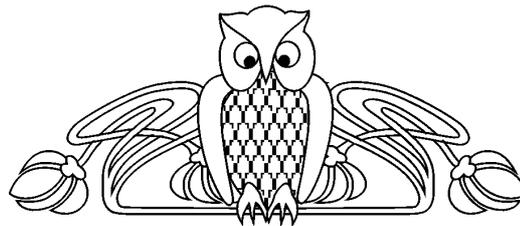
Romanovskaia O. A. Social Hostility Sociography: “Provoked” Documents Potential. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 266–267 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-266-267>

УДК 316.752

Развитие интеллектуального потенциала как перспективное направление работы с молодежью

Е. В. Сайганова, Г. И. Железовская

Сайганова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, SaiganovaEV@yandex.ru

Железовская Галина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sgu.pedagogika@yandex.ru

В статье рассматриваются новые подходы к развитию интеллектуального потенциала молодежи. Проводится изучение специфики и особенностей участия молодежи в программах и олимпиадах, направленных на развитие интеллектуальных способностей. Анализируются возрастные особенности развития интеллекта молодых людей с позиции педагогики и социологии, рассматривается содержание феномена «интеллектуальный потенциал молодежи», выявляются эффективные условия для реализации интеллектуального потенциала молодежи в рамках образовательной среды.

Ключевые слова: молодежь, интеллект, программы.

Intellectual Potential Development as a Promising Area of Work with Young People

E. V. Saiganova, G. I. Zelezovskaya

Elena V. Saiganova, <https://orcid.org/0000-0003-3916-2800>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, SaiganovaEV@yandex.ru

Galina I. Zelezovskaya, <https://orcid.org/0000-0002-6720-680X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sgu.pedagogika@yandex.ru

The article discusses new approaches to the development of the intellectual potential of young people. The peculiarities and distinctive features of youth participation in programs and competitions aimed at the development of intellectual abilities is studied. Age peculiarities of youth intelligence development from the educational and sociological approaches are analyzed. The content of the phenomenon of «intellectual potential of the youth» is considered, and the young people intellectual potential effective conditions realization within the educational environment is identified.

Keywords: youth, intelligence, programs.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-268-270>

Множество исследований показывает, что в первые 20 лет жизни человека происходит существенное развитие его интеллекта, причем в наибольшей степени интеллект меняется в возрасте

от 2 до 12 лет. Пик развития достигается к 19–20 годам, далее происходит фаза стабилизации и с 30–34 лет наблюдается постепенный спад продуктивности интеллектуальных функций¹.

Подростковый возраст – последний из возрастов, для которых характерны качественные изменения в развитии интеллектуального плана. Главную роль в этих сдвигах играет возраст 11–12 лет. Согласно стадияльной теории развития Жана Пиаже, именно в этот период становится возможным достижение последней – четвертой – стадии интеллектуального развития. Эта стадия характеризуется как стадия формальных операций².

Операции, которые были освоены в младшем школьном возрасте, становятся формально-логическими. Подросток, уклоняясь от конкретного, наглядного материала, способен размышлять в словесном плане, строить и находить истины гипотез, решать задачи с повышенной интеллектуальной сложностью.

У подростков также возрастает способность планировать и предвидеть. В исследовании канадца А. Л. Грина психолог обращался к старшим подросткам и выпускникам колледжей с просьбой описать то, что, по их мнению, может с ними произойти в будущем, и предположить, в какой период жизни следуют ожидать эти события. Испытуемые старшего возраста могли заглянуть дальше в будущее, чем более молодые испытуемые, и рассказы старших были конкретней³.

Интеллектуальное развитие подростка не ограничивается лишь качественными изменениями его мышления. Все познавательные процессы составляют единую систему, которую А. М. Матюшкин называет интеллектуальной и одновременно обеспечивающей внимание к новому, пониманию и запоминанию учебного материала. В жизни, на уроке каждый познавательный процесс имеет тесную взаимосвязь со всеми остальными и включен в эти другие процессы. Так, мышление основывается на памяти, оно предполагает и включает осмысленное внимание, так же как и запоминание составляет результат мышления и понимания.

В подростковом возрасте (10–15 лет) быстро развивается также произвольное внимание, устойчивость которого достигает в среднем 40–45 минут, значительно совершенствуются распределение и переключаемость внимания. Однако существует и другая точка зрения. По

экспериментальным данным, описанным в работе И. М. Трахтенберга, в возрасте 10–12 лет развитие внимания несколько замедляется, а взаимосвязь между показателями разных свойств внимания уменьшается. Это объясняется влиянием гормональных перестроек. До и после этого возраста показатели всех свойств внимания растут значительно быстрее. Опыт показывает, что у хорошо успевающих учеников развитие внимания по всем показателям, как правило, выше и носит более сложный и противоречивый характер, чем у плохо успевающих одноклассников. Воспитание внимания тесно связано с воспитанием в человеке ответственности, дисциплинированности⁴.

В настоящее время одной из главных задач Основ государственной молодежной политики в РФ до 2025 года⁵ называется необходимость создания условий для реализации интеллектуального потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии «социального лифта».

Инновационная платформа «Лифт в будущее» помогает тем молодым людям, которые собираются связать свою профессиональную жизнь с наукой и новыми технологиями. «Лифт в будущее» призван помочь талантливой молодежи с получением профессиональной ориентации, приобретением практических знаний, обменом опытом и налаживанием полезных контактов для дальнейшего карьерного развития.

Общероссийская Малая академия наук «Интеллект будущего» с 2018 г. реализует проект «Интеллектуальный потенциал России», который предусматривает развитие и поддержку научных объединений учащихся как эффективной формы привлечения учащихся к исследовательской и проектной деятельности, ориентации учащихся на научные и инженерные профессии, вовлечения действующих ученых и специалистов в работу с интеллектуально одаренными детьми, интеллектуального продвижения и развития потенциала учащихся⁶.

В рамках Национальной образовательной программы «Интеллектуально-творческий потенциал России» проводятся предметные конкурсы и олимпиады, конкурсы исследовательских и проектных работ, творческие конкурсы, семинары, турниры, фестивали и научные конференции по различным направлениям науки, техники и культуры⁷. Собственные олимпиады организуют университеты. В России широко известны олимпиады для школьников «Ломоносов» (МГУ им. М. В. Ломоносова), «Высшая проба» (НИУ ВШЭ), «Физтех» (МФТИ), «Шаг в будущее» (МГТУ им. Н. Э. Баумана). Для студентов проводятся универсиады и другие соревнования. Соревновательный характер носят конкурсы и турниры («Турнир юных физиков», математический «Турнир городов», математический конкурс «Кенгуру»). В 2012 г. Россия

присоединилась к международному движению WorldSkills, и в 2013 г. прошел первый всероссийский конкурс профессиональной подготовки «Национальный чемпионат WorldSkills Russia»⁸.

С 2017 г. стартовала Программа «Российские интеллектуальные ресурсы» – проект Российского союза молодежи⁹. Целью Программы является создание условий для выявления, поддержки, развития и содействия дальнейшему трудоустройству молодых талантов в Российской Федерации.

Проведенное исследование возрастных особенностей развития интеллекта молодых людей с позиции педагогического и социологического аспектов позволяет сделать следующие выводы. Анализ содержания феномена «интеллектуальный потенциал молодежи» в его педагогической и социологической интерпретации позволил определить его структурные компоненты и выявить соответствующие условия реализации интеллектуального потенциала индивида в социуме для дальнейшего общественного прогресса и модернизации общества. Эти условия включают, следующие компоненты:

- наличие внутренней и внешней мотивации к интеллектуально-творческой деятельности;
- воспитание социумом у членов общества определенных личностных характеристик, способствующих реализации интеллектуального потенциала;
- наличие социальных возможностей у членов общества развивать интеллектуальные способности, инвестировать в свое разностороннее интеллектуальное развитие.

В настоящее время создана единая информационно-образовательная среда, которая дает возможность повышения качества образования, обеспечения широкого доступа к учебно-методическому контенту, повышения профессионального уровня учителей, создания более благоприятных условий для сетевого сотрудничества педагогов и других специалистов различных по уровню образовательных учреждений, а также привлечения к творческой деятельности учащихся.

В рамках Национальной образовательной программы «Российские интеллектуальные ресурсы» проводятся предметные конкурсы и олимпиады, конкурсы исследовательских и проектных работ, творческие конкурсы, семинары, турниры, фестивали и научные конференции по различным направлениям науки, техники и культуры¹⁰.

Таким образом, сегодня в России создана эффективная система развития интеллектуального потенциала молодежи и детей, которая объединяет интересы государства, общества и бизнеса. Эта система создает условия для развития способностей молодежи независимо от места жительства, социального положения и финансовых возможностей семьи.

Примечания

- ¹ См.: Миронова А. М. К вопросу о развитии интеллектуальной одарённости школьников // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5. С. 58–61.
- ² См.: Чернышёва И. В., Шлемова М. В., Егорычева Е. В., Мусина С. В. Анализ влияния физической культуры на умственную работоспособность студентов // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 1 (05). С. 74–77.
- ³ См.: Павлова А. И., Чернышева И. В., Шлемова М. В., Липовцев С. П. Физическая культура как средство повышения умственной работоспособности // Успехи современного естествознания. 2013. № 10. С. 187–188.
- ⁴ См.: Трахтенберг И. М. Гигиена умственного труда школьников. Киев, 1973.
- ⁵ См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 50, ст. 7185.
- ⁶ См.: Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) : [сайт]. URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 16.11.2018).
- ⁷ См.: Национальная образовательная программа «Интеллектуально-творческий потенциал России». URL: <https://new.future4you.ru/programm/> (дата обращения: 16.11.2018).
- ⁸ См.: Об утверждении перечня олимпиад и иных интеллектуальных и (или) творческих конкурсов, мероприятий, направленных на развитие интеллектуальных и творческих способностей, способностей к занятиям физической культурой и спортом, интереса к научной (научно-исследовательской), инженерно-технической, изобретательской, творческой, физкультурно-спортивной деятельности, а также на пропаганду научных знаний, творческих и спортивных достижений, на 2017/18 учебный год : приказ Минобрнауки РФ от 05.10.2017 № 10022. URL: http://future4you.ru/images/stories/docs/MAN/2017018/prikaz_minobrn1002 (дата обращения: 16.11.2018).
- ⁹ См.: Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) : [сайт].
- ¹⁰ См.: Программа «Российские интеллектуальные ресурсы». URL: <http://www.ruy.ru/programms/federalnyuproekt-rossiyskie-intellektualnye-resursy.html> (дата обращения: 15.11.2018).

Образец для цитирования:

Сайганова Е. В., Железовская Г. И. Развитие интеллектуального потенциала как перспективное направление работы с молодежью // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 268–270. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-268-270>

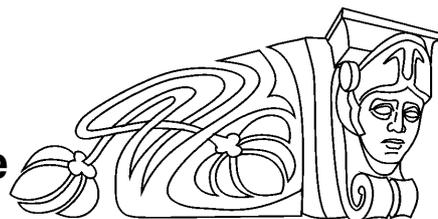
Cite this article as:

Saiganova E. V., Zelezovskaya G. I. Intellectual Potential Development as a Promising Area of Work with Young People. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 268–270 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-268-270>

УДК 316.334.52(470.67)

Роль доверия в формировании межнационального согласия в современном дагестанском обществе

М. М. Шахбанова

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала, madina2405@mail.ru

Полиэтничность российского сообщества, характерные последним десятилетиям интенсивные внутренние и внешние миграционные потоки, сложные религиозные процессы постсоветского периода и ряд не менее существенных факторов способствовали ухудшению межэтнического климата на многонациональных территориях, появлению межнациональной и межрелигиозной интолерантности на фоне сложной социально-экономической ситуации в России, что закономерно актуализирует проблему формирования, сохранения и поддержания межэтнического мира и согласия. Актуализация вопроса межнационального согласия способствовали сложная социальная ситуация и социальная напряженность в современном российском обществе, порой открытое межэтническое противостояние в крупных российских мегаполисах, поэтому в такой ситуации заметно возрастает роль доверия разным социальным звеньям. Результаты исследования показывают высокий уровень доверия к ближнему кругу – семье и родителям, при заметно низком уровне доверия политическим структурам. Степень доверия, выражаемого опрошенными институтам власти, выступает индикатором успешности и эффективности проводимой властью социально-экономической политики. Более того, высокая степень проявления институциональной формы доверия констатирует существующую в массовом сознании респондентов поддержку проводимого государством политического курса.

Ключевые слова: доверие, обобщенное доверие, институциональное доверие, личностное доверие, российское общество, политическая власть.

The Role of Trust for the Inter-National Agreement Formation in Modern Dagestan Society

M. M. Shakhbanova

Madina M. Shakhbanova, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Sciences Scientific Center of RAS, 75 Yaragskogo St., Makhachkala 367030, Russia, madina2405@mail.ru

Poly-ethnicity of the Russian community, intense internal and external migration flows characteristics of the last decades, complex religious processes of the post-Soviet period and a number of equally important factors contributed to the deterioration of the inter-ethnic climate in multinational territories and the emergence of interethnic and interreligious intolerance against the background of a complex socio-economic situation in Russia. The aforementioned factors are an actual problem for the formation, preservation and maintenance of inter-ethnic peace and harmony. The difficult social situation and social tension in modern Russian society, sometimes-open interethnic confrontations in Russian

megapolises, contributed to the actualization of the issue of interethnic harmony. Therefore, the role of trust in different social links noticeably grows in such a situation. The results of the study show a high level of trust in the inner circle – family and parents. There is a markedly low level of trust in political structures. The respondents' expressed confidence in the institutions of power, becomes an indicator of the the authorities' socio-economic policy success and effectiveness. Moreover, manifestation of the institutional form of trust high degree states the respondents' mass mind support of the state policy.

Keywords: trust, generalized trust, institutional trust, personal trust, Russian society, political power.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-271-278>

Доверие является феноменом, с трудом поддающимся универсальной концептуализации. Под доверием скрываются многообразные компоненты осознанного и бессознательного, связанные с отношением к людям и социальным объектам, их оценка в контексте «надежности»¹.

Современное общество характеризруется различным проявлением доверия. По мнению А. Алексеевой, в настоящее время большое внимание уделяется безличным формам доверия (институциональное, системное, обобщенное). Одной из основных причин социально-экономического кризиса, по мнению экспертов, является резкое снижение уровня доверия практически во всех звеньях социально-экономических отношений. При этом А. Алексеева отмечает, что, во-первых, ситуация доверия характеризуется *неопределенностью*, которая связана с вариативностью выбора и принципиальной невозможностью для индивида предсказать поведение контрагента. Во-вторых, ситуация доверия всегда связана с принципиальной уязвимостью индивида (*vulnerability*) по отношению к партнеру. Она возникает по причине свободы контрагента, допускающей вероятность обмана с его стороны, т. е. *неопределенности*. В-третьих, оказание доверия переводит ситуацию неопределенности в ситуацию *риска*. В-четвертых, ситуация доверия характеризуется принципиальной невозможностью контроля действий контрагента в режиме мониторинга (постоянного контроля в процессе взаимодействия). В-пятых, потенциальная ситуация доверия предполагает возможность манипулирования репрезентантами *надежности* со стороны контрагента².

Разработав теоретически понятие «межнациональное согласие» и анализируя его по результатам проведенных исследований в регионах и общероссийским выборкам, Л. М. Дробужева в структуру

межнационального согласия включает не только благоприятные межнациональные установки, готовность иметь дело с людьми иных национальностей в профессиональной и неформальной сферах общения, но также и ценность диалогового урегулирования противоречивых ситуаций, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение образа мира. Все это проявляется в способности людей жить в сложном, многообразном мире, взаимодействовать друг с другом на принципах доверия, равенства и справедливости³. При этом доверия не может быть, если между людьми нет доброжелательных или хотя бы нейтральных отношений и готовности к взаимодействию. Но также и благоприятных отношений нет без доверия. Общие, разделяемые большинством представления о ценностях жизни, целях общества создают основу как для доверия, так и для благоприятных отношений⁴.

По мнению П. Штомпки, культура доверия формируется в обществе поэтапно. В первую очередь она формируется на индивидуальном уровне как результат доверительных межличностных отношений, затем, при условии сохранения социальной стабильности, доверие «закрепляется» на массовом уровне как социальная установка и лишь потом формируется собственно культура доверия как «давление среды», принуждающее членов общества к добропорядочному и ответственному поведению⁵.

Культура доверия в России находится в стадии формирования, и психологическим источником ее выступают доверительные отношения, складывающиеся в семейном и дружеском кругу, трудовых коллективах, среди соседского окружения. Несмотря на то что в России пока невысока гражданская активность, которая проявлялась бы в стихийном формировании добровольных горизонтальных ассоциаций, тем не менее, высокий уровень доверия друзьям (практически такой же, как членам семьи) позволяет предположить, что при благоприятном социально-экономическом и политическом развитии тесные дружеские связи найдут выход в создании более широких гражданских союзов⁶.

Поэтому очень важно оценить, насколько межличностное доверие как установка готовности в целом доверять людям может участвовать в формировании межэтнической толерантности и тем самым служить ресурсом для формирования межэтнического согласия в современном российском обществе. Роль доверия как основы социальной и межэтнической консолидации с очевидностью проявляет себя при анализе установок, отражающих отношение дагестанцев к этнокультурному разнообразию (иноэтническому окружению), которое стало стремительно проявляться в Дагестане в постсоветский период.

Доверие и межэтническая толерантность как феномены социального взаимодействия тесно связаны между собой. Более того, толерантность, понимаемая как уважение к этническому,

культурному плюрализму, позитивное или нейтральное восприятие существующих в обществе религиозных и этнокультурных различий⁷, в своем формировании в значительной степени опирается на механизмы межличностного и институционального доверия, а доверие, возникающее в культурно неоднородной социальной среде, предполагает, в свою очередь, наличие определенного уровня межэтнической толерантности⁸.

Отечественные исследователи выделяют следующие индикаторы межэтнической толерантности: 1) отсутствие устойчивых ксенофобных установок (длительно переживаемой враждебности к людям других национальностей); 2) готовность принять человека другой национальности в качестве гражданина России, жителя своего города/села, в качестве соседа; 3) отказ от применения насилия в урегулировании возникающих межэтнических напряжений, споров, конфликтов, противостояний; 4) признание равноправия всех народов России; 5) актуализированная российская идентичность как индикатор интеграции общества⁹.

По мнению автора, явление «доверие» выступает как один из важнейших факторов межэтнической толерантности, в свою очередь, выполняя существенную роль в формировании социального и межэтнического согласия. Так, в массовом сознании дагестанцев, придерживающихся установок доверия к людям, ключевыми факторами выражения межэтнической толерантности выступают признание равноправия всех народов, проживающих на территории Российского государства, ориентированность на неприменение агрессивных действий при разрешении этноконflikта, отсутствие устойчивых интолерантных установок в массовом сознании и поведении. Нельзя исходить из изначально неправильной позиции, что жители многонационального сообщества являются носителями исключительно негативных установок по отношению к представителям иной этнической, культурной, религиозной и расовой принадлежности, более того, на примере Дагестана можно констатировать наличие позитивного отношения к недагестанскому населению. Хотя в отношении мигрантов в массовом сознании проявляется интолерантность, обусловленная в основном социально-экономическими причинами.

Исследование места явления «доверие» в процессах формирования межнационального согласия очень сложно по причине того, что само понятие обладает разными формами: обобщенное, межличностное и институциональное, которые различным образом выражаются во взаимодействиях людей. Значимость данного явления в формировании межнационального согласия предполагает подробное рассмотрение его форм.

Обобщенное доверие (доверие к «людям вообще») отражает готовность к сотрудничеству, формированию общих интересов, способности к конструктивному взаимодействию. Высокий

уровень обобщенного доверия является одновременно предпосылкой и следствием формирования современного модернизационного общества¹⁰ и выступает базовой предпосылкой гражданской культуры¹¹. *Межличностное доверие* проявляется как доверие знакомым людям, с которыми человек находится в контакте. *Институциональное доверие* отражает импульс «вертикальной» общественной консолидации. Доверие социальным институтам, выполняющим управленческие функции и призванным обеспечивать поддержание правопорядка, показывает, с одной стороны, меру согласованности интересов власти и общества, с другой – степень политической консолидации во круг властных институтов и персоналий¹².

Таким образом, в данной статье рассматриваются существующий в массовом сознании дагестанцев уровень доверия к различным социальным группам и структурам и роль доверия в формировании межнациональной толерантности в современном дагестанском обществе.

Социологическое исследование по изучению ресурса межнационального согласия в современном дагестанском обществе проведено в 2018 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Казбековском, Кайтагском, Кизилюртовском, Кизлярском и Хасавюртовском районах методом случайного отбора (N = 789).

Ранее было отмечено, что формирование межнационального согласия, поддержание позитивного межэтнического климата, религиозной и национальной толерантности зависит от выраженности различных форм доверия (обобщенное, институциональное, межличностное) к разным социальным сферам. С учетом значимости данного фактора в формировании социального согласия в обществе в анкету исследования был включен вопрос «Кому Вы в наибольшей степени доверяете?», позволяющий выявить социальные группы, к которым дагестанцы испытывают доверие, и его уровень.

По результатам авторского исследования, максимально межличностное доверие опрошенные дагестанские народы демонстрируют в отношении своей семьи (первое ранговое место), родителей (второе ранговое место) и друзей (третье ранговое место). Остальные сферы их взаимодействия и существования находятся далеко позади, и испытываемый респондентами к ним уровень доверия составляет менее 10,0%, что свидетельствует о наличии в современном дагестанском обществе глубокого кризиса доверия, способного дестабилизировать ситуацию в республике в целом. Степень доверия респондентов к своей семье варьируется в пределах от 53,8 до 97,1%, причем меньше всего испытывающих доверие к родственному кругу в подмассиве азербайджанцев (53,8%) и больше в русской подгруппе (97,1%). Определенные вопросы вызывает позиция азербайджанцев, чуть большая доля которых доверяют своей семье. А из кого состоит семья? Супруг(-а) и дети, а также родители. Вместе с тем процентное соотношение

чуть увеличивается, и субъектами доверия для азербайджанцев выступают родители (61,5%). Существование довольно высокого уровня доверия, по сравнению с другими субъектами, друзьям, наряду с семьей и родителями, диагностирует характер дружеских связей в дагестанском обществе и успешность взаимодействия на различных уровнях коммуникации, основанных на дружеских связях. По сравнению с другими этническими подгруппами, среди азербайджанцев и русских меньше всего доверяющих своим друзьям – 15,4 и 23,5% соответственно. Иными словами, семью, родителей и друзей можно обозначить как стабилизирующий современное общество фактор в противовес социально-политическим институтам. Таким образом, можно утверждать, что доверие к людям *ближайшего радиуса* (членам своей семьи, друзьям) не зависит от этнической принадлежности человека: практически во всех подгруппах можно констатировать похожие установки в обозначении уровня доверия к своему ближайшему социальному кругу.

В нашем исследовании была выдвинута гипотеза, что первую группу могут образовать семья, родители, друзья и коллеги как субъекты доверия. Однако полученные результаты исследования показывают, что «коллегам» доверяет статистически небольшая доля опрошенных (6,9%). П. М. Козырева утверждает, что, несмотря на сложные процессы трансформационного периода, усиление социального расслоения, рост межнациональной и межконфессиональной нетерпимости в современном обществе, трудовым коллективам удалось сохранить высокий уровень внутригрупповой сплоченности и доверия, благодаря чему возрастает потенциал имеющихся предпосылок для дальнейшего развития интеграционных процессов, направленных на сохранение стабильности и сбалансированности общества. Иными словами, «доверие, являющееся важнейшим основанием и компонентом социального капитала, повышает адаптационные ресурсы трудового коллектива, расширяя социальные связи, способствуя повышению уверенности работников в своих силах, в своей способности противостоять неблагоприятным процессам кризисного периода»¹³. Вместе с тем необходимо учитывать, что уровень доверия к коллегам находится в прямой зависимости от наличия/отсутствия конкуренции за рабочие места¹⁴, а Дагестан является трудоизбыточным регионом, где имеет место жесткое соперничество в сфере трудоустройства. Эмпирические данные нашего исследования подтверждают это утверждение – невысокий уровень доверия к коллегам может быть обусловлен проблемой трудоустройства, существованием в республике высокого уровня безработицы, невостребованностью специалистов в разных сферах, несмотря на то что доверие соседям и коллегам, родственникам и друзьям, знакомым является базисом дальнейшей социальной интеграции и тем фундаментом, на котором «надстраивается», под влиянием благо-

приятных социально-экономических и политических факторов, обобщенное доверие¹⁵.

Международные исследования, осуществленные под руководством Р. Инглхарта, обнаруживают прямую зависимость между уровнем экономического благосостояния страны и уровнем обобщенного доверия, сложившегося в обществе: чем выше показатели валового национального продукта, тем чаще люди склонны доверять друг другу. Исследователь объясняет эту зависимость общей логикой модернизационного развития, под влиянием которой ценности выживания, характерные для традиционных, недемократических сообществ, постепенно заменяются ценностями самовыражения, характерными для стран с успешным опытом модернизационного развития¹⁶.

Однако роль традиционной культуры, вносящей свой вклад в траекторию модернизационного развития, также очень велика. П. Штомпка¹⁷ показал, что культура доверия, отражением и результатом которой является обобщенное доверие к людям, формируется как результат признания большинством норм добропорядочности, ответственности, честности. Эти нормы, в свою очередь, усваиваются человеком в семье, в кругу родственников, ближайшем соседском окружении, приобретаются в трудовых коллективах.

Если обратиться к эмпирическим данным, то в нашем исследовании была выдвинута гипотеза, что опрошенные могут испытывать высокий уровень доверия представителям своей религии, однако она не нашла своего подтверждения – менее 10,0% опрошенных включили единоверцев в свой круг, и, по сравнению с другими подгруппами, доля таковых больше в подмассиве аварцев (13,3%) и чеченцев (14,0%). Также не подтвердилось и другое авторское предположение о существовании высокого уровня внутриэтнического доверия – доверия представителям своей национальной общности, что могло бы сыграть существенную роль в поддержании межнационального согласия, более того, является его ресурсом. Основанием для данного утверждения, как правило, выступают тесная внутриэтническая коммуникация, высокая частотность этноконтактов и важность национального фактора. Эмпирические данные констатируют низкий уровень принципов доверия в отношении людей своей этнической группы, что не позволяет обозначить данный вид доверия как форму межличностного доверия. Так, доля не доверяющих представителям своего народа выше (6,1%) по сравнению с придерживающимися противоположной позиции (4,0%); по национальному признаку среди не доверяющих представителям своей этногруппы, по сравнению с остальными, выделяются респонденты-чеченцы (8,0%), доля которых больше.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют констатировать довольно высокий уровень межличностного доверия в рамках семейного круга, хотя потенциал межличностного внутрисемейного доверия не способен

в полной мере создать нужный для поддержания широких горизонтальных связей социальный капитал, на основе которого формируется эффективная общественная самоорганизация.

Вместе с тем полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что возможности горизонтальных связей в современном дагестанском обществе довольно большие. Основанием для данного утверждения является характерный дагестанцам уровень доверия к своей семье, родителям и друзьям, что «служит альтернативной “фамилистической” тенденции и может рассматриваться как стихийно формирующаяся база для формирования масштабных гражданских ассоциаций»¹⁸. Следует отметить, что эмпирические данные констатируют существование в массовом сознании дагестанцев крайней неравномерности уровня испытываемого доверия публичным институтам власти, при этом в основном институциональное доверие концентрируется вокруг Президента РФ. В то же время такие институты, как правоохранительная система, республиканская и местная власть, республиканское правительство, глава Дагестана, к сожалению, не пользуются достаточной степенью доверия опрошенных дагестанских народов.

Чтобы установить влияние материального благополучия опрошенных на уровень доверия различным властным структурам, были сопоставлены вопросы «Кому Вы в наибольшей степени доверяете?» и «Кому Вы в наибольшей степени не доверяете?» с «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи за последний год?». Так, респонденты, оценивающие уровень своего благосостояния как хорошее, доверяют федеральной власти (29,4%) и Президенту России (31,5%); с позицией «удовлетворительно» опрошенные доверяют Президенту России (31,5%), друзьям (38,3%), своей семье (39,8%), родителям (40,2%), коллегам (48,7%), религии (49,0%) и представителям своего народа (59,1%). Респонденты, характеризующие материальное положение своей семьи как плохое, с недоверием относятся к правоохранительным структурам (суду, полиции, прокуратуре) (28,4%), местной (26,1%), федеральной (21,2%) и республиканской власти (18,9%), республиканскому (21,1%) и федеральному правительству (16,9%), Президенту России (17,6%), главе Дагестана (13,7%), средствам массовой информации (10,9%). Таким образом, эмпирические данные позволяют сделать вывод, что состояние материального благополучия напрямую определяет уровень доверия различным сферам взаимодействия: респонденты, оценивающие свое материальное положение не очень высоко, демонстрируют недоверие, причем оно заметно выражено в отношении дальнего круга (политическим институтам). Такая позиция показывает существование в латентной форме в массовом сознании дагестанских народов почвы для социальной напряженности, которая при неблагоприятных условиях вполне может вылиться в открытое

противостояние, примером чего являются, например, столкновения между аварцами и чеченцами в Казбековском районе, кумыками и лакцами в Караманской зоне.

В рамках исследования ресурса межнационального согласия интерес представляет уровень доверия опрошенных дагестанцев к политическим институтам и различным уровням власти. Результаты показывают, что даже к институту президента и к деятельности лично В. В. Путина в массовом сознании существует не очень высокий уровень доверия при наличии его высокого личного рейтинга. Можно предположить, что это связано с тем, что само отношение к личности президента может обладать динамичностью, во-первых, а также с символическим отношением к институту президентской власти, во-вторых. При этом несомненно, что в настоящее время В. В. Путин воспринимается общественным сознанием (независимо от того, сторонники это или же оппозиция) как ключевая фигура мировой политики.

Установление сфер и социальных групп, к которым опрошенные дагестанцы испытывают доверие, предполагает выявление структур и персон, которым они не доверяют. Так называемое *институциональное доверие* показывает степень «вертикальной» общественной консолидации. Наличие и отсутствие доверия различным социальным институтам, осуществляющим управленческие функции и призванным поддерживать правопорядок, во-первых, свидетельствует о степени согласованности интересов власти и общества, во-вторых, констатирует уровень политического объединения вокруг властных институтов и политических лидеров. Если обратиться к нашему эмпирическому исследованию, то полученные результаты демонстрируют наименьший уровень доверия дагестанских народов средствам массовой информации (40,1%), видимо, из-за их ориентированности на поддержание идеологии официальной власти, хотя государственные СМИ и должны заниматься озвучиванием позиции власти по внутренней и внешней политике. Кроме того, СМИ, как правило, если и озвучивают те или иные социальные проблемы, то только после того, как на это обратит внимание официальная власть. Например, события в Кемеровском торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» – пока не погибли люди, большей частью дети, обеспечение безопасности в местах скопления людей не представляло интереса, а если и пытались наладить порядок, то существующая коррупция не позволяла контролирующим органам его осуществлять. И самое поразительное, что федеральные каналы вообще не освещали его в день трагедии, хотя пожар начался в дневное время и только на следующий день, видимо, после получения «разрешения от власти» и под давлением общественности и людей, которые вышли на улицы, чтобы выразить свой протест, начали показывать место пожара, пострадавших людей и вскрывать нако-

пившиеся годами проблемы. При этом «стрелочниками» оказались пожарные и МЧС, а то, что в неэффективности их работы виноваты федеральные структуры, которые принимали противоречащие друг другу законы, например, предоставившие среднему бизнесу так называемые налоговые каникулы, – об этом почему-то умолчали.

С небольшой разницей на второй позиции располагаются правоохранные структуры (38,1%), с которыми у местного населения сложились непростые взаимоотношения по целому ряду причин: непропорциональные действия их представителей в отношении людей, высокий уровень коррупции в этой среде, нежелание отстаивать интересы простых граждан, неодинаковое отношение к правонарушителям – если чиновник и его ближайшее окружение, то карательные меры вообще не применяются или они очень мягкие, что вызывает протест и недовольство у населения. Кроме того, немаловажным фактором, обуславливающим такой высокий уровень недоверия к правоохранителям, являются методы их борьбы с экстремистами, беспочвенные обвинения в ваххабизме, пытки и жестокое обращение с задержанными в СИЗО, похищение людей и ряд других причин, которые в совокупности формируют в целом негативное восприятие данной структуры и персоналий. Далее значимое место в иерархии структур, которым опрошенные испытывают недоверие, занимает местная (33,9%) и республиканская власть (31,6%), а также республиканское правительство (27,4%). Существование такого уровня недоверия, как правило, дестабилизирует любое общество, а это очень опасно для такого многонационального образования, как Дагестан, в котором переплелись интересы этнических общностей и этнических кланов. Более того, оно является питательной почвой и для социального протеста, который в латентной форме в республике имеет место, и, по мнению автора, в ситуации появления в республике харизматичного лидера, способного возглавить протестное движение, оно вполне может вылиться в активную фазу с далеко идущими негативными последствиями. Далее ко второй группе структур, в отношении которых опрошенные демонстрируют недоверие, относятся федеральные структуры: федеральное правительство (15,9%), федеральная власть (20,0%), президент страны (16,4%). По сравнению с социальными институтами республиканского уровня, доля испытывающих недоверие к федеральным властным структурам почти в два раза ниже.

Полученные результаты исследования позволяют утверждать, что в современном дагестанском обществе наличествует дифференцированность доверительных установок к различным социальным институтам и можно наблюдать существенный разрыв между доверием федеральной власти в лице Президента России, федеральному правительству и его заметным снижением в отношении институтов республиканской власти. Автор при-

держивается позиции, что формирование доверия республиканской и местной власти происходит на личностном опыте населения Дагестана, которое обращается в разные инстанции и сталкивается с их неэффективной работой в реальности. Кроме того, феномен недоверия является индикатором эффективности/неэффективности деятельности республиканской и местной власти, а также управленческой политики. При этом степень доверия/недоверия федеральной власти больше характеризуется как отвлеченный, хотя и констатирует уровень поддержки/неподдержки социально-экономической политики федерального центра.

В иерархии доверия структуры, призванные поддерживать правопорядок и защищать граждан, представители правоохранительной системы (суды, прокуратура, полиция) занимают предпоследнее место, пропустив вперед (с небольшим отрывом) СМИ, что является свидетельством существования глубокого кризиса между ними и населением, более того, сигнализирует о дефиците правовых отношений в современном дагестанском обществе, и исправить ситуацию будет довольно сложно. Кроме того, демонстрируемый опрошенными высокий уровень недоверия местным социальным институтам свидетельствует о небольших возможностях для социально-политической самоорганизации внутри самого Дагестана.

Таким образом, полученные результаты исследования показывают, что доверие различным институтам в современном дагестанском обществе распределено крайне неравномерно: высокий уровень доверия ближнему кругу (семья, родители, друзья) и одновременно низкий уровень – политическим и общественным институтам. Авторское предположение, что при высоком уровне недоверия политическим институтам уровень доверия Президенту России будет выше, результатами исследования не подтвердилось: если каждый десятый опрошенный по всему массиву доверяет Президенту РФ, то шестая часть респондентов придерживаются противоположной позиции. Иными словами, можно констатировать невысокий уровень доверия институциональной системе как таковой: институту суда, политическим партиям, парламенту, местному самоуправлению. Однако даже высокая степень доверия высшему должностному лицу – президенту, не свидетельствует о существовании такого же уровня доверия институциональной системе в целом. Более того, можно утверждать, что консолидация общества вокруг государственных институтов не представляется стабильной.

Иными словами, можно сделать вывод о том, что культура доверия в современном российском, в том числе и в дагестанском обществе еще не сформировалась и находится на начальном этапе своего становления. Ее психологическим основанием являются сложившиеся в семейном и дружеском окружении, а также в трудовых коллективах до-

верительные отношения. В России гражданская активность находится на низком уровне, хотя наличие определенного уровня доверия друзьям позволяет допустить, что при удобном социально-экономическом и политическом положении тесные дружеские связи могут способствовать формированию гражданских союзов. Высокий уровень доверия ближнему окружению является предпосылкой формированию культуры доверия, но наличие такого же уровня недоверия официальным структурам становится для нее большим препятствием.

Результаты исследования констатируют противоречивое поведение опрошенных в отношении Президента России: с одной стороны, прошедшие президентские выборы показали высокий уровень доверия электората к главе государства, с другой – на повседневном уровне существенное его снижение. В своем выступлении В. В. Путин отмечал наличие в современном российском обществе целого комплекса сложнейших проблем и подчеркнул необходимость сосредоточения усилий власти на внутренней политике, на решении социально-экономических проблем, потому что латентно в российском социуме довольно высок протестный потенциал. В связи с вышесказанным в нашем исследовании, наряду с установлением уровня доверия и институтов доверия, важным является выявление тех социальных сфер, на которые необходимо обратить внимание главе Российского государства (таблица).

Эмпирические данные показывают, что в массовом сознании дагестанцев превалирует мнение о том, что президент должен решить проблему безработицы, и во всех подгруппах доля таковых больше половины, за исключением русских и чеченцев. Практически на одном уровне, с разницей в сотые доли, находятся суждения о важности обеспечения справедливого распределения доходов в интересах простых людей и борьбы с существующей во всех сферах современного российского общества (здравоохранение, образование, правоохранительные органы и т. д.) коррупцией. Почти половина опрошенных придерживаются позиции, что глава государства обязан обеспечить получение россиянами качественной медицинской помощи, соблюдение закона и порядка всеми гражданами независимо от их социального положения и материального дохода, а также эффективное экономическое развитие страны. Каждый третий респондент по всему массиву акцентирует внимание на важности обеспечения высокого материального уровня россиян и получения ими качественного образования. При этом варианты ответов «вернуть людям средства, которые были утеряны ими в ходе социально-экономических реформ постсоветского периода» и «обеспечить защиту прав россиян за рубежом», по сравнению с другими суждениями, отметила заметно меньшая доля респондентов. Таким образом, результаты исследования показывают, что опрошенных дагестанцев сильно волнуют социальная сфера при существующем низком

Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы должен решать Президент России на своем посту?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Национальности	Обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей	Вернуть людям средства, которые были утрачены ими в ходе социально-экономических реформ постсоветского периода	Обеспечить эффективное экономическое развитие	Обеспечить соблюдение закона и порядка всеми гражданами, независимо от их социального положения и материального дохода	Обеспечить высокий материальный уровень россиян	Решить проблему безработицы	Решить проблему коррупции, которая проявляется во всех сферах современного российского общества (здравоохранение, образование, правоохранительные органы и т. д.)	Обеспечить получение россиянами качественной медицинской помощи	Обеспечить получение россиянами качественного образования	Обеспечить защиту прав россиян за рубежом
Аварцы	53,9	18,8	35,8	43,0	33,9	55,2	55,2	53,3	36,4	15,8
Азербайджанцы	53,8	0	38,5	30,8	23,1	69,2	38,5	61,5	38,5	15,4
Даргинцы	48,3	16,7	38,3	38,3	40,0	53,3	60,0	48,3	35,0	23,3
Кумыки	53,4	13,8	51,7	51,7	36,2	55,2	55,2	50,0	31,0	15,5
Лакцы	51,9	22,8	39,2	45,6	31,6	51,9	53,2	30,4	32,9	19,0
Лезгины	50,7	14,5	59,4	46,4	26,1	53,6	42,0	49,3	40,6	21,7
Русские	50,0	11,8	52,9	52,9	35,3	38,2	67,4	47,1	29,4	17,6
Чеченцы	44,0	18,0	20,0	34,0	24,0	44,0	34,0	24,0	24,0	24,0
Другие	57,7	11,5	34,6	34,6	34,6	57,7	42,3	30,8	19,2	11,5
Всего	51,6	16,8	40,8	43,3	32,5	52,7	51,4	44,8	33,4	18,4

уровне их жизни, дотационность самой республики, коррупционные скандалы, высокий уровень недоверия различным уровням власти, в совокупности формирующие в латентной форме протестный потенциал, что является также одним из существенных факторов ухудшения межнациональной ситуации в целом в Дагестане, а соответственно, и фактором, препятствующим развитию принципов межнационального согласия.

Процессы глобализации, которые в определенной степени способствуют унификации этнического многообразия, не ослабляют желания и ориентированности этнических образований на сохранение национальной культуры своего народа. При этом ориентация на сохранение этнокультурной специфики совсем не сигнализирует о тенденции к самоизоляции и самоопределению. Имеющиеся в массовом сознании, особенно молодого поколения, радикальные националистические установки необходимо минимизировать, а это возможно только при существовании критического подхода и открытости к межнациональному диалогу. Достичь социального согласия вообще как такового возможно только при обеспечении сближения и единства граждан в понимании и разделении ценностей (политических, гражданских, духовных и т. д.), потребностей, интересов и целей. Как известно, социальная система обладает такими качествами, как интеграция, солидарность, сплоченность, стабильность и устойчивость, соблюдение и поддержание которых позволяет сохранить в обществе межнациональное согласие. Разумеется, относительно благополучное существование любого общества возможно при наличии общественно-политического согласия, а его достижению может способствовать ослабление социального не-

равенства в современном дагестанском обществе, создание равенства прав во всех социальных сферах, улучшение характера контактирования власти и структур, защищающих права трудящихся, и т. д. Кроме того, не только республиканской, но и федеральной власти, в первую очередь, необходимо уделить пристальное внимание социальной политике, ликвидации или хотя бы минимизации существующего социального неравенства и расслоения общества, которое может дестабилизировать современное не только дагестанское, но и российское общество в целом.

Само явление «доверие» и степень его выраженности диагностирует состояние межнационального климата и характер взаимодействия опрошенных в разных социальных сферах, а также ориентированность на поддержание или игнорирование этноконтактов. В современном дагестанском обществе в условиях полиэтничности и поликонфессиональности имеет место формирование среды культуры доверия, где объединяющую функцию выполняют институциональное доверие, межличностное доверие, межнациональное и межрелигиозное доверие. Иными словами, важным ресурсом формирования межнационального согласия в современном дагестанском обществе является уровень доверия и недоверия разным социальным кругам взаимодействия: семья, друзья, коллеги, политические институты и т. д. Доминирование в массовом сознании опрошенных установки на доверие вообще «всем», что называют в науке обобщенным доверием, может сыграть ключевую роль как в формировании, так и в укреплении межнационального согласия, снизить уровень напряженности и противостояния в межэтнической сфере. Обобщенное доверие и межнациональная толе-

рантность находятся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии. При этом значима роль обобщенного доверия в формировании принципов толерантности, а последней – в поддержании доверия разным социальным группам и слоям.

Автор исходил из предположения, что в Дагестане этничность, обладая институциональным статусом, интенсивно выражается в повседневном контактировании, поэтому одним из параметров межнационального согласия является существование высокого уровня межэтнического и межконфессионального доверия. Результаты нашего исследования констатируют, что уровень доверия представителям своего народа и вероисповедания у опрошенных дагестанских народов не очень высокий. Институциональное доверие показывает степень «вертикальной» общественной консолидации. Доверие институтам власти, обязанным осуществлять управленческие функции и обеспечивать стабильность в обществе, констатирует уровень согласованности интересов власти и общества, а также политический консолидационный ресурс вокруг властных институтов и персоналий. Полученные результаты исследования показывают неоднозначность сложившейся ситуации, когда опрошенные демонстрируют определенное доверие институтам власти, несмотря на плохую оценку качества проводимой ими социально-экономической, политической, религиозной и иной политики. Эмпирические данные демонстрируют относительно высокий уровень доверия федеральным институтам власти (президенту, правительству) при одновременно низком его проявлении в отношении местной и республиканской власти (третья часть респондентов не доверяют именно представителям республиканской и местной власти, одна четвертая часть – республиканскому правительству). Меньше всего опрошенные испытывают доверие средствам массовой информации, которые проводят информационную политику, соответствующую позиции официальной власти. А если и пытаются отражать иную точку зрения, то после «одобрения сверху», как это было, например, с арестами крупных дагестанских чиновников.

Примечания

- 1 См.: Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л. М. Дробижина. М. : ИС РАН, 2016. С. 111.
- 2 См.: Алексеева А. Ю. Основные элементы и структура межличностного доверия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 25.
- 3 См.: Дробижина Л. М. Потенциал межэтнического согласия : осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социс. 2015. № 11. С. 81–89.
- 4 См.: Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. С. 20.
- 5 См.: Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2014. С. 292.
- 6 См.: Межнациональное согласие в региональном контексте / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М. : ИС РАН, 2015. С. 42.
- 7 См.: Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО (утв. резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.). URL: <http://www.unesco.ru> (дата обращения: 15.01.2019) ; Уолцер М. О терпимости / пер. с англ. И. Мюрнберг. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 25–26.
- 8 См.: Ресурс межэтнического согласия в Москве / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М. : ИС РАН, 2014. С. 28.
- 9 Там же. С. 40.
- 10 См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.
- 11 Там же. С. 37.
- 12 Там же. С. 43.
- 13 Козырева П. М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социс. 2008. № 11. С. 33.
- 14 Межнациональное согласие в региональном контексте. С. 40.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 См.: Штомпка П. Указ. соч.
- 18 Межнациональное согласие в региональном контексте. С. 41.

Образец для цитирования:

Шахбанова М. М. Роль доверия в формировании межнационального согласия в современном дагестанском обществе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 271–278. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-271-278>

Cite this article as:

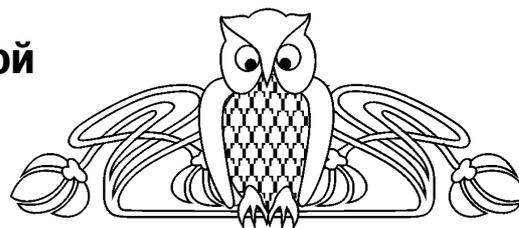
Shakhbanova M. M. The Role of Trust for the Inter-National Agreement Formation in Modern Dagestan Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 271–278 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-271-278>

УДК 21.291

Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура

И. А. Юрасов, М. А. Танина

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, профессор кафедры «Государственное управление и социология региона», Пензенский государственный университет, jurassow@mail.ru

Igor A. Yurasov, <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia, jurassow@mail.ru

Танина Мария Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, margo10@inbox.ru

Maria A. Tanina, <https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>, Penza branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, 33B Kalinina St., Penza 440052, Russia, margo10@inbox.ru

В статье делается попытка социологической и социосемиотической концептуализации феномена маргинальной религиозной идентичности. На основании более ранних авторских исследований делается вывод о существовании трех типов религиозной идентичности: нормативно-конфессиональной, фольклоризированной и маргинальной, о двух векторах православной идентичности – «городской» и «сельской». Городской вектор религиозной идентичности отличается большим рационализмом, различной иерархией ценностей и различным дискурсивным сопровождением. В трех типах религиозной идентичности в различной степени представлены пять дискурсов: философско-богословский, мифологический, художественный, политический, идеологический. Структура религиозной идентичности – нормативно-конфессиональной, фольклоризированной и маргинальной – формируется социосемиотическими, дискурсивными элементами: различной иерархией базовых топосов, иерархией неинституционализированных дискурсов, соотношением дискурсивных жанров, различными типами редукции религиозных смыслов, различными типами интертекстуальности и различной иерархией коммуникативных стратегий. Социологически маргинальная религиозная идентичность формируется на основе фольклоризированной православной идентичности сельского вектора православного вероисповедания, характеризуемого гипертрофированием социосемиотических смыслов крестьянской культуры. Социосемиологически маргинальная религиозная идентичность формируется социальной метонимией, которая гиперболизирует малые смыслы, выражающие традиции, обряды, бытовую культуру, аккумулируемые в мифологическом, идеологическом, политическом и художественном дискурсах, и одновременно редуцирует базовые, основополагающие философские и богословские смыслы. Дополнительно маргинальную религиозную идентичность формирует номадическое православие, характеризуемое большим числом паломнических практик, вне которых не проявляются какие-либо значимые маркеры религиозной идентичности (регулярное посещение богослужений, молитвенная практика, пост, чтение священных текстов и др.). Структурно маргинальный религиозный дискурс состоит из консервативного и либерального крыльев.

Ключевые слова: маргинальность, религиозная идентичность, дискурс, семисфера, модальность дискурса.

Phenomenon of Marginal Religious Identity: Discourse, Structure

I. A. Yurasov, M. A. Tanina

The article attempts at sociological and socio-semiotic conceptualization of marginal religious identity phenomenon. On the basis of previous authors' researches the conclusion of the existence of three types of religious identity is drawn: standard and confessional, folk-like and marginal, and of two vectors of orthodox identity: «urban» and «rural». The urban vector of religious identity is distinguished by big rationalism, various hierarchy of values and various discourse maintenance. The three types of religious identity in various degree are presented by five discourse types: philosophical, theological, mythological, artistic, political, ideological. The structure of religious identity – standard, confessional, folk-like, and marginal is constructed by socio-semiotic discourse elements: various hierarchies of basic topoi, communicative strategy, and non-institutionalized discourses, discourse genres ratio, various types of religious meanings reduction, and various types of inter-textuality. Sociologically, marginal religious identity is formed on the basis of folk-like rural orthodox identity of the orthodox religion characterized by a socio-semiotic peasants culture exaggeration. Socio-semiotically, marginal religious identity is formed by means of social metonymy amplifying small meanings, reflecting traditions, rituals of everyday culture which are accumulated in mythological, ideological, political and artistic discourses at, simultaneously, reducing basic, fundamental, philosophical and theological meanings. In addition, marginal religious identity is formed by nomadic orthodoxy, which is characterized by a great number of pilgrimages outside which religious identity significant markers (regular visiting of church services, prayerful practices, the Lent, sacred texts reading, etc.) are not present. Structurally, marginal religious discourse consists of conservative and liberal trends.

Keywords: marginality, religious identity, discourse, semiosphera, discourse modality.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-279-283>

Последние религиозно-политические события на Украине, постоянно возникающие в самой Русской православной церкви Московского патриархата попытки расколов, появление ересей, регулярные попытки создания на базе православия различного рода сект и деструктивных течений, кризис современной православной религиозности в молодежной среде, многочисленные формы деформаций религиозной идентичности в современном мире поставили вопрос о необходимости концептуализации феномена маргинальной религиозной идентичности¹.

Под религиозной идентичностью в статье понимается отождествление индивида с какой-либо

религиозной доктриной, системой догм, воззрений, с определенной конфессией, с группой верующих. К концептуализации маргинальной религиозной идентичности близко подошли известные ученые Е. И. Аринин, П. С. Гуревич, Ю. Хабермас, Б. Хеглунд, трактуя специфические религиозные практики как новые, нетипичные, нетрадиционные. Но специфика современных форм маргинальной религиозной идентичности состоит не в инноватике или архаизации, фундаментализме или модернизме, а в балансировании религиозной семиосферы между двумя социокультурными полями и в невозможности принять окончательно полностью ценности и нормы того или иного социокультурного поля. Философы, социологи, религиоведы оперируют категорией маргинального протестантизма в качестве примера маргинальности в религии, однако она не показывает всей специфики маргинальной религиозной идентичности в православной церкви, которая характеризуется балансированием между нормативной догматической религиозной семиосферой православной конфессии и фольклорной семиосферой, описывающей бытовую сторону крестьянской жизни, архаичные бытовые практики, ритуалы и обряды, и пересечением православной нормативной религиозной доктрины с посткоммунистическими, неосталинистскими смыслами и ценностями.

Согласно авторским исследованиям, религиозная идентичность формируется как под воздействием ценностных, социокультурных факторов, так и под влиянием специфических смыслов, аккумулярованных в различные дискурсы, под которыми в настоящем исследовании понимается семантическая система, передающая основные темы и топосы (элементы дискурса). Сама идентичность может формироваться, поддерживаться и функционировать различными дискурсами. Влияние тех или иных видов дискурса может определять специфический вектор идентичности, в данном случае – религиозной. Понятие «дискурс» подразумевает интерактивный, процессуальный, динамический характер использования языка в формировании идентичности. Дискурсивный анализ религиозной идентичности подразумевает семантический анализ основных топосов и базовых смыслов нарративов, описывающих религиозную проблематику.

Религиозные практики сопровождаются пятью видами дискурсов: философско-богословским, художественным, политическим, идеологическим, мифологическим. В каждом типе религиозной идентичности присутствуют элементы (топосы) каждого из дискурсов, но различной пропорции.

Социологически структура религиозной идентичности определяется различными пропорциями конфессиональных ценностей и норм, социосемiotическая структура идентичности состоит из пропорций базовых топосов, из различных иерархий неинституционализированных дискурсов, дискурсивных рациональных и эмо-

циональных элементов, из соотношения дискурсивных жанров, из различных типов редукции религиозных смыслов, интертекстуальности и коммуникативной стратегий².

Согласно более ранним авторским исследованиям постулируется существование двух векторов религиозной идентичности: «городской», построенной на философско-рационалистическом вероисповедании, на самостоятельном, базирующемся на рациональном познании основ религиозной традиции религиозном опыте; и «сельской», основанной на эмоциональном переживании религиозных истин, на несамостоятельном, некритичном использовании религиозного опыта других людей, опирающейся на фольклорную традицию, часто противоречащую официальной, нормативной религиозной доктрине.

Маргинальная религиозная идентичность формируется на основе деформации нормативно-конфессиональной идентичности и ее трансформации в фольклоризированную идентичность. Маргинальная идентичность базируется на «сельском» векторе вероисповедания.

Авторский анализ маргинальной религиозной идентичности строился на основе: контент-анализа приверженцев маргинальных течений в православной конфессии; дискурсивного анализа базовых устных и письменных нарративов представителей приверженцев культа Алексея Пензенского³, основавших общину в поселке Победа Пензенского района Пензенской области; интернет-источников поклонников культа «святого отрока Славика Чебаткульского»⁴; экспертного опроса священнослужителей Пензенской епархии; контент-анализа православной публицистики сайтов <http://www.pravoslavie.ru>⁵, <https://www.pravmir.ru>⁶. Критерий отбора священнослужителей: высшее духовное образование (Московская, Санкт Петербургская духовные академии, Московская, Одесская, Львовская семинарии (срок окончания до 1990 г.)) высшее гуманитарное образование (филология, история, психология), стаж церковного служения не менее десяти лет, опыт миссионерской работы не менее пяти лет. Кроме того, использовался анализ читательских предпочтений православных верующих в области религиозной и околорелигиозной (художественной, публицистической, философской) литературы.

Дискурсивный анализ и контент-анализ помогли дополнительно выявить семантический вектор типизации на основе типичных признаков той или иной социальной группы. Популярность того или иного вида текстов среди прихожан православных храмов способствует выявлению специфики их религиозной идентичности, причин социальных деформаций религиозной идентичности и определяет, какие виды дискурсов функционируют в православной семиосфере, какова их типология и влияние каких дискурсов наиболее эффективно для формирования православной религиозной идентичности.

Религиозная идентичность формируется пятью типами дискурсов: философско-богословским, политическим, художественным, мифологическим, идеологическим. Философско-богословский дискурс в религиозной картине мира выражается в представлении нормативной конфессиональной модели вероучения, содержащий в себе базовые теологические категории и понятия. Политический дискурс религиозной идентичности содержит в себе интерпретации смыслов, соотносящихся с доминированием в семиотическом пространстве той или иной религиозной картины мира, как, например, панславянство, «византизм» и др. Художественный дискурс в религиозной картине мира представляет собой корпус художественных текстов, обслуживающих ту или иную религиозную доктрину, например, произведения И. С. Шмелева, Я. Щипкова в православии, произведения И. Лойолы, Т. Рэдклифа, Я. Твардовского в католицизме. Мифологический дискурс выявляет дополнительные семантические нагрузки базовых богословско-философских понятий и категорий, которые привносят элемент магизма, народных верований, искажающих нормативную религиозную доктрину, что приводит к такому феномену, как «двоеверие», и к формированию «кентавр-идей» (искаженные формы объективной или воображаемой действительности, не коррелирующие с реальной картиной, отвергающие прежний опыт, смешивающие научный, идеологические подходы, на базе социальной иррациональности) в нормативной религиозной картине мира. Идеологический дискурс представляет собой совокупность системных и упорядоченных взглядов, выражающих интересы и ценности социальной группы верующих на Церковь, общество, межнациональные, межрелигиозные отношения.

Социологическое понимание маргинальности включает в себя промежуточность, пограничность положения социального феномена между какими-либо социальными группами или явлениями. Индивидуальная маргинальность предполагает неполное вхождение индивида в какую-нибудь социальную группу⁷ или его отчуждение исходной социальной группы. Групповая маргинальность возникает в результате изменений социальной структуры общества, формирования новых групп в общественной структуре, вытесняющих старые группы, дестабилизирующих их социальное положение⁸.

Социосемиологически маргинальная религиозная идентичность формируется социальной метонимией. Концептуализация социальной метонимии проходила по аналогии с языковым процессом метонимии⁹. Социальная метонимия представляет собой социальный процесс замещения более масштабного общественного явления менее масштабным, менее значимым, подмена всего комплекса религиозной семиосферы ритуалом, обрядом, маркером обряда или ритуала. Так, окунание в проруби на праздник Крещение Господня,

получение верующими крещенской воды, освящение крашеных яиц, пасок и куличей на Пасху, посещение кладбищ на Троицу переносится на весь сложный смысл праздника, на смысл всего религиозного вероучения. Социальная метонимия подменяет сложный социосемиологический комплекс догматической религиозности бытовыми явлениями, сельскими ценностями, представлениями сельской православной религиозности, она создает ложную иерархию ценностей, на основании которой формируется маргинальная религиозность правого или левого уклона.

Маргинальная религиозная идентичность формируется на основе ложной иерархии ценностей, когда главенствующее место в системе религиозных ценностей занимают идеологические и политические ценности, эсхатологические мотивы, мотивы размежевания с официальной религиозной доктриной, раскольнические настояния, тогда как в нормативной религиозной системе на первое место выходят литургия, евхаристия, вопросы молитвы и богослужения. Нормативной религиозной идентичности характерна философско-богословская рефлексия окружающего мира, маргинальной – мифологическая рефлексия богословских категорий. Мифологические нарративы формируют идеологемы на основе социальной метонимии, когда второстепенные аспекты религиозной семиосферы приобретают первостепенное значение и замещают собой все семантическое богатство религиозной семиосферы. Семиотика маргинального дискурса семантически беднее и проще дискурса нормативного. В ней практически отсутствует философско-богословский дискурс, что существенным образом обедняет маргинальную религиозную семиосферу. Социосемиологическая особенность и дискурсивная структура маргинальной религиозной идентичности представлена в таблице.

Маргинальная религиозная идентичность, воспринимаемая через специфические типы дискурса, становится источником социально-политических, социально-экономических, социокультурных проблем, и также социокультурной базой формирования псевдорелигиозных, террористических течений.

Маргинальное православие представлено в настоящее время модернизационным¹⁰, либеральным крылом и консервативным¹¹. Каждое из этих направлений обладает специфическим набором философских, художественных, политических, идеологических и мифологических дискурсов, специфическим набором топосов, структурирующих данные дискурсивные практики, и паттернов. Либеральная маргинальная идентичность в современном православии развивается на границе следующих семиосфер «православие / права человека», «православие / интеллектуальная свобода», «православие / интернационализм». Консервативная православная идентичность функционирует на стыке знаковых ценностных систем «православие /

Социосемиологическая специфика и структура маргинальной религиозной идентичности по сравнению с нормативно-конфессиональной идентичностью

Нормативно-конфессиональная религиозная идентичность	Маргинальная религиозная идентичность
Топосы: 1. Бог; 2. Морально-нравственные нормы с православной точки зрения; 3. Религиозные обряды; 4. Культовый локус (сакральное пространство)	Топосы: 1. Образ харизматического лидера религиозной группы; 2. Интерпретация смысла религиозных обрядов харизматическим лидером группы; 3. Бытовые нормы и правила по представлению харизматического лидера; 4. Культовый локус (сакральное пространство); 5. Морально-нравственные нормы; 6. Бог
Иерархия неинституционализированных дискурсов: 1. Философский/богословский; 2. Идеологический; 3. Политический; 4. Художественный; 5. Мифологический	Иерархия неинституционализированных дискурсов: 1. Мифологический; 2. Художественный; 3. Идеологический; 4. Политический; 5. Философский
Соотношение рациональных и эмоциональных элементов дискурса: преобладание рационального, логического элемента с чертами традиционной научности, доказательности истины с помощью общелогических методов. Высокая критичность восприятия информации. Недоверие субъективному опыту	Соотношение рациональных и эмоциональных элементов дискурса: преобладание эмоционально-экспрессивного элемента, основанного на вере не в Бога, а в харизматического лидера, апелляция к чуду как форме доказательности истины. Низкая критичность восприятия информации. Доверие субъективному опыту
Соотношение основных жанров религиозного дискурса: доминирование нормативных, канонических, первичных жанров дискурсов (молитв, акафистов, псалмов, богословских трактатов, библейских текстов)	Соотношение основных жанров религиозного дискурса: доминирование вторичных жанров религиозного дискурса (житийной литературы, проповеди, исповеди, ритуалов, духовных стихов, песен)
Типы редукции религиозных догм, мотивов и сюжетов Священного Писания: редукции евангельских сюжетов, сюжетов Ветхого Завета, сюжетов из Псалтыри	Типы редукции религиозных догм, мотивов и сюжетов Священного Писания: редукция евангельских сюжетов, апокрифических сюжетов, фольклорных околорелигиозных сюжетов, норм крестьянского быта
Тип интертекстуальности: интертекстуальность со Священным Писанием, с каноническими богословскими текстами. Прецедентные тексты – Библия, классические богословские трактаты. Допускается снижение прецедентности	Тип интертекстуальности: интертекстуальность с псевдожитийной литературой, околорелигиозными мифами и представлениями, со Священным преданием в интерпретации харизматического лидера группы, с фольклорными текстами, выражающими бытовые, языческие топосы, с художественной литературой. Прецедентные тексты: описание жизни харизматического лидера, популярные жития святых, заговоры, духовные песни, стихи. Не допускается снижение прецедентности. Священное Писание как прецедентный текст трактуется субъективно, основные его положения вырываются из социокультурного контекста
Иерархия типов коммуникативных стратегий: 1. Объясняющая; 2. Исповедальная; 3. Молитвенная; 4. Оценивающая; 5. Призывающая; 6. Обрядовая; 7. Манипулятивная	Иерархия типов коммуникативных стратегий: 1. Обрядовая; 2. Оценивающая; 3. Призывающая; 4. Молитвенная; 5. Исповедальная; 6. Манипулятивная; 7. Объясняющая

сталинизм», «православие / национализм», «православие / язычество». Эти семиосферы по-разному влияют на процесс модернизации и архаизации. Маргинальная религиозность может служить причиной как архаизации, так и базой модернизации и социальной мобильности.

В основе маргинальных практик конкретно в православии лежат следующие социальные явления: номадический тип религиозности, выраженный в избыточности паломнических практик, вне которых не проявляются значимые маркеры религиозной идентичности, такие как регулярное посещение богослужений, регулярная молитвенная практика, соблюдение поста, чтение священных текстов; различные виды деформаций религиозных идентичностей; играизация в отдельных православных группах в форме смены социальных ролей; психологичное выгорание и скука в традиционных канонических православных социальных группах; негативный харизматический тип господства в некоторых православных общинах. Номадический (кочевнический) тип религиозности пред-

полагает территориальную форму религиозной идентичности, когда индивид испытывает приверженность религиозной доктрине лишь в определенном месте, в паломническом путешествии по святым местам, в ходе которого происходит конструирование индивидуальной религиозности, становящейся основой маргинальной религиозной идентичности. Религиозные путешественники формируют неожиданные социосемиотические структуры переживаемой во время паломничества религиозной идентичности¹². Они часто пользуются уже готовыми элементами из имеющих хождение конструкторских наборов, распаковав которые, можно обнаружить все что угодно – индивидуальные образы, мифы, провидческие сны, этнические фобии¹³. Эти неожиданные проявления религиозной идентичности приводят часто к маргинализации религиозной идентичности.

Каждый вектор маргинального православия обладает специфическими топосами¹⁴. Паттернами консервативной маргинальной идентичности в православии являются эсхатология, страх, гла-

венство традиционных бытовых ценностей, технобоязнь, урбанобоязнь, медицинобоязнь, боязнь современных систем лето- и времяисчисления¹⁵. Базовыми паттернами либерального крыла являются экуменизм, рационализация, права человека, интеллектуальная и религиозная свобода. Базовым признаком консервативного маргинального православия выступает дискурс страха, который пронизывает все дискурсивные, ритуальные и социально-экономические практики. Особенность либерального маргинального дискурса – рационализация религиозных эмоциональных практик. Все маргинальные православные дискурсы характеризуются специфической модальностью: профетичностью, эпистемичностью, дебутивностью и императивностью. Семиотические процессы, протекающие в маргинальном православном дискурсе, такие как символическая трансформация, семиотический дрейф, иллюкуция и перлокуция, определяют прагматическую силу воздействия дискурса и влияют на социальное и экономическое поведение адептов в обществе.

Подводя итог, отметим, что социосемиотическая морфология маргинальной религиозной идентичности на примере православия показывает специфику маргинальных религиозных практик в обществе, основанных на социальной метонимии, гиперболизирующей малые, периферийные религиозные смыслы и редуцирующей базовые, догмы религиозной семиосферы. Маргинальная идентичность обслуживается вторичными, неинституционализированными дискурсами (мифологическим, художественным, политическим и идеологическим) и имеет два крыла: правый – консервативный и левый – либеральный.

Дальнейшее исследование маргинальной религиозной идентичности, ее морфологии и дискурса позволит разработать мероприятия, минимизирующие прагматическое влияние маргинальных псевдорелигиозных нарративов в обществе. Информационные технологии минимизации влияния маргинального религиозного дискурса на общество помогут снять многие проблемы экстремистской направленности, сгладят многие социальные, социокультурные противоречия в обществе и позволят использовать религиозные ценности и паттерны в целях модернизации страны.

Примечания

- 1 См.: Юрасов И. А., Юрасова О. Н., Павлова О. А. Проблема православной религиозной идентичности : дискурс, менталитет // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 72–88.
- 2 См.: Юрасов И. А., Павлова О. А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности. Пенза, 2018.
- 3 См.: Отрок Вячеслав Чебаркульский – Пророчества о последних временах. Второе пришествие Христа. URL: <https://dmitri-obi.livejournal.com/533862.html> (дата обращения: 04.02.2019).
- 4 См.: Славик (Чебаркульский). Пророчество. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2697395/post112474820> (дата обращения: 04.02.2019).
- 5 См.: Православие.ru : [портал]. URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения: 04.02.2019).
- 6 См.: Православие и мир : ежедневное интернет-издание. URL: <https://www.pravmir.ru> (дата обращения: 04.02.2019).
- 7 См.: Гуревич П. С. Религиоведение. М., 2016.
- 8 См.: Хегглунд Б. История теологии. М., 2001.
- 9 См.: Юрасов И. А., Павлова О. А. Социальная метонимия и религиозная идентичность // Язык. Религия. Социум : Актуальные вопросы : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22–23 мая 2018 г.). Пенза, 2018. С. 49–52.
- 10 См.: Кормина Ж. В. Номадическое православие : о новых формах религиозной жизни в современной России // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 195–227.
- 11 См.: Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мире-обществе // Полис. 2010. № 2. С. 7–21.
- 12 См.: Аринин Е. И., Нефедова И. Д. Психология религии : в 2 ч. : учеб. пособие для студентов специальности «Религиоведение». Ч. 1. Владимир, 2005.
- 13 См.: Аринин Е. И., Тюрин Ю. Я. Религиозная антропология : в 2 ч. : учеб. пособие для студентов специальности «Религиоведение». Ч. 1. Владимир, 2005.
- 14 См.: Оганов А. А. Феномен маргинальности в культуре // Маргинальное искусство / сост. А. С. Мигунов. М., 1999. С. 64–65.
- 15 См.: Аринин Е. И., Маркова Н. М. Философия религиозности : академическое введение в основные концепции и термины. Владимир, 2010.

Образец для цитирования:

Юрасов И. А., Танина М. А. Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 279–283. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-279-283>

Cite this article as:

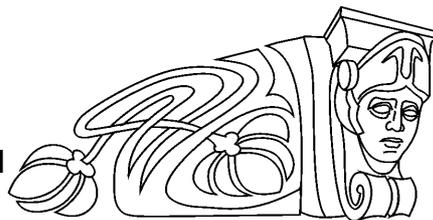
Yurasov I. A., Tanina M. A. Phenomenon of Marginal Religious Identity: Discourse, Structure. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 279–283 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-279-283>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.255

Методологическая значимость работ Г. Зиммеля для понимания современной теории индивидуализации

А. А. Баценкова

Баценкова Антонина Александровна, аспирант кафедры современной социологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, batonal@mail.ru

В статье раскрывается специфика подхода Г. Зиммеля к теме индивидуализации и показывается актуальность его концепций для анализа современных обществ. Особое внимание уделяется идейным истокам процесса индивидуализации. На основе выявленных Г. Зиммелем понятий «качественная и количественная индивидуальность», «формальный и качественный индивидуализм» предлагается рассмотреть два типа индивидуализации: качественную и количественную. Количественная индивидуализация – это социологический тип индивидуализации, опосредованный процессами социальной дифференциации, капиталистическими отношениями и конкуренцией. Качественная индивидуализация связана с самореализацией индивида как личности и по определению совпадает с психологическим понятием «индивидуация». Она находится на индивидуальном уровне биографических ситуаций и широко разрабатывается в рамках практической социологии. Методологическая ценность работ Г. Зиммеля заключается в том, что были предложены основные принципы обособления индивида в обществе, на основе которых можно судить, насколько в современных обществах развиты индивидуализационные процессы. Более того, представленные типы индивидуализации могут выступать основой для классификации современных социологических теорий индивидуализации, которые можно разделить на три большие группы в соответствии с рассматриваемым в них типом индивидуализации.

Ключевые слова: процесс индивидуализации, количественная индивидуальность, качественная индивидуальность, формальный индивидуализм, качественный индивидуализм.

G. Simmel's Works Methodological Significance for Understanding the Modern Theory of Individualization

A. A. Batsenkova

Antonina A. Batsenkova, <https://orcid.org/0000-0002-2494-5469>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia, batonal@mail.ru

The article reveals the specifics of G. Simmel's approach to the individualization process and shows the relevance of its concepts for the analysis of modern societies. Special attention is paid to the ideological origins of the individualization process. The author considers G. Simmel's concepts of "qualitative and quantitative individuality", "formal and qualitative individualism", forming the basis of two types of individualization: qualitative and quantitative. The quantitative individualization is a sociological type of individualization mediated by the processes of social differentiation, capitalist

relations and competition. The qualitative individualization is associated more with the self-realization of the individual as a person and by definition corresponds with the psychological concept of "individuation". It is represented at the biographic situation's level and broadly researched in empirical sociology. The methodological value of G. Simmel's consists of proposing the individual's social isolation basic principles, which made it possible to judge how much individualization processes are developed in modern societies. Moreover, the proposed types of individualization can serve as a basis for the classification of modern sociological individualization theories, which can be divided into three large groups in accordance with the individualization type.

Keywords: individualization process, qualitative and quantitative individuality, formal individualism, qualitative individualism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-284-288>

В конце XX – начале XXI в. в рамках быстро развивающегося и меняющегося общества широкое распространение и популярность получает теория индивидуализации, однако исследование процесса индивидуализации как социального явления современности началось еще в XIX в. в классических работах К. Маркса, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля. Как правило, исследование классических работ по индивидуализации заканчивается на общем понимании этого процесса как одного из ключевых элементов модернизации. Цель данной статьи – показать методологическую значимость работ Г. Зиммеля для анализа современных концепций индивидуализации.

Ценность работ Г. Зиммеля заключается в том, что он одним из первых начал использовать термин «индивидуализация» как главный элемент обществ модерна. Немецкий социолог описывает индивидуализацию как необратимый и последовательный процесс. Специфика его подхода состоит в том, что источником социального развития выступает индивид («концепция методологического индивидуализма»), а не структурные трансформации общества как надиндивидуального образования¹. Изменение возникает на индивидуальном уровне и осуществляется как процесс индивидуализации, основой которого является становление и развитие определенных типов индивидуальности, связанных с разносторонностью индивида и видов его деятельности, увеличением богатства содержания его сознания.

Идейные истоки процесса индивидуализации

Развитие процесса индивидуализации было опосредованно как идейно, так и исторически, а именно процессами формирования западных обществ модерна, шедших по пути становления капиталистических отношений, разделения труда и социальной дифференциации.

Идейные истоки процесса индивидуализации, по Г. Зиммелю, берут начало в XVIII в., когда возникает представление о природном равенстве людей и чистой свободе индивида². Разное понимание свободы индивида с разных философских позиций породило два типа индивидуализма, а впоследствии и два вида индивидуализации.

Рациональный либерализм, механическое естествознание обосновывали свободу через категорию «всеобщего человека», равенство индивидов как носителей человечности. Люди равны между собой по своей природе. Общественно-исторические процессы элиминировали возможность проявления индивидуальной свободы как формы самостоятельного бытия. Чтобы проявилась сущность индивида как такового, его необходимо освободить от всех принудительных социальных влияний и исторических искажений³. Ценностью общества модерна становится индивидуальность абстрактного человека, обрести которую можно посредством обособления от внешних влияний различных социальных институтов⁴. Это понимание свободы послужило источником «формального» или нумерического типа индивидуализма.

Вторая мировоззренческая позиция обосновывает свободу через неравенство и различие качественных сил и проявлений индивидов. За счет своеобразия, единственности, неповторимости каждого индивида свободу можно обрести, опираясь на внутренние качественные характеристики и силы, независимо от внешних инстанций. Такое понимание свободы привнес романтизм конца XVIII в., который породил «качественный индивидуализм», основанный на признании в индивидуальности собственного содержания, его оригинальности и единичности.

Эти две мировоззренческие позиции легли в основу экономических принципов XIX в., нумерический индивидуализм послужил базой для обоснования свободной конкуренции. Доктрина личных отличий лежит в основе принципа разделения труда.

В современных социологических концепциях индивидуализации не уделяется достаточного внимания этим видам индивидуализма как источникам развития процессов индивидуализации. По мнению Г. Зиммеля, эти виды индивидуализма не являются «последним словом индивидуализма»⁵, а значит, для современной социологии открывается возможность для поиска новых форм индивидуализма, которые бы

позволили понять процесс индивидуализации с точки зрения особенностей развития современных обществ.

Два типа индивидуализации

Критики теории индивидуализации не раз отмечали, что недостатками данной теории выступают «методологический национализм» и культурная нечувствительность теории⁶, которая может быть использована только для анализа западного общества. Особенность концепции Г. Зиммеля в том, что он предлагает универсальные критерии для анализа процессов индивидуализации в обществе.

Особенностью методологии Г. Зиммеля является принцип «методологического индивидуализма», поэтому индивидуализация рассматривается через призму двух типов индивидов: с количественной и качественной индивидуальностью. Количественной индивидуальностью немецкий социолог называет такую, которая появляется в результате расширения социального пространства и увеличения разнообразия выбора индивидуальных действий и социального поведения. Свобода попадает в разряд не идеологических, а скорее, технических понятий, так как напрямую соотносится с социальной дифференциацией⁷.

Количественная индивидуальность появляется в результате «количественной индивидуализации», когда освобождение индивида носит формальный характер, связанный с расширением пространства, в котором действует индивид. Количественная индивидуализация связана с умножением «социальных кругов», развитием капиталистических отношений, расширением сфер занятости. Обособление индивида происходит под воздействием внешних социальных условий, когда у него расширяется диапазон в выборе сфер деятельности, позволяющий обеспечить его большим количеством взаимодействий и взаимовлияний. Большой круг общения способствует относительно беспрепятственному поведению за счет расширения потенциальных возможностей, разнообразия представленных социальных отношений и жизненных позиций, в то время как меньший круг сужает их. Чем больше у индивида появляется альтернатив выбора жизненной стратегии за счет разнообразия представленных социальных отношений, тем больше он обособляется от группы, от единообразия с ее членами и тесных связей с ней. У. Бек впоследствии использовал это описание как один из аспектов индивидуализации – «аспект освобождения»⁸. Однако социальная дифференциация не является безусловным критерием индивидуализации, как полагал, например, Э. Дюркгейм. В отличие от современников, Г. Зиммель подробно описывает значение денег и конкуренции в процессе индивидуализации. Он показывает, что ин-

дивидуальная свобода появляется в современном обществе в результате изменения экономических процессов, связанных с развитием денежных отношений вместо натуральных повинностей⁹. Капитализация отношений позволила достичь относительной независимости и обеспечить свободу действий¹⁰.

Методологическая ценность работ Г. Зиммеля заключается в том, что он описал основные принципы обособления индивида в обществах модерна. Эти принципы характеризуют количественный тип индивидуализации и основываются на концепции социальных кругов и пространственном подходе к социальной реальности. Они задают критерии анализа того или иного общества с точки зрения распространения индивидуализационных процессов.

Первый принцип – появление индивидуальной, а не коллективной ответственности за проступок¹¹, второй – это принцип приспособления. С развитием общества и установлением принципа разделения общественного труда и свободной конкуренции личные качества и способности стали играть важнейшую роль в социальном положении индивида. Если прежде социальный статус наследовался и предписывался индивиду от рождения, то со временем он стал достигаемым. Третий принцип является основным и определяющим – принцип расширения социального пространства. Развитие общества шло, по мысли Г. Зиммеля, в двух направлениях: по пути индивидуализирующей дифференциации и пространственного расширения. С развитием культуры возрастающая дифференциация приводит к обособлению индивида внутри группы, ослаблению связей с ней и постепенному сближению с другой (чужой) группой. Г. Зиммель подтверждает мысль Э. Дюркгейма о том, что люди группируются не в соответствии со своим происхождением, а согласно роду деятельности, профессиональной ориентации.

В процессе количественной индивидуализации индивид не обретает абсолютную самостоятельность, так как его свобода определяется внешними, техническими, практическими правилами отдельных общественных порядков и систем. Это значит, что индивид в определенной степени остается местом пересечения социальных влияний и зеркалом общественных идеалов.

Четвертый принцип – это осознание индивидом своей обособленности. Как пишет Г. Зиммель, существует разница между фактической дифференциацией и дифференциацией в наших представлениях. Они взаимосвязаны, и недостаток веры в личную свободу и независимость индивида от его функций, выполняемых в обществе, может препятствовать фактической индивидуализации¹². Если индивид верит в неразрывную связь с группой, полностью отдается служению ей, то, несмотря на расширение его возможностей, у него не будет происходить процесс индивидуали-

зации в форме обретения собственного «индивидуального существа». В той степени, в какой индивид участвует в деятельности своей группы, он получает от нее содержание и форму своего собственного существа. Индивид, тесно связанный с группой, будет повторять качества, социальные воззрения и взгляды большинства ее членов. Проявление его индивидуальных черт будет нивелировано и даже стандартизировано и приведет к формированию массового атомизированного общества в первой половине XX в. В этом отношении Г. Зиммель был предвестником появления массовых обществ, критика которых вылилась в концепции социального характера Э. Фромма, Г. Маркузе, критическую теорию массового общества Т. Адорно и М. Хоркхаймера.

Иным типом индивидуализации, описанным Г. Зиммелем, является качественный тип. В основе его лежат «качественный индивидуализм» и идеи немецкого романтизма о единственности. На первый план выходит понятие «качественная индивидуальность», характерными чертами которой являются «внутренняя центрированность»¹³, своеобразии личных качеств и характеристик индивида. Индивид обретает индивидуальность изнутри, опираясь на свои творческие силы. Эта позиция противостоит богословской точке зрения, социологизму и натуралистическому мировоззрению, где индивид – это «метафизическое, социальное, природное, которое проходит через случайную форму свободной индивидуальности»¹⁴. Уникальность жизненного содержания каждого индивида создается за счет его незаменимости, разной степени наполненности и утверждения собственного «Я»¹⁵. Г. Зиммель рассуждает об этом типе больше с философской позиции¹⁶ и уделяет ему не так много внимания, как социологическому типу количественной индивидуализации. Эта индивидуализация проявляется очень редко и, как правило, связана с жизнью исключительных людей, следующих только своему собственному «индивидуальному закону». К числу таких людей Зиммель относит Шлейермахера, Рембрандта и Гете. По мнению ученого, качественная индивидуальность должна рассматриваться в процессе индивидуально-творческой жизни отдельного индивида, так как на большом массиве в соответствии с некоторыми порядками и критериями индивидуальные содержания начинают повторяться¹⁷. Индивидуализация как изменение качественных характеристик индивида проявляется в виде спектра возможностей и шансов в выборе индивидом своей идентичности, насколько полным и содержательно богатым и многообразным является реализация себя и утверждения собственного «Я»¹⁸.

Описанные Г. Зиммелем принципы обособления индивида позволяют судить о том, насколько в западных обществах развиты индивидуализационные процессы. Количественный

уровень индивидуализации характеризует большинство современных обществ, однако черты качественной индивидуализации мы можем найти не во всех обществах.

Актуальность социологической концепции индивидуализации Г. Зиммеля также состоит в том, что она может служить основой классификации современных теорий. Современные социологические теории можно разделить на три группы. Теории У. Бека, П. Бергера рассматривают процесс индивидуализации как общественный процесс, связанный с обособлением индивида от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства. Эти теории можно отнести к группе теорий, описывающих количественную индивидуализацию.

К теориям качественной индивидуализации можно отнести концепции, которые уделяют внимание проблеме трансформации и поиска идентичности в современных обществах (Э. Марка¹⁹, Дж. Фридмана²⁰ и др.), описывают новые типы индивидов и новый индивидуализм, основанный на возрастающем внимании к собственному телу, собственному «Я». В новом индивидуализме собственное «Я» становится объектом неутомимого труда²¹, а социум рассматривается через призму индивидуально-интимных отношений («общество интимности» Р. Сеннета²², «психологический тип» индивида К. Лэш²³, Ж. Липовецки²⁴, К. Рэй²⁵, М. Яцино²⁶ и др.).

Отдельно можно отметить практических социологов, которые занимаются исследованием качественной индивидуализации с точки зрения биографических ситуаций и компетенций (Л. Предили и А. Себулла²⁷, К. Эванс²⁸), «капитала идентичности» (Д. Котэ²⁹). Свое продолжение этот тип индивидуализации также нашел в психологии, например в концепции индивидуации К. Г. Юнга. В процессе индивидуации достигается развитие самости, а конечным результатом выступает самореализация индивида³⁰.

К третьей группе теорий можно отнести работы, которые демонстрируют неразрывную связь между качественной и количественной индивидуализацией и так или иначе рассматривают два уровня вместе – это теория Э. Гидденса³¹, З. Баумана³², который рассматривает индивидуализацию как процесс освобождения индивида от аскриптивных статусов и предзаданности социальных ролей.

Таким образом, социологическая концепция индивидуализации, разработанная Г. Зиммелем, может выступать методологической основой для классификации современных теорий индивидуализации. Теория немецкого социолога позволяет выделить два уровня индивидуализации – количественный и качественный. На первом уровне индивидуализация связана с трансформацией традиционных институтов и изменением их значения для индивида, его обособлением от тради-

ционных связей и социальных форм, освобождением от аскриптивных статусов. На втором уровне индивидуализация сводится к анализу изменений биографических ситуаций, жизненных стратегий индивида, к поиску идентичности. Все теории индивидуализации можно разделить на три группы. В зависимости от того, какой уровень они анализируют, их можно разделить на теории качественной и количественной индивидуализации, а также смешанный тип, который описывает взаимосвязь двух уровней.

Примечания

- 1 См.: Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л. Модерн и процесс индивидуализации : исторические судьбы индивида модерна. М. : ИИЦ «Праксис», 2017. С. 67.
- 2 См.: Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. С. 194.
- 3 Там же. С. 196.
- 4 Там же. С. 197.
- 5 Там же. С. 200.
- 6 См.: Bhabra G. K. Rethinking Modernity : Postcolonialism and the Sociological Imagination. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007 ; Dawson M. Reviewing the Critique of Individualization : The Disembedded and Embedded Theses // Acta Sociologica. 2012. Vol. 55, № 4. P. 305–319 ; Jamieson L. Intimacy as a Concept : Explaining Social Change in the Context of Globalization or Another Form of Ethnocentrism? // Sociological Research Online. 2012. Vol. 16, № 4. URL: <http://www.socresonline.org.uk/16/4/15.html> (дата обращения: 06.11.2018) ; Bhat M. Revisiting the Youth Corridor : From Classical Through Post-Modern to Late-Modern Sociology // International Review of Sociology 2013. Vol. 23, № 1. P. 200–220.
- 7 См.: Антоновский А. Ю. Социоэпистемология : о пространственно-временных и личностных измерениях общества. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 192.
- 8 См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 105–106.
- 9 См.: Филиппов А. Ф. Аспекты денежной культуры. Новые работы по «Философии денег» Георга Зиммеля / под ред. Вильфрида Генера и Рюдигера Крамме. Магдебург : Эдишон Гумбольдт, 2002 // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 2. С. 63–68
- 10 См.: Simmel G. The Philosophy of Money. Third enlarged edition / ed. by D. Frisby. L. ; N. Y. : Routledge, 2004. P. 287.
- 11 См.: Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. С. 322.
- 12 См.: Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М. ; СПб. : Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 328.
- 13 Simmel G. Rembrandt. Ein kulturphilosophischer Versuch. Leipzig : Meiner, 1919. S. 100.
- 14 Зиммель Г. Избранные работы. Киев : Ника-Центр, 2006. С. 315.
- 15 Там же. С. 329

- ¹⁶ См.: Гергилов Р. Е. Проблема индивидуализации в социологии М. Вебера и Н. Элиаса : сравнительный анализ // Социологический журнал. 2007. Т. 0, № 3. С. 108–123.
- ¹⁷ См.: Зиммель Г. Избранные работы. С. 319.
- ¹⁸ Там же. С. 329.
- ¹⁹ См.: Marc E. La construction identitaire de l'individu // Halpern C., Ruano-Borbalan, J.-C. (dir.). Identité(s). L'individu, le groupe, la société. Auxerre : Sciences Humaines Editions, 2004. P. 33–39.
- ²⁰ См.: Friedman J. Cultural Identity and Global Process (Published in association with Theory, Culture & Society). L., 2010.
- ²¹ См.: Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков : Гуманитарный Центр. 2012. С. 15.
- ²² См.: Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, Вл. Софронов, К. Чухрукидзе. М. : Логос, 2002.
- ²³ См.: Lasch C. The Minimal Self : Psychic Survival in Troubled Times. L. : Pan Books, 1984 ; Lash C. The culture of Narcissism : American Life in An Age of Diminishing Expectations. L., 1980.
- ²⁴ См.: Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2001.
- ²⁵ См.: Ray C. Individualisation and the third age // Centre for Rural Economy Discussion Paper Series No. 3. University of Newcastle. P. 1–17. URL: <https://www.ncl.ac.uk/media/wwwnclacuk/centreforruraleconomy/files/discussionpaper-03.PDF> (дата обращения: 03.11.2018).
- ²⁶ См.: Яцино М. Указ. соч.
- ²⁷ См.: Predelli L. N., Cebulla A. Perceptions of Labour Market Risks : Shifts and Continuities across Generations // Current Sociology. 2011. Vol. 51, № 1. P. 24–41.
- ²⁸ См.: Evans K. Taking Control of Their Lives? : Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany // Journal of Youth Studies. 2002. Vol. 5, № 3. P. 245–269.
- ²⁹ См.: Côté J. E. The Role of Identity Capital in the Transition to Adulthood : The Individualization Thesis Examined // Journal of Youth Studies. 2002. № 2. P. 117–134.
- ³⁰ См.: Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии / под ред. Т. Д. Марцинковской. М. ; Обнинск : ИГ-СОЦИН, 2010. С. 12.
- ³¹ См.: Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991 ; Giddens A. The Transformation of Intimacy : Sexuality, Love and Eroticism in Modern. Sexuality. Cambridge : Polity Press, 1992 ; Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004.
- ³² См.: Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. С. 181.

Образец для цитирования:

Баценкова А. А. Методологическая значимость работ Г. Зиммеля для понимания современной теории индивидуализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 284–288. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-284-288>

Cite this article as:

Batsenkova A. A. G. Simmel's Works Methodological Significance for Understanding the Modern Theory of Individualization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 284–288 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-284-288>

УДК 314.7

К пониманию сущности феномена трудовой миграции населения

К. Н. Сердюков

Сердюков Константин Николаевич, аспирант кафедры социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, customs-toll@yandex.ru

Предметом настоящей статьи является трудовая миграция, выделенная из общего объема всех миграционных перемещений. В работе рассмотрены основные аспекты самого понятия «трудовая миграция». Проанализирована социально-правовая трактовка термина «трудоустроенный-мигрант». Сделан вывод об отсутствии его унифицированного определения в рамках международного права. Предложена общая классификационная система трудовой миграции на основе характерной совокупности вариативных признаков, выражающих природу данного явления, что позволяет отчетливо идентифицировать и обособить рассматриваемый вид миграции, прояснив определяющую его характеристику. Подробно проанализированы некоторые из представленных разновидностей трудовой миграции. Прежде всего, предлагается обратиться к анализу двух основных типов трудовой миграции – внешней и внутренней. Описывая внешнюю трудовую миграцию, выделены аспекты положительных и отрицательных ее последствий как для стран-доноров, так и для стран-реципиентов. Дана подробная характеристика нелегальной миграции, а также ее особой формы, входящей в состав основополагающей для настоящей работы категории. В данном контексте подчеркивается, что нелегальный статус мигранта определяется фактом нарушения им законодательства государства прибытия, сопряженного с понятиями «въезд», «проживание», «деятельность». Перечислены основные методы противодействия незаконной миграции. Уделено внимание интеллектуальной миграции, а также ее особой форме, имеющей возвратный характер. Подчеркивается фундаментальность феномена трудовой миграции, рассмотренного на мегауровне, прежде всего, как неотъемлемой составляющей мирового хозяйства, международной интеграции, а также процесса развития стран и регионов в целом. В заключение отмечается необходимость отчетливой идентификации трудовой миграции на основе таких базовых критериев, как добровольность, временность, а также ведущая цель субъекта (работа в другом регионе или стране).

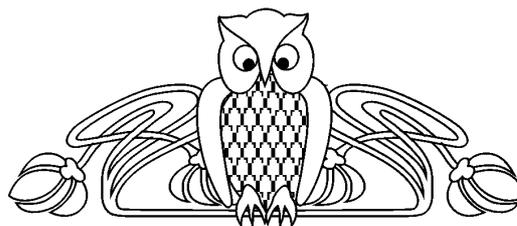
Ключевые слова: трудовая миграция, трудоустроенный-мигрант, критерии идентификации и классификации трудовой миграции, нелегальная миграция, интеллектуальная миграция.

Understanding the Essence of Labor Migration Phenomenon

K. N. Serdyukov

Konstantin N. Serdyukov, <https://orcid.org/0000-0001-6382-7812>, Far Eastern Federal University, 8 Sukhanova St., Vladivostok 690090, Russia, customs-toll@yandex.ru

The subject of this article is labor migration, isolated from the total volume of all migratory movements. The paper considers the main

aspects of the concept of «labor migration» and analyzes the social and legal interpretation of the concept of «migrant worker». The conclusion is drawn about the absence of their unified definitions in the framework of the international law. A general classification system of labor migration is proposed on the basis of a characteristic set of variable signs expressing the nature of this phenomenon, which allows to clearly identify, and isolate the type of migration in question, clarifying its defining characteristic. Some of the presented types of labor migration are analyzed in detail. First of all, it is proposed to turn to the analysis of two main types of labor migration – external and internal. While describing external labor migration, the aspects of its positive and negative consequences are highlighted both for donor and recipient countries. A detailed description of illegal migration and its special form, as a part of this work fundamental category, is given. It is emphasized that the illegal status of a migrant is determined by the fact that they violate the laws of the state of arrival within the concepts: «entry», «residence», «activity». The main methods of combating illegal migration are presented. The attention is paid to intellectual migration, as well as its special form, which has a recurring nature. The fundamental nature of the labor migration phenomenon is emphasized, considering it at the mega-level, above all, as an integral part of the world economy, international integration, and the development process of countries and regions as a whole. In conclusion, the article highlights the need for clear identification of labor migration on the basis of such basic criteria as voluntariness, temporality, as well as the main goal of the subject (work in another region or country).

Keywords: labor migration, migrant worker, criteria for identification and classification of labor migration, illegal migration, intellectual migration.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-289-295>

В современном мире трудовая миграция, исходя из общего объема всех миграционных перемещений, является преобладающей. Рассматривая такой сложнейший феномен, как миграция населения в целом, следует осмыслить и данность ее многообразия. Для сущностного понимания трудовой миграции необходимо обозначить критерии ее идентификации, выделив данный вид из общего объема всех миграционных перемещений на различных основаниях. Считаясь с данным утверждением, отметим, что способ вовлечения в миграцию как критерий служит основанием для выделения трех базовых типов:

1) добровольная миграция (предполагает перемещение индивидов или социальных групп на основе собственных побуждений);

2) вынужденная миграция (предполагает перемещение населения, вызванное событиями негативного характера: военные действия, политическая ситуация, стихийные бедствия, преследования отдельных категорий граждан и проч.);

3) принудительная миграция (предполагает насильственный характер перемещения: депортация, ссылка, высылка и проч.)¹.

Подробнее рассмотрим структуру добровольной миграции, классифицировав ее по ведущим целям:

- экономическая миграция (перемещение населения из экономических соображений);
- образовательная миграция (перемещение населения с целью получения образования);
- рекреационная миграция (перемещение населения в целях отдыха и туризма);
- семейно ориентированная миграция (перемещение населения с целью воссоединения семей);
- религиозная миграция (паломничество);
- прочие.

В свою очередь, экономическая миграция имеет два основных вида – коммерческая и трудовая. Под коммерческой миграцией следует понимать территориальные перемещения населения, осуществляемые с целью получения прибыли посредством ведения коммерческой деятельности, основанной на различии уровней цен отдельных групп товаров в тех или иных регионах или странах. Трудовая миграция представляет собой добровольное временное территориальное перемещение населения с целью работы в другом регионе или стране.

С. В. Рязанцев в своем определении подчеркивает отсутствие окончательного переселения для представителей трудовой миграции. При этом время пребывания на территории прибытия, периодичность работы, а также легитимность пересечения границы значения не имеют².

Е. Н. Авдеев устанавливает минимальную продолжительность выезда индивида в качестве трудового мигранта, определяя срок поездки свыше 1 суток³. Это позволяет отделить рассматриваемый вид миграции от ежедневных маятниковых, а также приграничных миграций. Максимальная продолжительность выезда, как правило, исследователями строго не определяется, но предусматривается обязательное последующее возвращение.

Однако ряд исследователей выделяют постоянную трудовую миграцию, у представителей которой отсутствует процесс возвращения к прежнему месту жительства, но не утрачены прежние социальные связи, имеется желание вернуться домой и т. д.⁴

И. В. Шичкин в своем определении трудовой миграции обращает внимание на характер цели субъекта рассматриваемого процесса – продажа своего труда на более выгодных условиях, чем по месту настоящего проживания⁵.

Говоря о субъекте трудовой миграции, необходимо упомянуть Конвенцию МОТ № 97 (от 1 июля 1949 г.), в которой термин «трудящийся-мигрант» определяется в рамках международной трудовой миграции и легитимной формы пересечения границ. Таким образом, внутренние тру-

довые мигранты, а также нелегальные трудовые мигранты в данное понятие включены не были. Подобное определение также можно встретить и в Конвенции МОТ № 143 (от 9 декабря 1978 г.)⁶.

Категория нелегальных трудовых мигрантов была включена в рассматриваемое понятие в «Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» (от 18 декабря 1990 г.). В пределах СНГ «Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» (от 15 апреля 1994 г.), а также «Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств» (от 14 ноября 2008 г.) вновь определяют термин «трудящийся-мигрант» в рамках легитимной формы пересечения границ⁷.

Таким образом, унифицированное определение рассматриваемого термина в рамках международного права отсутствует.

Трудовая миграция включает в себя характерную совокупность вариативных признаков, выражающих природу данного явления. На этой основе наглядно представим единую классификационную систему трудовой миграции (таблица).

Таким образом, предлагаемая нами общая классификационная система трудовой миграции на основе совокупности представленных признаков позволяет отчетливо идентифицировать и обособить рассматриваемый вид, прояснив определяющую его характеристику.

Рассмотрим подробнее некоторые из представленных разновидностей трудовой миграции.

Перемещение рабочей силы может осуществляться либо внутри одной страны, либо между странами. На этой основе (географический признак) выделяют два типа трудовой миграции – внешняя и внутренняя. Второй тип привлекает внимание исследователей намного меньше. Основной фактор внутренней трудовой миграции – дифференциация регионального развития, что подчиняется общей логике.

В настоящее время механизм регулирования трудовой миграции данного типа в России практически отсутствует. Лишь отдельные вопросы общего внутреннего потока ситуативно решаются на уровне регионов в соответствии с действующей законодательной базой.

Трудовая деятельность внутренних мигрантов оплачивается в родной стране и потому оказывает меньшее влияние на экономику в целом. По сравнению с общим внешним потоком, социокультурные характеристики местных жителей и внутренних трудовых мигрантов, как правило, имеют меньшие различия, что значительно облегчает последним процесс адаптации и обустройства. Таким образом, влияние внутренней трудовой миграции на социокультурное пространство принимающего региона, безусловно, меньше, чем влияние внешней.

Общая классификационная система трудовой миграции

Критерий классификации	Тип/вид/форма трудовой миграции	Характеристика
Территориальная граница	Межгосударственная (внешняя)	Перемещение рабочей силы за пределы страны (межконтинентальное или внутриконтинентальное)
	Внутригосударственная (внутренняя)	Перемещение рабочей силы в пределах страны между различными административно-территориальными единицами
Правовой статус	Легальная	Перемещение рабочей силы через границу, а также ее пребывание в местах вселения на законных основаниях
	Нелегальная	Перемещение рабочей силы через границу и/или ее пребывание в местах вселения на незаконных основаниях
Государственное регулирование	Регулируемая	Целенаправленное влияние, обеспечение и контроль перемещения рабочей силы государством
	Нерегулируемая	Перемещение рабочей силы без целенаправленного воздействия на нее государства
Организованность выезда	Организованная	Организация перемещения рабочей силы государством или уполномоченными на то негосударственными структурами
	Неорганизованная	Перемещение рабочей силы без ее официальной организации государственными или негосударственными структурами
Форма выезда	Индивидуальная	Перемещение индивидов
	Групповая	Перемещение социальных групп (семья, бригада, компания и т. д.)
Конкретизация цели выезда	Определенная	Адресное перемещение рабочей силы к месту работы
	Неопределенная	Перемещение рабочей силы к месту поиска работы
Периодичность	Регулярная	Повторяющиеся поездки по известным маршрутам (сроком свыше 1 суток), как правило, к определенным местам временной работы
	Нерегулярная	Поездки, имеющие разовый или несистематический характер
Временной период	Краткосрочная	Перемещение рабочей силы сроком менее 3 месяцев
	Среднесрочная	Перемещение рабочей силы сроком менее 1 года
	Долгосрочная	Перемещение рабочей силы сроком более 1 года
Квалификация	Высококвалифицированная	Перемещение ведущих специалистов, обладающих опытом и достижениями в своей профессиональной деятельности
	Квалифицированная	Перемещение квалифицированных специалистов
	Неквалифицированная	Перемещение рабочей силы, не обладающей специальными знаниями, умениями, навыками

Говоря о внешней трудовой миграции, принято выделять аспекты положительных и отрицательных ее последствий как для стран-доноров, так и для стран-реципиентов. Рассмотрим основные выгоды и издержки, которые демонстрируют страны-экспортеры рабочей силы. К числу положительных эффектов следует отнести:

- снижение напряженности на внутреннем рынке труда;
- снижение нагрузки на бюджетную систему (сокращение расходов на социальные обязательства государства перед безработными гражданами);
- повышение уровня обеспеченности домохозяйств (денежные переводы работающих мигрантов);
- повышение квалификационного уровня работающих мигрантов в стране с более передовыми технологиями и высокими трудовыми стандартами.

При этом отрицательными последствиями являются:

- сокращение численности экономически

активного населения наиболее трудоспособного возраста (снижение производственного потенциала страны; демографическое старение населения и проч.);

- отток высококвалифицированных специалистов (кадровый дефицит, общее снижение качества кадрового обеспечения; обеднение интеллектуальной среды);
- ущерб для бюджетной системы (сокращение числа налогоплательщиков; затраты, понесенные на общеобразовательную и профессиональную подготовку будущих мигрантов, применяющих полученные знания, умения и навыки за рубежом);
- нарушение преемственности в развитии общества и культуры;
- отсутствие полноценного семейного взаимодействия.

Страны-импортеры рабочей силы демонстрируют свою совокупность положительных и отрицательных результатов влияния рассматриваемого процесса. К числу положительных относятся:

– выравнивание структурных диспропорций в экономике (покрытие дефицита рабочей силы в непрестижных видах и сферах деятельности);

– снижение нагрузки на бюджетную систему (ограниченные социальные обязательства государства перед трудовыми мигрантами, а также поступающие от данной категории граждан налоговые отчисления (справедливо лишь для легальной трудовой миграции); экономия средств, затрачиваемых на общеобразовательную и профессиональную подготовку трудящихся);

– развитие инфраструктуры, расширение внутреннего рынка (спрос иностранной рабочей силы на товары и услуги);

– сокращение производственных издержек, повышение рентабельности предприятий (иностранная рабочая сила является более дешевой по сравнению с местными работниками);

– омоложение возрастной структуры населения;

– иностранная рабочая сила является «буферной системой», обеспечивающей большую сохранность рабочих мест национальных работников во время экономических спадов (трудоустроенные мигранты теряют работу в первую очередь).

Негативными же последствиями являются:

– рост социальной напряженности (негативное отношение к мигрантам; межконфессиональные и межэтнические конфликты и проч.);

– снижение уровня оплаты труда и социальных гарантий (изменение структуры спроса и предложения на рынке труда);

– отток финансовых ресурсов из национальной экономики (денежные переводы трудовых мигрантов на родину);

– дестимуляция роста производительности и эффективности труда (приток дешевой рабочей силы снижает положительные экономические результаты от внедрения новой техники и технологий);

– маргинализация неквалифицированной рабочей силы;

– последствия нелегальной трудовой миграции (экономический ущерб; криминализация различных сфер бизнеса; давление на занятость; массовые нарушения санитарно-гигиенической обстановки, жилищного кодекса и проч.).

В контексте последнего пункта важно отметить, что нелегальный статус невыгоден и для самих трудовых мигрантов. Представляя собой, главным образом, категорию неквалифицированных работников, «нелегалы» зачастую подвергаются самой жестокой эксплуатации и практически беззащитны перед любыми нарушениями их гражданских и трудовых прав⁸. Характер взаимоотношений рассматриваемых мигрантов с принимающим сообществом по определению имеет неправовую, а значит, и неправоприменительную основу.

Рассмотрим понятие «нелегальная миграция» более подробно. Оно является достаточно

широким и общим. В этой связи в случае нарушений в рамках трудового законодательства и (или) законодательства о трудоустройстве государства пребывания Е. А. Ковалева предлагает использование термина «незаконная трудовая миграция». Если же имеет место несоблюдение законодательства, связанное с правилами въезда и проживания, включая при этом вышеперечисленные нарушения, рекомендуется использование термина «нелегальная миграция» без слова «трудоустройство»⁹.

По нашему мнению, основанием для определения понятия «трудоустройство» (в том числе в незаконной форме) должны служить такие критерии ее идентификации, как добровольность, временность, ведущая цель субъекта (работа в другом регионе или стране). Нелегальный же статус мигранта определяется фактом нарушения им законодательства государства прибытия, сопряженного с понятиями «въезд», «проживание», «деятельность».

Согласно ст. 2 Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств от 19 ноября 2010 г., под нелегальной трудовой миграцией следует понимать «въезд и/или пребывание с целью осуществления трудовой деятельности граждан третьих государств, лиц без гражданства на территории государства одной из Сторон с нарушением законодательства этого государства, либо осуществление трудовой деятельности гражданами третьих государств, лицами без гражданства на территории государства одной из Сторон с нарушением законодательства этого государства»¹⁰.

Таким образом, более общее понятие «нелегальная (незаконная) миграция» подразумевает въезд иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию государства и их пребывание – вне зависимости от целей и срока. Ф. Дювель заостряет внимание на такой важнейшей составляющей, как «добровольность», позволяющей различить незаконную миграцию и торговлю людьми¹¹.

В рамках рассматриваемого явления уместным представляется использование уточняющих понятий: «нелегальный въезд», «нелегальное проживание», «нелегальная занятость». Е. Красинец наглядно демонстрирует четыре возможные модели нелегальной миграции и нелегальной занятости:

– легальный въезд + легальное проживание + нелегальная деятельность;

– нелегальный въезд + легальное проживание + нелегальная деятельность;

– легальный въезд + нелегальное проживание + нелегальная деятельность;

– нелегальный въезд + нелегальное проживание + нелегальная деятельность¹².

Таким образом, правовая вариативность «въезда» и «проживания» и неизменность «неле-

гальной деятельности» являются составляющими понятия «нелегальная трудовая миграция».

Важнейшей проблемой изучения нелегальной миграции является сложность определения ее истинных масштабов как в отдельных регионах/странах, так и в мире в целом. Отсутствие достоверных количественных данных является отражением самой сути рассматриваемого явления. Все цифры, приведенные в тех или иных авторитетных источниках, характеризуются огромным разбросом. Это связано с отсутствием прямых надежных методов получения необходимой информации. В основу расчетов положены лишь косвенные показатели, позволяющие дать количественную оценку нелегальной миграции весьма приблизительно.

В иммиграционных трудовых потоках России значительную их часть составляют именно нелегалы. В результате официальные статистические данные о трудовой миграции в целом имеют достаточно большую погрешность. Важно отметить, что именно нелегальная миграция – одна из главных причин развития социального напряжения, негативного отношения к мигрантам со стороны местного населения.

Перечислим основные методы противодействия незаконной миграции:

- ужесточение ответственности за: нелегальную иммиграцию, незаконное пребывание в стране, незаконную занятость, организацию незаконного ввоза мигрантов;
- совершенствование миграционного законодательства, а также деятельности органов исполнительной власти, осуществляющих функции по контролю и надзору в сфере миграции;
- высылка незаконных мигрантов, а также реализация программ по их легализации (миграционная амнистия);
- усиление международного сотрудничества;
- правовая поддержка граждан, доступность и полнота информации по вопросам миграции¹³.

По нашему мнению, для сокращения нелегального сектора миграции, помимо устоявшегося упора на внешние ограничительные барьеры, особое внимание следует уделить институциональным преобразованиям, разработке и реализации ряда внутренних административных и законодательных мер, способствующих выводу нелегального потока в легальное русло. Особо важным представляется движение к «прозрачности» рынка труда, а также полнота контроля и смещение его акцента с самих нелегальных мигрантов на их работодателей.

Если нелегальная миграция представляет собой, главным образом, категорию неквалифицированных работников, то перемещение квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, как правило, характеризуется легальным пересечением границ и проживанием, официальным трудоустройством. Под высоко-

квалифицированными специалистами обычно понимаются лица, обладающие высоким уровнем образования, опытом и достижениями в своей профессиональной деятельности. Данная категория является определяющей частью понятия «интеллектуальная миграция», в которую (в наиболее широкой трактовке) следует включить лиц, в целом способствующих приросту национального интеллектуального капитала страны прибытия.

В условиях непрерывного увеличения роли информационных технологий и технологических инноваций в жизни современного общества закономерно возрастает значимость и высококвалифицированного труда. Кадры высокой квалификации становятся ценным глобальным ресурсом, что сопровождается повышением их мобильности и ростом интеллектуальной миграции.

Данный вид миграции представляет собой особый сегмент международного рынка труда, который характеризуется такими качественными характеристиками его субъектов, как: высокий уровень образования, высокие адаптивные способности, знание языка, законопослушность и проч. Представители интеллектуальной миграции ориентированы на получение гарантий соблюдения их гражданских и трудовых прав, обеспечения безопасного проживания и страхования их трудовой деятельности.

Понятие «интеллектуальная миграция» применимо и внутри страны. Это связано с тем, что ведущие специалисты из различных сфер трудовой деятельности стремятся работать в крупных городах, чаще в столице, ученые концентрируются вокруг главных образовательных и научных центров страны и т. д.

Ряд исследователей выделяют «особые» формы интеллектуальной миграции, когда передача знаний и опыта осуществляется виртуально, без физического территориального перемещения их носителей (аутстаффинг, аутсорсинг и др.)¹⁴.

Говоря об интеллектуальной миграции, имеющей безвозвратный характер, принято использовать термин «утечка умов». Однако в контексте анализа трудовой миграции, представляющей собой временное территориальное перемещение, рассмотрим соответствующую разновидность интеллектуальной миграции.

Трудовая интеллектуальная миграция – это добровольное временное территориальное перемещение лиц, носителей интеллектуального капитала, с целью работы в другом регионе или стране.

Международная трудовая интеллектуальная миграция является наиболее предпочтительной формой международной интеллектуальной миграции, предполагающей циркуляцию высококвалифицированных специалистов, экспертов, ученых, деятелей культуры и прочих носителей интеллектуального капитала. Трудовые мигран-

ты данной категории, безусловно, повышают собственный квалификационный уровень и мастерство, работая в стране с, как правило, большими профессиональными возможностями, более передовыми технологиями и высокими трудовыми стандартами. Представители данной формы интеллектуальной миграции не получают гражданства и работают в принимающей стране временно, а следовательно, возвращаются на родину, где передают свой прогрессивный опыт отечественным коллегам, вносят вклад в развитие своей страны.

Однако следует отметить, что международная трудовая интеллектуальная миграция зачастую обращается в безвозвратную. В России проблема «утечки умов» является одной из самых острых, что указывает на необходимость проведения соответствующей выверенной государственной политики, способной максимизировать усилия по ослаблению многолетней тенденции снижения национального интеллектуального капитала за счет массовой безвозвратной интеллектуальной миграции.

Особенностью миграционной политики стран-экспортеров рабочей силы, как правило, является стремление к сдерживанию оттока высококвалифицированных специалистов, в том числе путем разработки и реализации специальных правительственных программ по повышению внутригосударственной профессиональной заинтересованности, а также стимулированию реэмиграции. Страны-импортеры рабочей силы, напротив, стремятся привлечь и удержать успешных специалистов высокой квалификации, необходимых для развития национальной экономики, создавая при этом максимально благоприятные условия для трудоустройства, упрощенные административно-правовые режимы въезда и пребывания.

Однако в современных условиях становится все труднее отчетливо, без контекста, разделить страны, участвующие в мировой миграции, на «отдающие» и «принимающие» мигрантов. Миграционные процессы все большего количества стран характеризуются одновременными разнонаправленными потоками как эмиграции, так и иммиграции населения. К числу таких стран относятся и Россия.

Вместе с тем следует обратить внимание на принципиальные различия качественных характеристик миграционных потоков. Так, иммиграционные потоки в Россию характеризуются преимущественно низким интеллектуальным потенциалом, низкой трудовой квалификацией их участников, а также массовым нарушением миграционного законодательства. Эмиграционные потоки, напротив, представлены, как правило, лицами с достаточно высоким уровнем образования, квалифицированными и высококвалифицированными специалистами, выезжающими в принимающую страну легально. С учетом данных особенностей следует осознавать и обшир-

ные негативные последствия такого замещения населения в долгосрочной перспективе.

Считаем важным отметить, что в настоящее время практически все страны мира в той или иной степени вовлечены в процесс международной миграции рабочей силы. Для многих государств труд иностранных граждан уже давно стал структурообразующим фактором национальной экономики. В России иностранная рабочая сила также является важной частью ее экономической жизни. В основу функционирования целого ряда отраслей отечественной экономики (строительство, сельское хозяйство, транспорт и проч.) положен труд иностранных работников. Международная миграция рабочей силы является эффективным инструментом регулирования национального и регионального рынков труда, средством формирования качественных и количественных параметров трудовых ресурсов. С неуклонным ростом масштабов все более существенно влияние данного процесса на социально-демографическую структуру населения.

Таким образом, международную трудовую миграцию следует рассматривать, прежде всего, как неотъемлемую составляющую мирового хозяйства, международной интеграции, а также процесса развития стран и регионов в целом.

В заключение необходимо подчеркнуть важность отчетливой идентификации собственно трудовой миграции на основе таких базовых критериев, как добровольность, временность, а также ведущая цель субъекта (работа в другом регионе или стране).

Примечания

- 1 См.: *Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л., Рязанцев С. В.* Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. С. 187–188. URL: <http://isprtas.ru/pics/File/books/Practical%20demography.pdf> (дата обращения: 25.02.2018).
- 2 См.: *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии : тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. URL: <http://libed.ru/kniginauka/819159-1-rossiyskaya-akademiya-nauk-institut-socialno-politicheskikh-issledovaniy-ryazancev-trudovaya-migraciya-stranah-sng.php> (дата обращения: 06.03.2018).
- 3 См.: *Авдеев Е. Н.* Географические аспекты трудовой миграции населения в Ставропольском крае : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2005.
- 4 См.: *Вишневецкая Н. Г.* Миграция трудовых ресурсов : понятие и социально-экономические последствия // Апробация. 2014. № 7 (22). С. 36–38.
- 5 См.: *Шичкин И. А.* Развитие механизма регулирования трудовой миграции в регионе : на материалах Республики Мордовия : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саранск, 2009.
- 6 См. подробнее: Конвенция МОТ № 97 о трудящихся-мигрантах. URL: http://moscow.iom.int/russian/Legislation/IL097_ru.pdf (дата обращения: 09.03.2018);

- Конвенция МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=91 (дата обращения: 09.03.2018).
- ⁷ См. подробнее: Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant (дата обращения: 09.03.2018) ; Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=17019 (дата обращения: 09.03.2018) ; Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=8230 (дата обращения: 09.03.2018).
- ⁸ См.: Воробьева О. Д., Гребенюк А. А., Леонова М. А. [и др.]. Многоликая миграция / под ред. О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина. М. : Экон-информ, 2014. С. 137.
- ⁹ См.: Ковалева Е. А. Незаконная трудовая миграция // Проблемы укрепления законности и правопорядка : наука, практика, тенденции : в 2 т. : сб. науч. тр. Минск : ИЦ БГУ, 2016. Вып. 9. Т. 2. С. 124–130.
- ¹⁰ Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. URL: https://гувм.мвд.рф/upload/site1/document_file/opOEGOBiQq.pdf (дата обращения: 09.04.2018).
- ¹¹ См.: Дювель Ф. Пространственная мобильность населения : индикаторы, категории и типологии // Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. А. Зайончковской, И. Н. Молодиковой, В. И. Мукомеля. М. : Центр миграционных исследований, 2007. С. 86.
- ¹² См.: Krassinets E. Illegal migration and employment in Russia. Luxemburg : International Migration Papers ; 26. 1998. 36 p. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_protect/--protrav/--migrant/documents/publication/wcms_201973.pdf (дата обращения: 10.04.2018).
- ¹³ См.: Менделеев Н. Г. Проблемы незаконной миграции и способы их преодоления // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2014. С. 449–457.
- ¹⁴ См.: Мурин Н. В. Интеллектуальная миграция : глобализационный аспект // Евразийское пространство в глобальном контексте : вызовы и возможности современного развития : сб. науч. тр. аспирантов и молодых ученых факультета экономики и финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета / под ред. В. Г. Шубаевой. СПб., 2014. С. 146–150. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23711011_91957681.pdf (дата обращения: 15.06.2018).

Образец для цитирования:

Сердюков К. Н. К пониманию сущности феномена трудовой миграции населения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 289–295. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-289-295>

Cite this article as:

Serdyukov K. N. Understanding the Essence of Labor Migration Phenomenon. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 289–295 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-289-295>

УДК 316.44

Смысловое содержание супружеской заботы в пожилых семьях

Л. В. Колязина

Колязина Лариса Викторовна, аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kolyazina_larisa@mail.ru

Автор на основе данных социологического исследования, проведенного в г. Саратове в 2018 г., показывает особенности супружеской заботы в решении проблем повседневной жизни пожилой супружеской пары. Забота в данном контексте рассматривается как спутник человеческой жизни, сопровождающий человека от рождения до смерти, как ответ на вопрошание о смысле бытия, сущность которого в комплементарной взаимности, как необходимый инструмент для сборки социального, преодоления «несчастливого сознания», ограниченного рамками индивидуального существования. Подчеркивается возрастание значимости супружеской заботы по мере курсирования по жизненному пути: появляются болезненные прерывания, связанные с изношенностью тех или иных систем организма, сокращаются человеческие ресурсы и возможности. Представлено понимание супружеской заботы как особого рода феномена, обладающего своей структурой и динамикой. Показано, что смысловое содержание супружеской заботы в пожилых семьях включает ее понимание в качестве: морального конструкта, эмоционального отношения, сакрального статуса, трансситуативной деятельности, рациональных принципов и правил поведения. Обосновывается тот факт, что супружеская забота не является обратимой эквивалентностью, а обнаруживает чередующуюся асимметрию. Асимметричные практики заботы проявляются тогда, когда предпочтение отдается кому-либо из супругов, но оно никоим образом не скрывает в себе подавление другого супруга.

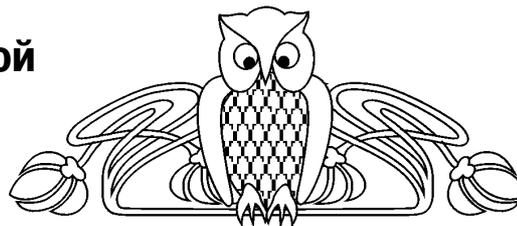
Ключевые слова: пожилая семья, супружеские отношения, супружеская забота, реципрокные и асимметричные практики.

Matrimonial Care Meaning in Elderly Families

L. V. Kolyazina

Larisa V. Kolyazina <https://orcid.org/0000-0001-7628-612X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kolyazina_larisa@mail.ru

The author, on the basis of sociological study data, conducted in Saratov in 2018, shows the characteristics of marital care in solving an elderly couple everyday problems. Care, in this context, is considered as a component of human life, accompanying a person from birth to death, as a response to questioning on life meaning, the essence of which is in complementary reciprocity, as a necessary tool for assembling the social and overcoming the "unhappy consciousness", limiting individual existence. The increasing importance of marital care in the course of a person's travel along the life path is emphasized: painful interruptions appearing in connection with the deterioration of certain body systems, reducing human resources and opportunities. The understanding of marital care as a special kind of phenomenon with

its structure and dynamics is presented. It is shown that the meaning of matrimonial care in elderly families includes: moral construct, emotional relationship, sacral status, transsituational activity, rational principles and rules of behavior. It is justified the fact that marital care is not a reversible equivalence, but an alternating asymmetry. Asymmetrical practices of caring are manifested when the preference is given to one of the spouses, but it in no way conceals the suppression of the other spouse.

Keywords: elderly family, matrimonial relations, matrimonial care, reciprocal and asymmetrical practices.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-296-299>

Феномен заботы остается в фокусе исследовательского внимания в связи с тем, что отражает сущность человека, манифестирует все основные символы включенности индивида в сообщество. Забота – необходимый инструмент для сборки социального, преодоления «несчастливого сознания», ограниченного рамками индивидуального существования. Провозглашение автономности человека как высшей ценности – гносеологический тупик, так как человек нуждается в заботе, особенно в определенных жизненных ситуациях (старость, инвалидность, недуги, сложные жизненные ситуации), и сам выступает в качестве субъекта заботы, проецируя ее на других людей. Забота, по М. Хайдеггеру, «бытие присутствия», некая онтологическая «неуравновешенность», «неравность себе», конституирующая все поведение человека как «заботливое», как спасение по ту сторону индивидуального существования¹.

И. Гете в «Фаусте»² раскрывает смысл заботы как вечного движения к другому. Будучи глубоким стариком, потерявшим зрение, Фауст во главе созидателей будущего, видит лучше тех, кто печется лишь о себе. Он считает, что «жизни годы прошли даром». Таким образом тотальное движение к другому выступает теоретическим основанием для встраивания категории заботы в поведение человека. Забота – это способ существования в межполюсном («я-другой») смысловом пространстве. Она выступает как ответ на вопрошание о смысле бытия, сущность которого в комплементарной взаимности. Забота является спутником человеческой жизни, сопровождает человека от рождения до смерти.

Вместе с тем применение в социологии категории заботы столкнулось со значительными трудностями: 1) не все практики заботы наблюдаемы, включают дискурсивную (вербально оформленную) и недискурсивную (эмоционально-образную) составляющие; 2) проблемы изме-

рения заботы трудноразрешимы; 3) забота не бывает в принципе сразу доступной, нужно сделать ряд действий, соблюсти определенные правила; 4) забота может предназначаться для себя, несет преобразование, а может включать активность, направленную на других, когда человек бросает себя на какое-то дело; 5) практики заботы исследуются на материале либо институциональных, либо родственных отношений, супружеская забота не является основным предметом и анализируется в контексте других социальных отношений.

При всех различиях в определениях понятия «забота» основными элементами являются субъект, объект, цели, средства, результаты и условия. Забота может быть охарактеризована как преобразующая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту, обеспечивающая удовлетворение потребностей и желаний, оказавшихся за пределами его возможностей. Суть заботы противостоит формам пренебрежения интересами Другого и Других.

В фокусе нашего анализа – практическое бытование супружеской заботы, иначе говоря, повседневные действия, которые воспринимаются, на первый взгляд, как само собой разумеющееся. Более того, нам не известны работы, направленные на исследование динамики супружеской заботы с учетом возрастной переменной. Одним из сегментов поля современных исследований становится супружеская забота в пожилой семье. Супружеские отношения в отличие от родственных не являются отношениями данности, естественности, неоспоримости (в данном случае мы не рассматриваем однополюсные отношения и новые репродуктивные технологии), они могут быть прекращены или изменены по желанию. Весьма своевременно звучит тема не уменьшения, а, напротив, увеличения значимости заботы на геронтологическом этапе супружеской жизни.

Результаты исследований М. Э. Елютиной, С. В. Климовой³ фиксируют новые моменты в супружеских отношениях, касающиеся изменений в понимании супругами своего места в семье и самоощущений. Важность супружества в пожилом возрасте связана, на наш взгляд, с нуклеаризацией семьи, уменьшением значения расширенной семьи и родственников для современного городского образа жизни. Стабилизирующая роль супружеских отношений со стороны устойчивых сообществ в виде соседства, институтов третьего сектора или гражданского общества, онлайн-сообществ пока невелика. В связи с этим исследовательский интерес представляют особенности рецепции супружеских проблем, представления о том, каковы причины возникающих проблемных ситуаций, какое смысловое содержание вкладывается в понятийное пространство «супружеской заботы», сообразно с которым супруги регулируют свое поведение в повседневном обращении.

Эмпирическую базу исследования составили материалы глубинных интервью с пожилыми супругами (от 60 лет и старше), собранные в г. Саратове в 2018 г. Было проведено 26 глубинных интервью. Рекрутинг информантов осуществлялся методом «снежного кома» – с помощью родственников и знакомых исследователей. Контролировались пол, возраст и место проживания.

Специфика супружеских отношений

Для пожилых супругов характерно структурное сопряжение жизней, которое определяется через семейную историю, рекуррентный ритм жизни, привычные жизненные устои, сложившиеся жизненные стандарты и правила поведения. Это особый союз, который представляет комплекс неимперативных, переговорных взаимодействий, что приводит к новым формам супружеского взаимодействия и порождает потребность в их целенаправленном разрешении. Переориентация пожилых супругов на внутрисемейные отношения является, по нашему мнению, закономерным этапом социальной и психической жизни пожилого человека.

Выстроенная иерархичность супружеских статусов весьма нестабильна и зависит от минимальных изменений ситуации и контекста.

В супружеских отношениях всегда участвуют обе стороны. Однако степень и качество погружения в эти отношения существенно варьируют у супругов.

Супруги имеют повторяющиеся и частично дублирующие цепи памяти – опыта, своего рода «перекрытия», в соответствие с которыми выстраиваются различные повседневные практики.

В качестве основных проблем в супружеских отношениях названы следующие:

- нехватка средств, находящихся в распоряжении супругов, для удовлетворения насущных потребностей в жилье, охране здоровья, отдыхе⁴;
- супружеские конфликты, возникновение которых чаще всего объясняется нарушением сложившегося семейного порядка вследствие воздействия некоторых объективных условий или субъективных факторов. В качестве основной субъективной причины респонденты назвали: эгоизм, карикатурное преувеличение значения вещи или события, преуменьшение значения при важности вещи или события;
- определенная форма патологии (пьянство, наркотизм, психическое нездоровье).

Причины возникновения супружеских проблем

В структуре представлений о причинах супружеских проблем нашли отражение два подхода:

– одни связывают эти причины с собственным поведением, указывают на значимость индивидуального контроля и ответственности каждого из супругов;

– другие склонны ссылаться на внешние обстоятельства, которые, по их мнению, во многом не поддаются контролю с их стороны.

Смыслы супружеской заботы

По результатам нашего исследования можно выделить следующие смысловые основы супружеской заботы в оценках супругов:

– как моральный конструкт, определяемый через «должное», с помощью которого очерчиваются границы возможных супружеских практик (в том числе гигиенических, пищевых); благодаря им внутренняя свобода каждого супруга сосуществует с внешним проявлением ее ограничения:

Р.: Забота о семье – это долг, который ты обязан выполнять, нравится тебе или не нравится. Если решил создать семью, то уж будь любезен заботиться (муж., 67 лет);

– как эмоциональная поддержка:

Р.: Это прежде всего поддержка. Боль, неурядицы и человек остается один на один с ними. Это очень тяжело, чувствуешь, что ты на этом свете лишний, никому до тебя нет дела. Так важно, что в этот момент тебя поддержат, ободрят, вдохновят, а это придаст новые силы (жен., 68 лет);

– как сакральный статус, т. е. как особые действия, которым общество приписывает позитивные, возвышенные свойства:

Р.: Заботы ведь может и не быть. Можно всю жизнь прожить, а заботы так и не дожидаться. Я считаю, что это дар, и принимать его надо с благодарностью и делать в ответ что-то хорошее. Забота – это проявление духовного благородства (жен., 62 года).

Сакральный статус поддерживается общественными резонансами следования ценностям заботы;

– как транситуативная деятельность и экстенсивная доминанта в проблемных ситуациях; пожилые супруги «впускают» в свое мироощущение возможные дисфункции привычного образа жизни, но формируют определенные стратегии реагирования на них:

Р.: Конечно, забота нужна каждый день, но особенно она необходима в трудную минуту. Когда я узнала свой диагноз, я просто окаменела, поняла, что вот, все скоро закончится. Я ничего не могла делать, не ела, не пила, сидела оторванная, безразличная ко всему. Супруг, хотя он всегда был не ласковый, я бы даже сказала, жесткий, тем не менее, нашел нужные слова и на протяжении всего процесса борьбы с болезнью был моей опорой. Я полагаю, что мне помогли не лекарства, а он своей верой в выздо-

вление. Разве такое можно забыть? (жен., 64 года);

– как рациональные правила, разделяемые обоими супругами представления, которые создают основу «мотивов уступчивости» (М. Вебер), кооперативный стиль взаимодействия, когда во главу угла ставится интерес семьи:

Р.: У нас, в нашей семье так заведено, что любое решение согласовывается, заботимся о тех, кто нуждается по тем или иным причинам. Стараемся лишний раз друг друга не обременять, да и детей не тревожить. Если уж невмоготу станет, то тогда, конечно, обращаемся. Он ко мне, я к нему. Взаимно (жен., 69 лет).

Ценность и значимость супружеской заботы респонденты объясняли девальвацией заботы в качестве экзистенциального ориентира поведения современного человека:

Р.: Современный человек не ведает боли, страданий, живет одним днем, ориентируется на деньги как главную в жизни ценность, на получение удовольствий. И что от него можно ожидать? Государству мы тоже не интересны. Чтобы получить долю заботы, необходимо подчас затратить столько сил и времени, что «сто раз подумаешь» стоит ли вообще осуществлять какие-либо процедуры или довольствоваться тем, что есть. Поэтому у нас с женой нет никаких иллюзий, рассчитываем на себя и друг на друга (муж., 71 год).

Безразличие, игнорирование другого респонденты рассматривали в качестве антипода заботливому поведению, номинировали их в качестве душевной «заразы» современного человека. Продолжительность и интенсивность интеракций супругов обуславливают формирование общего фонда ценностей, солидарной системы взглядов на повседневную жизнь: ее организацию, обустройство, практики межличностных отношений, что, в первую очередь, проявляется в матрице их семейных представлений. У пожилых супругов своя иерархия значимого, основанная на приращении полезности. Результаты исследования показывают, что супруги понимают заботу как комплексную, транситуативную. В сложном процессе заботы наибольшую ценность для супругов представляют возможности жить с разного рода «отказами в организме», сохраняя независимость и самостоятельность. Супружеская забота – это живой континуум «точечных» усилий, направленных на удовлетворение потребностей другого, умножение полезных обменов.

Основными типами супружеских отношений заботы являются: реципроктные и асимметричные.

Среди реципроктных отношений заботы выделяется такая их разновидность, как «конкуренция в созидательной полезности», когда супруги вступают в соперничество по вопросам

предоставления разного рода услуг, при этом сохраняя перспективу личностного развития. Асимметричные практики заботы проявляются тогда, когда предпочтение отдается кому-либо из супругов, но оно никоим образом не скрывает в себе подавление другого супруга. К примеру, «отстраненная забота» есть эмпатийное соучастие, которое сочетается с отстраненностью, или принцип «дозволения», когда забота благосклонно принимается. Иначе говоря, супружеская забота не является обратимой эквивалентностью, а обнаруживает чередующуюся асимметрию.

Примечания

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003. С. 103.

² См.: Гете И. Фауст / пер. с нем. Н. Холодковского. М. : Эксмо-Пресс, 2019.

³ См.: Елютина М. Э., Болотов Г. И. Повседневная жизнь пожилой семьи : стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 10–14. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14 ; Елютина М. Э., Климова С. В. Благополучие семьи : парадигма комплексного институционального подхода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 19–27 ; Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–93.

⁴ См.: Елютина М. Э., Болотов Г. И. Освоение повседневности на пенсии : гендерный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 383–386. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-383-386

Образец для цитирования:

Колязина Л. В. Смысловое содержание супружеской заботы в пожилых семьях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 296–299. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-296-299>

Cite this article as:

Kolyazina L. V. Matrimonial Care Meaning in Elderly Families. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 296–299 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-296-299>

УДК 31:316.454.4

Социальные функции религиозной веры в рамках морально-психологического обеспечения военнослужащих

А. Ю. Фадеев

Фадеев Андрей Юрьевич, протоиерей, магистр богословия, аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура г. Москвы; доцент кафедры библеистики и богословия, Пензенская духовная семинария, fadееvandreі@mail.ru

Автор статьи рассматривает религиозную веру в её социальных функциях как фактор укрепления морально-психологического состояния воинов. В статье дано теоретическое обоснование необходимости религиозного воспитания в рамках деятельности помощника командира части по работе с верующими военнослужащими. Трансляция религиозных смыслов способна не только консолидировать общество, но и привести к его разделению. Апелляция к паттернам религиозного сознания должна основываться на традиционных религиозно-этических нормах. Компенсаторная функция религиозной веры включает в себя, прежде всего, экзистенциальную составляющую, которая позволяет верующему военнослужащему не только преодолевать инстинкт самосохранения, но и наполнять позитивными смыслами своё земное существование. Особое внимание уделено деструктивной функции религии и предложены конкретные формы профилактической работы среди военнослужащих для нивелирования её влияния.

Ключевые слова: военное духовенство, морально-психологическое обеспечение, социальные функции религии.

Religious Faith Social Functions within Moral and Psychological Provision of the Military Personnel

A. Yu. Fadeev

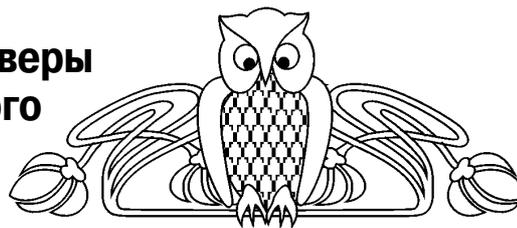
Andrey Yu. Fadeev, <https://orcid.org/0000-0001-6973-6081>, Penza Theological Seminary, 4 Perecop St., Penza 440023, Russia, fadееvandreі@mail.ru

The author of the article considers religious faith in its social functions as a factor of strengthening the moral and psychological state of soldiers. The article gives a theoretical justification of the need of religious education within the framework of the unit's assistant commander's duties in working with religious servicemen. The spread of religious meanings can not only consolidate the society, but also lead to its separation. Appealing to the religious consciousness patterns should be based on the traditional religious and ethical norms. Besides, the religious faith compensatory function includes the existential component allowing the believing serviceman not only to overcome the instinct of self-preservation, but also to fill his earthly existence with positive meanings. Particular attention is paid to the destructive function of religion and specific forms of preventive work among the servicemen to avoid its influence are given.

Keywords: military clergy, moral and psychological support, social functions of religion.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-300-303>

Религиозная вера всегда являлась значимым элементом духовной основы общества и, как пра-

вило, занимала главенствующее место в системе воспитания воинов. Религиозная культура аккумулирует в себе нравственный опыт прежних поколений и транслирует его последующим поколениям, выступая в качестве регулятора поведения. На необходимость передачи религиозного опыта от поколения к поколению указывал и выдающийся педагог К. Д. Ушинский. «В настоящее время, – писал он, – христианские правила жизни сделались более традиционными и более передаются, как святое предание, от отцов и дедов к детям и внукам, чем подновляются и возрождаются вновь из их непосредственного источника. <...> Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве, и для нас нехристианская педагогика есть вещь немислимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди»¹.

Рост уровня религиозности вызвал необходимость создания новой системы работы в войсках с верующими военнослужащими и, в частности, введения должностей военного духовенства. В настоящее время мы стали свидетелями становления института военного духовенства в ВС РФ. Можно сказать, что это в некоторой степени экспериментальный период после многолетнего присутствия духовенства в войсках в качестве нештатных священников-добровольцев. Должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими (ПКРВВ) была утверждена в 2010 г. министром обороны на основании решения Президента РФ. Процесс комплектования штата затянулся до настоящего времени.

По сведениям Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, по состоянию на лето 2017 г. в России насчитывается около пятисот воинских храмов (477), 98 часовен и молитвенных комнат. Всего в ВС РФ, согласно утверждённым штатам, введено 266 должностей помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. Из них для представителей Русской православной церкви предусмотрено 259 штатных единиц, для мусульман – 5 единиц и для буддистов – 2 единицы. В настоящее время решением министра обороны назначено 145 должностных лиц и 27 – командирами подразделений (67% от общего числа). Все утверждённые священнослужители заключили трудовые договора с командирами соединений и руководством вузов. По сведениям

ям, поступившим из епархий, ещё 42 священнослужителя проходят соответствующие проверки для утверждения министром обороны в качестве помощников командиров частей по работе с верующими военнослужащими. В ближайшее время общее число штатного военного духовенства может достигнуть 214 человек, что составит 83% от общей укомплектованности. При всём многообразии принятых документов, регулирующих процесс институционализации военного духовенства, ни в одном из них не описаны формы работы священнослужителя среди военнослужащих. В большинстве из них декларируются довольно общие намерения, но не более. Это, скорее, показатель поступательного развития, так как для того, чтобы выстроить системность служебных обязанностей, необходим довольно длительный период. Отсутствие опыта работы с верующими военнослужащими порождает множество проблем, а иногда и противоречий. Ситуация осложняется тем, что предшествующий, советский, период был не только лишён такого опыта, но и стал временем искоренения религиозных верований на идеологической основе как в обществе, так и в армии.

Трансляция религиозных смыслов в общественном дискурсе консолидирует общество, проявляя себя как социальная скрепа народного единства. Эту функциональную особенность религии социологи обычно называют **регулятивной** функцией. Но тенденции, выявленные современными отечественными и зарубежными социологами религии, вызывают опасения. Прежде всего, это появление нового феномена, который не имеет пока точной научной дефиниции, но описывается западными специалистами как «невидимая религия», «неопределённая религиозность», «заместительная религия», «fuzzy» и т. п. Данная тенденция имеет две взаимосвязанные причины: религиозный опыт в большей части индивидуализируется и, как правило, становится субъективным; понятия о Боге трансформируются в антропоморфные категории; сакральное профанируется: «Бог» становится имманентным; картина мира теряет трансцендентные сущности. Подобные тенденции наполняют нашу культуру нравственным релятивизмом, нивелируют абсолютные ценности до норм, не совместимых с традиционной моралью. Данное явление деструктивно влияет не только на общество в целом, но и, как правило, на армейскую среду как срез общества. Трудно поддерживать высокие моральные принципы в армейском коллективе, если большинство личного состава скептически оценивает традиционные моральные нормы. В традиционной религии, напротив, всегда есть некая сверхцель (трансцендентная), которая определяет отношение к ценностям более низкого порядка. По мнению Эмиля Дюркгейма, традиционная религия способствует сплочённости и солидарности группы, в которой имеется возможность получить социальную оценку своего поведения (мировоззрения) на основании неких общих эта-

лонов. В отрыве от традиционной религиозности старые эталоны сравнения девальвируются, что ведёт за собой потерю социальной и культурной самоидентификации и групповой солидарности². Период службы в армии завершает формирование системы ценностей взрослого человека и является последним этапом интеграции в социальную структуру. Важно, чтобы на этом этапе у него были окончательно сформированы религиозные и общественные мировоззренческие установки. Этому способствует всеобщая воинская обязанность, которая позволяет влиять на все национальные и социальные группы общества.

Помимо регулятивной социальной функции не меньшую значимость имеет так называемая **компенсаторная** функция религии, способствующая психологическому утешению за счёт апелляции к будущим благам, упования на воздаяние после смерти³. Но, по нашему мнению, вопрос исследован довольно поверхностно и неполно. Дело в том, что психотерапевтическая функция религиозного мировоззрения обусловлена не только надеждой или обещанием будущих благ, но и экзистенциальной составляющей, в рамках которой каждый верующий обретает смысл своего существования, веря и зная, что он – существо вечное и бессмертное. Такое мировоззрение позволяет не только расширить пределы своего онтологического потенциала, но и, прежде всего, наполнить свое земное бытие смыслом. Действительно, если после физической смерти тела нет ничего – ни вечности, ни человека в ней, то и смысла в предшествующем смерти периоде жизни найти в принципе невозможно. Смысл и цель всегда лежат вне задач и условий. Цель всегда трансцендентна задачам, т. е. цель и смысл земной жизни могут быть только вне её пределов. Именно поэтому религиозные мотиваторы всегда намного сильнее любых других. Верующий человек преодолевает инстинкт самосохранения не в надежде на получение каких-либо наслаждений в будущем или психологического утешения за страдания, а за счёт того, что ясно осознаёт целеполагание своего бытия. В этом плане психологические возможности верующего человека, как правило, превышают возможности неверующего, который живёт только для того, чтобы пожить, и подменяет смысл жизни (цель) задачами более низкого порядка.

Ценностная система топов, как правило, намного шире или, лучше сказать, выше в религиозном сознании. Подобные выводы подтверждены военными социологами и психологами⁴. По мнению многих отечественных и зарубежных специалистов, наблюдается явная корреляция между страхом смерти и степенью религиозности – чем выше религиозность, тем меньше уровень страха. Свои служебные обязанности, связанные с факторами опасности, военнослужащий часто выполняет в экстремальных условиях, требующих от него значительного напряжения всех моральных и физических сил, нередко сопровождающихся

стресс-факторами повышенной интенсивности. Психологическое напряжение, связанное с ожиданием угрозы для здоровья и жизни, как правило, снижает моральный дух воина и его психологическую устойчивость. Во время боевых действий в Дагестане и Чечне 80% личного состава только на третьи сутки адаптировались к боевым условиям, а после окончания военной операции более 70% получили боевые психологические травмы. Около 90% военнослужащих страдали невротическим расстройством сна, а у 60% наблюдались неврозы навязчивого состояния⁵.

Военный социолог В. И. Временчук проследил устойчивую тенденцию увеличения удельного веса психогенных расстройств в общем числе санитарных потерь на протяжении XX столетия. Если в Русско-японской войне подобные явления отмечались у 10% госпитализированных, то в Великой Отечественной войне уже у 30%, а к концу столетия – до 60%⁶. Это мнение военного специалиста подтверждается опытом работы военных священников в «горячих точках». Присутствие военного духовенства среди военнослужащих при условии надлежащего исполнения своего пастырского долга вызывает качественное преобразование моральной атмосферы в воинском коллективе. Подобный опыт был зафиксирован неоднократно. Вот как его описывает непосредственный свидетель военных событий: «Человек, который начинает задумываться о чём-то, о чём раньше не думал, смотреть не в землю, а в небо, будет и к ближнему своему относиться соответствующе. Другие люди, видя этого человека, видя, что он к товарищам относится по-доброму, помогает им, тоже задумываются о Боге, изменяются к лучшему. Это особенно заметно, если командир отряда – верующий человек. Я был много раз свидетелем того, – делится своим опытом протоиерей Димитрий Васеленков, – как преобразуются отряды. Ребята начинают ответственно относиться к своей службе, к товарищам, к оружию. А ведь многие приходят на богослужение, исповедуются и причащаются первый раз в своей жизни»⁷.

Не менее важными являются **интегративная и мировоззренческая** социальные функции религии, влияние которых допустимо рассматривать вместе. На протяжении веков христианское мировоззрение было господствующим в армии России. Собственно, многие народы, живущие в границах империи и федерации, включены в границы христианской цивилизации. Именно в воинской среде, где человек чаще, чем в других жизненных ситуациях, сталкивается со смертью или её вызовами, актуализируется экзистенциальная проблема, требующая от него осмысленных, ответственных поступков. В данной ситуации религия выполняет функцию удовлетворения потребностей человека в поиске жизненных координат, предельных нравственных ценностей и ориентиров в отношении других людей, непротиворечивого образа мира и когнитивного отношения к

смерти. Реальная работа, а иногда просто присутствие священника в воинском коллективе способствуют поиску ответов на эти сложные вопросы.

Деструктивная функция религии. Отдельной задачей, решаемой непосредственным присутствием военного священника среди личного состава, является компетентное выявление среди верующих военнослужащих различных религиозных «отклонений» и крайностей. Вопрос этот достаточно важен, подобные явления могут быть выявляемы и нивелируемы только человеком с соответствующим религиозным опытом и квалификацией. К таким явлениям относится, прежде всего, религиозный фундаментализм как крайняя форма консерватизма. В задачи священнослужителя входит выявление подобных тенденций в религиозных предпочтениях военнослужащих, независимо от вероисповедания. Отечественными учёными подобные явления достаточно хорошо изучены. С. И. Самыгин, В. Н. Нечипуренко, И. Н. Полонская определяют понятие современного религиозного фундаментализма как разновидность военизированной политической системы, формы социально-религиозного протеста против эрозии традиционного уклада общества или чуждой внерелигиозной идеологии⁸. Очевидно, что все религии и церкви провозглашают идеалы терпимости и добрососедства. Однако в каждом религиозном движении всегда присутствуют периферийные формы, стремящиеся навязать свою радикальную модель общественного порядка и своим единоверцам, и иноверцам.

Психологической (субъективной) причиной появления подобных мировоззренческих установок является противоречие между обыденными фрагментарными интересами общества (или индивида) и стремлением верующего человека к высшим ценностям, наполняющим его жизнь смыслом. Не каждый человек в своём поступательном развитии способен адекватно приспособиться к изменениям социума, оставаясь на позициях привычного и проверенного. Объективной причиной появления религиозного фундаментализма можно считать ускорение смены форматов цивилизации – от аграрной к индустриальной, от индустриальной к постиндустриальной, от постиндустриальной к информационной. Подобные тенденции становятся распространённым явлением в периоды социально-политических, экономических и религиозных кризисов. Известный социолог В. И. Гараджа отметил, что выбор одной мировоззренческой позиции становится отказом от других, если система убеждений группы является тотальной и всеобъемлющей, то, как правило, сужается и возможность коммуникации вне её пределов⁹. Помощник командира части по работе с верующими военнослужащими должен обладать достаточной компетенцией и уметь чётко разграничивать различные мировоззренческие отклонения в поликонфессиональном коллективе: религиозный фундаментализм, традиционный

консерватизм, экстремизм, партикуляризм или просто проявления неопитского максимализма.

Сам факт участия в воспитании военнослужащих в соответствии со своими штатно-должностными обязанностями делает военного священника членом педагогического коллектива подразделения и определяет объективную необходимость реализации им своих взглядов, убеждений, знаний, своей позиции и точки зрения на происходящее в армии и обществе. Структура морально-психологического обеспечения (МПО) в войсках обуславливается двумя основными компонентами – моральным и психологическим. Моральный фактор представляет собой совокупность духовных качеств народа и армии, проявляющую себя как нравственная сила на основании любви к Родине. Военный священник, способствуя военно-патриотическому воспитанию личного состава, может сделать многое, опираясь на опыт прежних поколений и исторические примеры, разъясняя воинам справедливость освободительного характера войны и её благородных целей. Именно от лица священнослужителя уместны обращения к нравственным истокам внутренней мотивации подвига или положительного примера.

Психологический фактор в МПО предполагает реализацию всей совокупности психологических возможностей народа и ВС, включая потенциал психологической науки. Сюда входят особенности психологии воинского коллектива, групповых механизмов поведения и воспитания, профилактика случаев девиантного поведения, межгрупповая коммуникация, психоэмоциональные проблемы и др.

Важной особенностью работы МПО в войсках является гомогенность, заблаговременность и непрерывность, что предполагает постоянный мониторинг с целью формирования нормального МПС ещё в мирное (учебное) время¹⁰. Именно поэтому присутствие военного священника как помощника командира части, включённого в общий воспитательный процесс, требует его постоянного присутствия среди личного состава, а не только в качестве почётного гостя на плацу во время торжественных мероприятий. На данный момент можно говорить о существовании сформированного устойчивого военно-религиозного института в ВС РФ, который, по определению доктора социологии В. И. Временчука, представляет собой устойчивую, многоуровневую систему связей и взаимодействий военнослужащих (воинских коллективов), военной организации обще-

ства, института военной службы и религиозных групп, религиозных организаций и объединений, религиозного института в военной сфере (военно-религиозных отношений), выполняющих универсальную, интегративную функцию социального управления по обеспечению безопасности общества и личности против угрозы или фактического применения средств вооружённого насилия¹¹.

Известно, что методика воспитательной работы личного состава построена, главным образом, на апелляции к глубоко укоренённым нравственно-религиозным ценностям. Поэтому синхронно организованная и сбалансированная работа офицера-воспитателя и войскового священника способна принести более заметные положительные результаты в обеспечении морально-психологического состояния личного состава подразделения.

Примечания

- ¹ Ушинский К. Д. О нравственном элементе в воспитании // Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М. : Л., 1948. С. 433.
- ² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
- ³ См.: Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. М., 1994. С. 144.
- ⁴ См.: Martin D., Wrightsman L. The relationship between religion behavior and concept about death // The Journal of Social Psychology. 1965. Vol. 65. P. 317–323.
- ⁵ См.: Арзамаскин Ю. Н., Вакаров А. Ф., Кепель О. В. Оптимизация морально-психологического обеспечения деятельности Вооружённых Сил РФ. М., 2006. С. 73.
- ⁶ См.: Временчук В. И. Взаимодействие военной службы и религии на институциональном уровне управления (социологический анализ) : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006. С. 99.
- ⁷ Священники на войне // Вестн. военного и морского духовенства. 2008. № 1 (667). С. 51.
- ⁸ См.: Самыгин С. И., Нечипуренко В. И., Полонская И. Н. Религиоведение : социология и психология религии. Ростов н/Д, 1996. С. 624.
- ⁹ См.: Гараджа В. И. Социология религии : учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 3-е изд. М., 2005. С. 192–193.
- ¹⁰ См.: Система морально-психологического обеспечения в Вооружённых Силах Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. Н. И. Резника. М., 2005. С. 35.
- ¹¹ См.: Временчук В. И. Указ. соч. С. 92.

Образец для цитирования:

Фадеев А. Ю. Социальные функции религиозной веры в рамках морально-психологического обеспечения военнослужащих // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 300–303. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-300-303>

Cite this article as:

Fadeev A. Yu. Religious Faith Social Functions within Moral and Psychological Provision of the Military Personnel. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 300–303 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-300-303>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

Политическая технология брендинга региона как возможность формирования его положительного имиджа и повышения инвестиционной привлекательности

А. А. Вилков, Е. И. Тимофеев

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

Тимофеев Евгений Игоревич, магистрант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Evgen164gp@yandex.ru

В настоящей статье рассмотрены вопросы брендинга регионов Российской Федерации на примере Саратовской области. Проведен анализ действий органов исполнительной власти региона по внедрению официальной символики и созданию бренда территории, а также развитию системы информационного обеспечения инвесторов с помощью Инвестиционного портала Саратовской области в целях формирования положительного имиджа региона. Выявлена и обоснована целесообразность брендинга Саратовской области на текущем этапе экономического развития.

Ключевые слова: инвестиции, имидж, органы власти, брендинг, бренд, символика, логотип.

Political Technology of Region Branding as a Possibility of Forming Its Positive Image and Increasing Investment Attractiveness

A. A. Vilkov, E. I. Timofeev

Alexander A. Vilkov, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vil57@yandex.ru

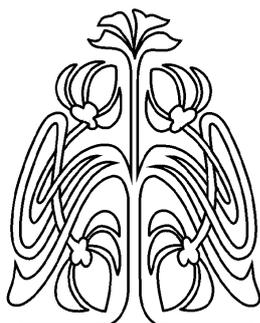
Evgeny I. Timofeev, <https://orcid.org/0000-0001-6402-5264>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, Evgen164gp@yandex.ru

The paper discusses issues of the Russian Federation regions branding on the example of the Saratov Region. Regional executive authorities' actions on the official symbols introduction and creation of territory brand, as well as development of investors informational support system through the Investment Portal of the Saratov Region in order to create regional positive image are analyzed. The practicability of the Saratov Region branding at the current stage of economic development is identified and justified.

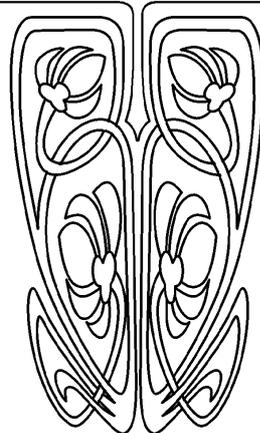
Keywords: investment, image, government, branding, brand, symbols, logo.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-304-311>

В настоящее время успешная деятельность любого субъекта экономики зависит от эффективности проводимой им инвестиционной политики. В качестве таких субъектов выступают не только представители бизнес-сообщества или иных организационно-правовых форм, но и органы государственной власти, в том числе и на уровне регионов России. В ходе последних изменений в стране власть оказалась в ситуации борьбы за инвестиционные потоки и их движение по субъектам РФ (в свою очередь, если говорить о федеральных органах,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

то здесь подразумевается конкуренция за инвестиционные ресурсы на международной арене).

С недавних пор в деятельность органов власти стали активно внедряться механизмы конкуренции, ключевые показатели эффективности (KPI), различного рода рейтинги и поощрения за достижения определенных позиций по их результатам.

Если в общих чертах говорить о главных направлениях динамики политического управления инвестиционной привлекательностью с 90-х гг. XX в. по настоящее время, то можно отметить, прежде всего, расширение перечня используемых технологий. Сейчас в России активно применяется достаточно широкий спектр технологий политического управления инвестиционной привлекательностью¹. С этой целью используются относительно новые технологии: политическое регулирование областного законодательства; поддержка органами государственной власти конкретных инвестиционных проектов; информационные кампании, направленные на презентации инвестиционных преимуществ области, в том числе позиций в инвестиционных рейтингах и побед проектов в различных конкурсах.

С недавних пор стала проводиться совместная деятельность органов исполнительной власти региона и деловых объединений по формированию позитивного имиджа и бренда Саратовской области. Однако подобные практики совместной деятельности в настоящее время слабо распространены, и о них можно говорить лишь как о проявляющейся тенденции.

В качестве примера в настоящей работе мы рассмотрим внедрение различной символики для формирования конкурентоспособного бренда Саратовской области. Данное направление деятельности было актуализировано постановлением Правительства Саратовской области от 17 февраля 2015 г. № 63-П, в котором была утверждена «Концепция брендинга региона до 2020 года»².

Согласно документу, борьба между регионами России за привлечение инвестиционных ресурсов является основной причиной акцентирования внимания на вопросах создания бренда территории. Кроме того, сильный бренд территории позволяет:

- стимулировать поток внешних государственных и частных инвестиций в приоритетные отрасли экономики;
- стимулировать процессы кластерного развития приоритетных отраслей экономики;
- активизировать экспорт местных производителей;
- повышать привлекательность территории, удерживая местное население от миграции и притягивая новое население, обладающее востребованными навыками и квалификацией.

Целями брендинга Саратовской области в соответствии с данным нормативным

правовым актом являются: создание привлекательного образа региона как одного из перспективных и активно развивающихся субъектов Российской Федерации; повышение деловой активности бизнес-сообщества; увеличение инвестиционной привлекательности области; развитие равноправного и взаимовыгодного межрегионального и международного сотрудничества через единую государственную политику; обеспечение присутствия бренда региона в информационном пространстве³.

Основное направление брендинга Саратовской области в сфере повышения инвестиционной привлекательности – организация деятельности по созданию важнейшей структурной характеристики имиджа региона, в том числе анализ, оценка и определение приоритетов инвестиционной политики региона и формирование благоприятных условий для инвестирования и предпринимательства.

Концепция предполагает использование многих инструментов брендинга Саратовской области, в их числе мероприятия по продвижению бренда, основанные на представлении информации об особенностях региона:

- актуализация публичных фигур или исторических личностей, с которыми прочно ассоциируется Саратовская область, например: Ю. А. Гагарин, В. Э. Борисов-Мусатов, К. С. Петров-Водкин, П. А. Столыпин, О. П. Табаков, А. Г. Шнитке и др.;
- организация и проведение уникальных мероприятий на основе культурного потенциала региона (конкурсы, выставки, фестивали, конференции), например: фестиваль творчества «Хвалынские этюды К. С. Петрова-Водкина», фестиваль исторической реконструкции «Укек. Один день из жизни средневекового города»;
- выход Саратовской области на федеральный и международный уровень с презентацией инвестиционного потенциала (участие в форумах, на выставочных площадках и т. п.), например, в 2019 г. участие региона в Российском инвестиционном форуме «Сочи-2019» 14–15 февраля, в XXIII Петербургском международном экономическом форуме 6–8 июня, а также проведение собственного II Саратовского экономического форума осенью 2019 г.;
- развитие и продвижение саратовских брендов товаров и услуг;
- продвижение инвестиционной символики и фирменного стиля Саратовской области, разработка слогана;
- логотип, фирменные цвета, корпоративная и сувенирная продукция.

Касательно работы именно над инвестиционной составляющей данной Концепции целесообразно отметить следующее.

Серьезной попыткой разработать собственный бренд Саратовской области (со стороны органов власти) стало внедрение официальной ин-

вестиционной символики «Создавайте с нами» в 2017 г. комитетом инвестиционной политики и имущественных отношений Саратовской области (в настоящее время функции по инвестиционной политике переданы Министерству экономического развития Саратовской области), в стиле которой был разработан и презентован стенд региона на Российском инвестиционном форуме «Сочи-2018» и произведена сувенирная продукция в качестве основных элементов идентификации бренда. С целью повышения визуального восприятия был разработан методический документ – руководство по использованию фирменного стиля Саратовской области. Кроме того, настоящий фирменный стиль применялся при создании и подготовке информационных видеороликов, презентаций и выступлений на тему инвестиционного потенциала региона.

В настоящий момент от данного стиля остались лишь отдельные элементы, используемые при печати раздаточных информационных материалов. По мнению авторов, причиной тому является передача функций по инвестиционной политике другому органу, как следствие, смена руководства и потеря предыдущих целевых ориентиров, а также изменение видения на проблему продвижения официальной инвестиционной символики региона.

Более того, впоследствии в конце июля 2018 г. Правительство Саратовской области объявило электронный аукцион на разработку отдельного туристического логотипа и брендбука региона.

31 января 2019 г. в Министерстве внутренней политики и общественных отношений Саратовской области прошла презентация туристического логотипа региона.

Председатель областного комитета по туризму Виктория Бородянская рассказала о концепции нового саратовского символа:

«У Саратовской области появился логотип. Он должен отражать регион и быть таким, чтобы его приняли и молодежь, и представители профессионального сообщества. Чтобы логотип, проще говоря, зашел. И у нас это получилось. Чтобы сделать логотип, проводились анкетирование, опросы. Даже среди тех, кто не живет в Саратовской области.

В итоге мы выяснили, что у большего количества людей ассоциация с Саратовом – это песня “Огней так много золотых”. Так и родилась концепция “Огни Поволжья”.

Прежде чем прийти к форме логотипа, проходило несколько фокус-групп, было представлено очень большое количество вариантов...

...Нам кажется, получилось очень неплохо. Из всех предложенных вариантов, а их было представлено много, этот логотип получил самое большое количество положительных результатов. Логотип у нас рассчитан на область, а не на один конкретный населенный пункт, поэтому

есть у него свои определенные фрактальные элементы. Очень интересная работа была над логотипом, очень напряженная», – заключила председатель комитета по туризму⁴.

По словам Виктории Бородянской, новый логотип вполне хорошо будет смотреться на флагах, а также «прекрасно адаптироваться под любую текущую ситуацию»⁵.

По информации комитета по туризму, сейчас началась работа по «раскрутке» логотипа, чтобы его начали узнавать за пределами региона. Вместе с этим разработан и туристический маршрут «Огни Поволжья. Саратовская область»⁶.

В результате, по нашим наблюдениям, представленный туристический логотип Саратовской области вовсе отодвинул на задний план ранее разработанную символику «Создавайте с нами», про которую никто даже и не вспомнил.

Кроме того, в социальных сетях раскритиковали новый туристический логотип Саратовской области. Многие комментаторы увидели в логотипе дизайнерские заимствования у известных брендов, другие обратили внимание на общую безвкусицу работы⁷.

В этой связи возникают вопросы: действительно ли подобные разработки помогут повысить туристический потенциал Саратовской области, если даже жители региона отрицательно отзываются о таких попытках? В каких кругах проводилось предварительное голосование и оценка? И что будет с предыдущей инвестиционной символикой «Создавайте с нами»?

По нашему мнению, в данном случае наблюдается так называемая двойная работа, в результате которой через какое-то время будет снова разрабатываться очередной логотип, поскольку одно дело – презентовать его, другое – повсеместно внедрить и сделать из этого бренд региона. До тех пор пока не будут расписаны конкретные меры по продвижению логотипа (например, «дорожная карта»), необходимые затраты на их реализацию и, разумеется, реальное начало процесса без какого-либо затягивания, желаемая цель так и не станет ближе, а сам логотип уже не будет способен «прекрасно адаптироваться под любую текущую ситуацию» ввиду того, что снова станет неактуальным.

Отдельным блоком затронем вопрос еще одного направления, работа над которым также была предусмотрена Концепцией брендирования Саратовской области, а именно – организация и сопровождение работы официального двуязычного интернет-портала «Инвестиционный портал Саратовской области»⁸.

Стоит отметить, что изначально в целях повышения инвестиционной привлекательности регионов АНО «Агентство стратегических инициатив» (создано Правительством РФ в 2011 г. для реализации комплекса мер в экономической и социальной сферах) был создан региональный Инвестиционный стандарт, который содержал

15 требований, отражающих лучшие практики. Одним из требований Стандарта являлось наличие двуязычного интернет-портала, содержащего полную информацию об инвестиционной деятельности в регионе.

Научных исследований по данной теме, к сожалению, мало, но, например, А. Ю. Фадеева влияние регионального портала на инвестиционную привлекательность выделяет в следующих аспектах:

1) оказывает влияние на принятие первичных решений и формирование первого впечатления о регионе;

2) представляет собой основной источник информации об инвестиционных возможностях региона;

3) дает возможность взаимодействия с неограниченным количеством потенциальных инвесторов, значительно повышая шансы установления сотрудничества;

4) позволяет оперативно управлять коммуникационным процессом;

5) является единственным полностью управляемым онлайн-источником информации об инвестиционных возможностях региона;

6) позволяет максимально оптимизировать расходы инвестиционных агентств, связанные с установлением, поддержанием и развитием связей с инвесторами (командировки, организация встреч);

7) демонстрирует открытость и готовность к сотрудничеству;

8) обеспечивает непрерывную коммуникацию с инвесторами в режиме реального времени;

9) влияет на узнаваемость и повышение лояльности к бренду и проч.⁹

Конечно, стоит отметить, что активная инвестиционная деятельность напрямую зависит от созданных комфортных условий на территории региона. Более того, пробелы и неточности в предоставляемой властями информации зачастую воспринимаются потенциальными инвесторами как сигнал о наличии скрываемых проблем либо просто о неготовности властей к сотрудничеству.

Анализируя сложившиеся тенденции влияния политических факторов на инвестиционную привлекательность регионов и Саратовской области в частности, следует заметить, что в последнее время повышается актуальность разработки системы информационной поддержки инвесторов. Это определяется тем, что на данный момент недостаточно исследованы аспекты управления инвестиционной средой, четко не установлены и не регламентированы взаимоотношения предприятий и органов власти, отсутствует необходимая и единообразная информационная база о социально-экономической приоритетности инвестиционных проектов. Стоит учитывать, что информационная поддержка инвесторов также является важным элементом на первых этапах внедрения инвестиционных

проектов, так как субъекты бизнеса испытывают потребность не только в основополагающих материальных ресурсах, но и в информации о рынке, кадрах, мерах поддержки со стороны власти, возможностях и площадках для инвестиционных проектов.

В свою очередь, рассматривая систему информационного обеспечения инвесторов, в том числе работу над Инвестиционным порталом Саратовской области как элемента брендинга региона, который должен содержать полную информацию об инвестиционной деятельности в регионе, заметим, что многогранная работа на общероссийском уровне по совершенствованию государственного управления подтверждает: информационное обеспечение следует рассматривать как одно из стратегических направлений повышения эффективности деятельности властной системы и имиджа государственных структур. При этом информационное обеспечение самих органов власти следует рассматривать с точки зрения системного подхода, особенно в сфере работы с инвестициями.

В настоящее время значительно активизировались усилия государства в этом направлении. Работы по информационному обеспечению органов государственной власти ведутся как федеральными структурами, так и субъектами Российской Федерации, и органами местного самоуправления. Разработан ряд законодательных и других нормативных актов, практически регулирующих отношения в информационной сфере общества. Следует отметить, что существует ряд факторов, осложняющих построение системы информационного обеспечения. Так, в системе права наблюдается неполнота, рассогласованность нормативных актов не только по уровням системы нормотворчества, но и в самой законодательной основе, присутствуют трудности унификации в области классификации законодательства, учета и предоставления этой информации пользователям и т. д. В сфере информатизации органов исполнительной власти дестабилизирующим фактором является чрезмерная динамика в структуре органов исполнительной власти. Это влияет на структуризацию информационного ресурса и на определение его правового режима, а в конечном счете на эффективность его формирования и использования. Обеспечение стабильности правового положения источников информации и пользователей этого ресурса создает условия для более точного программирования в области информатизации и коммуникативных инфраструктур.

В этой связи обеспечение потенциального инвестора максимально полной и актуальной информацией об инвестиционных возможностях субъекта РФ является одним из элементов привлечения инвестиций в экономику региона и формирования его положительного имиджа. Безусловно, любые меры улучшения инвестици-

онного климата неспособны повлиять на решение инвестора, если информация о них не будет своевременно доведена до него. Здесь инвестиционный портал региона выступает в качестве визитной карточки.

Что касается исходной проблемы данного вопроса в Саратовской области – изначально Инвестиционный портал был создан в 2012 г. и со временем морально устарел.

На старом портале имела место слабая ориентация на работу с иностранными инвесторами по причине недостоверного и неправильного перевода на английский язык (местами полного его отсутствия). Файлы размещались только для скачивания в формате *.doc, *.zip, *.rar, что исключало возможность просмотра документов непосредственно в структуре сайта. Многие разделы портала были заполнены не до конца, возможность просмотра контента на мобильных устройствах отсутствовала полностью. Сайт работал достаточно медленно, с периодическими перебоями. Не применялись социальные сети для его продвижения.

Портал области не являлся единой и понятной точкой входа в инвестиционную сферу региона, архитектура сайта не способствовала простому и быстрому поиску ключевой информации для пользователя. Визуальное восприятие в совокупности с интерфейсом не выступало в качестве отличительного элемента портала, что сказывалось на его низкой «рекламной» эффективности.

Целью разработки нового портала стали демонстрация преимуществ региона для потенциальных инвесторов, детальной информации о существующих инвестиционных проектах и площадках, предоставление инструментов для взаимодействия посетителей портала с представителями региона по вопросам инвестиционной политики.

Задачами являлись построение ресурса на надежной системе, обеспечивающей защиту баз данных сайта, использование современного дизайна, брендов и возможность презентации ключевых показателей региона на главной странице, а также интеграцию с социальными сетями.

В качестве нормативной правовой базы для Инвестиционного портала было принято Постановление Правительства Саратовской области от 24 июля 2017 г. № 377-П «О формировании единого информационного пространства Саратовской области в сфере инвестиционной деятельности», которое направлено на использование эффективных механизмов межведомственного взаимодействия, обеспечивающих постоянное развитие портала, актуализацию и оперативное наполнение информацией.

В результате в апреле 2017 г. портал был модернизирован – осуществлен полный переход от «сухого» административного сайта на максимально понятный с инфографикой и интерактивными элементами.

Дизайн портала подчеркивал фирменный стиль Саратовской области и ее особенности, также стал первым этапом в попытке брендирования региона (впоследствии была разработана вышеописанная символика «Создавайте с нами»).

С целью популяризации портала были проведены его презентации на различных площадках с участием представителей бизнес-сообщества и научных кругов.

Продвижение инвестиционного портала осуществлялось за счет взаимодействия органов исполнительной власти области, экспертных и бизнес-сообществ, ресурсоснабжающих организаций и многих других структур, а также посредством использования социальных сетей, размещения баннеров на сайтах партнеров.

Некоторые представители бизнеса высказывали свое мнение по поводу нового Инвестиционного портала Саратовской области, например, менеджер по маркетингу компании «Фоссло Фастенинг Систем Рус» Наталья Зайцева похвалила сайт за качественный перевод на английский язык¹⁰.

Исполнительный директор ООО «Промышленная сервисная корпорация» Александр Черкасов отметил: «Был бы я инвестором, я бы первым делом захотел бы узнать, как власть помогает инвестиционным проектам? Какие есть конкретные успешные примеры взаимодействия? Что сделала власть и как помогла? Какие барьеры сняла? Плюс неплохо было бы получить живые отзывы от инвесторов с успешными историями»¹¹.

Но при этом эксперт не учел, что комитет инвестиционной политики и имущественных отношений Саратовской области не ставил задачи «демонстрировать» свое персональное участие. Основной задачей было создание общего климата, а не ручное управление проектами. В свою очередь, отзывы инвесторов планировалось включить в раздел сайта об успешных инвестиционных проектах, но в настоящее время по неизвестным нам причинам информация не обновляется.

Экс-запмед комитета инвестиционной политики и имущественных отношений Саратовской области Роман Кононенко заявлял: «Данный портал – информационный ресурс о возможных направлениях инвестиций (аналитический контент, раскрывающий конкурентные преимущества) на территории области и магазин готовых площадок для проектов. Для инвесторов – это будет личный кабинет с обратной связью и набором услуг, которые мы сможем ему оказывать: от предоставления льгот до решения проблем технологических присоединений»¹².

Но как бы то ни было на этапе создания и запуска портала, дальнейшая его модернизация так и не была осуществлена, сейчас добавляются лишь некоторые информационные элементы и периодически обновляется новостная лента.

Вместе с тем специально созданная весной 2018 г. структура для работы с инвесторами АО «Корпорация развития Саратовской области» не так давно запустила отдельный сайт конкретно под свою организацию, но с минимальной информационной составляющей, частично продублировав Инвестиционный портал, который, по нашему мнению, как раз и следовало развивать в первую очередь. Это связано с тем, что Инвестиционный портал региона достаточно наполнен контентом о потенциале Саратовской области и подготовлен для дальнейшего внедрения ранее запланированного дополнительного функционала. По факту сайт не получил каких-либо новшеств за последние два года, за исключением перевода некоторых разделов на китайский язык.

Возможно, причина кроется в том, что в настоящий момент в регионе достаточно других проблем, более глобальных, связанных с инвестиционным климатом, – крупные предприятия закрываются, инвесторы уходят, административное давление на бизнес возрастает. Разумеется, таким составляющим, как информационный сайт, официальная инвестиционная символика и логотипы, в настоящей ситуации трудно уделять должное внимание, особенно на фоне нехватки всевозможных ресурсов.

Для примера – в начале 2019 г. Уполномоченный по защите прав предпринимателей Михаил Петриченко озвучил итоговый доклад о работе в прошлом году, в котором отмечается, что в 2018 г. количество жалоб предпринимателей Саратовской области по вопросам уголовно-правового характера и нарушений в этой сфере выросло в пять раз. При этом усиление административного и силового давления на бизнес стало общероссийским трендом, который негативно отражается на макроэкономических показателях, особенно в регионах¹³.

С другой стороны, «по бумагам» что-то действительно улучшается, но сейчас целесообразно внедрять новую модель управленческой культуры. Формальную отчетность и бюрократический подход с помощью создания брендов и информационных сайтов сложно исключить. Подобная работа может снова превратиться в погоню за показателями, достижение которых требуют федеральные чиновники.

Сейчас мы также наблюдаем ситуацию, когда прокуратура критикует региональные власти за слабую работу залогового фонда, технопарков и кластеров. Эти и другие меры поддержки предпринимателей неэффективны.

«Выявленные нарушения и просчеты позволяют сделать вывод о том, что органы власти не в полной мере реализуют свои возможности по созданию благоприятной среды для развития бизнеса, что напрямую отражается на инвестиционном климате региона», – отмечают в Прокуратуре Саратовской области¹⁴.

Разумеется, на фоне подобных проблем разработка собственных брендов для повышения инвестиционной привлекательности играет далеко не самую важную роль. В настоящее время имидж Саратовской области ухудшается из-за увеличения количества отрицательных мнений инвесторов о регионе, а не из-за малоинформативных сайтов с контентом прошлых лет. В случае с нашей областью вопросы развития имиджа за счет продвижения интернет-порталов и прочих продуктов брендинга скорее имеют вторичный характер и могут выступать в качестве дополнения к каким-то последующим глобальным действиям по улучшению инвестиционного климата. Доверия бизнес-сообщества не вернуть за счет исчерпывающей информации о потенциале региона на инвестиционном портале или с помощью создания туристических логотипов с их изображением на сувенирной продукции, когда, к слову, даже полной информации о возможностях туризма в регионе обывателю так просто не найти.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: является ли региональный инвестиционный портал необходимым и реально работающим механизмом, влияющим на инвестиционную привлекательность региона? Очевидно, что качественный инвестиционный портал несет в себе ряд важных преимуществ, является самым влиятельным и технологичным каналом коммуникации в современной среде интернет-технологий и способствует повышению инвестиционной привлекательности региона, что определяет несомненную важность и необходимость работы над данным инструментом¹⁵.

При этом ни для кого не секрет, что уровень бизнеса в Саратовской области сейчас падает и экономическая ситуация лучше не становится, хотя есть перспективные кадры, определенная инфраструктура, выгодное месторасположение и ряд других преимуществ региона.

Саратовская область имеет потенциал для инвестиционного развития, но сейчас, при жесткой конкуренции среди субъектов РФ в борьбе за инвестора, занять лидирующую позицию нашему региону достаточно сложно. О какой обратной связи посредством различных разработанных символов (логотипов) и размещения инфографики на интернет-порталах может идти речь, если некоторые представители крупного бизнеса на местах (с большой историей) уходят в другие регионы или вовсе становятся банкротами по причинам, являющимся более глубокими и даже общероссийскими?

Безусловно, Инвестиционный портал Саратовской области может эффективно работать и приносить желаемый результат только в том случае, если в регионе будут минимизированы другие проблемы, сильно влияющие на ведение бизнеса. Аналогичная ситуация и с инвестиционной символикой, туристическими брендами. Тем бо-

лее брендинг – это не только использование разработанного логотипа, но и приведение к единой концепции всего графического оформления территории, что опять является глобальной работой и далеко не самой первостепенной целью развития инвестиционного и туристического потенциала Саратовской области.

Отметим, что в нынешней ситуации с инвестиционным климатом Саратовской области оптимальной стратегией брендинга региона является доведение до инвесторов наиболее полной и точной фактической информации о положении дел. Учитывая текущие проблемные вопросы и информационный фон, создаваемый СМИ вокруг них, профильным структурам имеет смысл попытаться установить в противопоставление такую повестку, которая включала бы новостные публикации со ссылками на реальные меры государственной поддержки инвесторов, представляющие собой хоть какие-то «истории успеха», и, разумеется, их тиражирование, в особенности на областных интернет-ресурсах. Дополним, что здесь подразумевается не сокрытие сюжетов по проблемным точкам инвестиционного климата, а адекватная ответная реакция на данные вызовы и демонстрация реальных шагов на пути к решению спорных вопросов, с конкретными примерами и отзывами со стороны представителей бизнес-сообщества.

Тем более в настоящее время на областных сайтах наблюдается в основном административная информация, включающая отчеты или анонсы мероприятий и «сухие» цифры, не подкрепленные какими-либо наглядными инфографическими составляющими.

В частности, касательно дальнейшего развития Инвестиционного портала и формирования единого информационного пространства Саратовской области в сфере инвестиционной деятельности желательно начать с реализации первоначальной идеи по внедрению полной информационной базы инвестиционных проектов (реализованных, реализуемых и планируемых к реализации) и свободных инвестиционных площадок с привязкой к карте Саратовской области, а также использованием интерактивных элементов и максимально простой навигации. Как уже отмечалось, это должен быть магазин готовых площадок для проектов и личный кабинет с обратной связью.

В рамках внедрения системы информационного обеспечения управления инвестициями разумно также учитывать специфику региона и самого органа власти по работе с инвестициями, а также: отраслевую структуру производства, приоритетные направления развития экономики, наличие ресурсов, инфраструктуру обеспечения экономики и управления, демографические и миграционные особенности.

Если Инвестиционный портал Саратовской области будет соответствовать указанным характеристикам, то это позволит обеспечить:

- интерактивное онлайн общение между всеми участниками инвестиционных процессов;
- увеличение скорости обновления и распространения информации о развитии инвестиционной деятельности в Саратовской области.

Система информационного обеспечения способна создать возможности передачи и распространения данных:

- о направлениях развития инвестиционной сферы в регионе;
- о состоянии рыночной среды в целом;
- о наличии новых объектов интеллектуальной собственности;
- о работе финансовых институтов;
- о наличии инвестиционных площадок и потенциальных проектов для реализации;
- о возможных льготах для инвесторов и др.

Поскольку процессы обмена информацией между участниками инвестиционных процессов становятся решающими факторами экономического роста, развития региона и формирования его положительного имиджа, то это означает, что успех инвестиционной политики в большой степени зависит от связи между всеми субъектами инвестиционных взаимоотношений (бизнес, деловые объединения, органы власти и т. д.).

В результате формирования системы информационной поддержки в Саратовской области станут возможными полноценный обмен опытом между всеми участниками инвестиционной деятельности, детальный поиск инвесторов и площадок для инвестиционных проектов, получение новой информации о развитии того или иного отраслевого направления.

После того как подобная практика в какой-то мере станет успешной, разумно будет заниматься внедрением символических продуктов (логотипов), проведением знаковых мероприятий и т. д.

Примечания

- 1 См.: *Мамаженко Д. В.* Технологии политического управления инвестиционной привлекательностью в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2012.
- 2 См.: Об утверждении Концепции брендинга Саратовской области до 2020 года : постановление Правительства Саратовской области от 17.02.2015 № 63-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 Там же.
- 4 Туристический логотип области разработали саратовский дизайнер и смоленская фирма // ИА «Четвертая Власть» : [сайт]. URL: <http://www.4vsar.ru/news/114960.html> (дата обращения: 11.05.2019).
- 5 Виктория Бородинская о новом логотипе Саратовской области : «Это не просто огни» // ИА «Взгляд-Инфо» : [сайт]. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2019/01/31/viktoriya-borodyanskaya-o-novom-logotipe-saratovskoy->

- oblasti-eto-ne-prosto-ogni.html (дата обращения: 10.05.2019).
- ⁶ См.: У Саратовской области появился свой туристический логотип // ИА «Саратов-24» : [сайт]. URL: <https://saratov24.tv/news/u-saratovskoy-oblasti-rozavilsya-svoyu-turisticheskiy-logotip> (дата обращения: 10.05.2019).
- ⁷ См.: «Согни Поволжье» : саратовцы раскритиковали новый логотип региона // ИА «СарИнформ» : [сайт]. URL: <https://www.sarinform.ru/news/2019/01/31/209120> (дата обращения: 11.05.2019).
- ⁸ См.: Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции брендинга Саратовской области до 2020 года : распоряжение Правительства Саратовской области от 10.08.2015 № 165-Пр. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁹ См.: *Фадеева А. Ю.* Роль регионального инвестиционного портала в повышении инвестиционной привлекательности региона // Управленец. 2016. № 2 (60). С. 40–42.
- ¹⁰ См.: Правительство создало новый инвестпортал за 200 тысяч // ИА «СарБК» : [сайт]. URL: <https://news.sarbc.ru/main/2017/04/26/198563.html> (дата обращения: 10.05.2019).
- ¹¹ Информация получена в ходе экспертного интервью.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Михаил Петриченко : «Давление на бизнес в регионе выросло в несколько раз» // ИА «Взгляд-Инфо» : [сайт]. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2019/02/27/mihail-petrichenko-davlenie-na-biznes-v-regione-vyroslo-v-neskolko-raz.html> (дата обращения: 10.05.2019).
- ¹⁴ Прокурор Филипенко : Крупные инвесторы могут уйти из Саратовской области // ИА «Четвертая Власть» : [сайт]. URL: <http://www.4vsar.ru/news/111705.html> (дата обращения: 10.05.2019).
- ¹⁵ См.: *Фадеева А. Ю.* Указ. соч.

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Тимофеев Е. И. Политическая технология брендинга региона как возможность формирования его положительного имиджа и повышения инвестиционной привлекательности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 304–311. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-304-311>

Cite this article as:

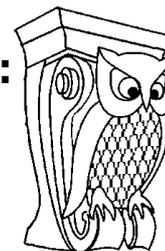
Vilkov A. A., Timofeev E. I. Political Technology of Region Branding as a Possibility of Forming Its Positive Image and Increasing Investment Attractiveness. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 304–311 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-304-311>

УДК 32.019.51

Политическая и органично интегрированная реклама: проблемы правового регулирования и направления их решения

Е. Г. Буланова, А. В. Логинов

Буланова Екатерина Геннадьевна, студентка 2-го курса направления «Юриспруденция» (уровень магистратуры), Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, bulanovakaterinka@mail.ru

Логинов Александр Валерьевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, loginov77@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы законодательного регулирования политической и органично интегрированной рекламы, а также соотношение политической рекламы с предвыборной агитацией, агитацией по вопросам референдума и социальной рекламой. Сделан вывод о том, что назрела необходимость в принятии нового закона «О политической рекламе», распространяющего принципы добросовестности и достоверности, действующие для коммерческой рекламы, на рекламу политическую, а также закрепляющего для нее иные ограничения, действующие для стандартных форм рекламы.

Ключевые слова: политическая реклама, предвыборная агитация, социальная реклама, органично интегрированная реклама.

Political and Seamlessly Integrated Advertising: Problems of Legal Regulation and Directions of Their Solution

E. G. Bulanova, A. V. Loginov

Ekaterina G. Bulanova, <https://orcid.org/0000-0002-2944-0937>, Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of justice of Russia) in Saransk, 6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russia, bulanovakaterinka@mail.ru

Alexander V. Loginov, <https://orcid.org/0000-0003-2257-9001>, Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of justice of Russia) in Saransk, 6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russia, loginov77@rambler.ru

The article deals with the problems of legislative regulation of political and organically integrated advertising, as well as the balance between political advertising, electoral campaigning, campaigning on referendum, and social advertising. It is concluded that there is a need for the adoption of a new law "On political advertising", which extends the principles of integrity and reliability used for commercial advertising for political advertising, as well as fixes other restrictions for it acting for standard forms of advertising.

Keywords: political advertising, electoral campaigning, social advertising, organically integrated advertising.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-312-319>

Политическая реклама появилась вместе с политикой, и ее история насчитывает не одну тысячу лет. В России политическая реклама обрела небывалую популярность за последние несколько десятилетий, а юридически это понятие совершенно не определено.

Стоит отметить, что термин «политическая реклама» встречается только в Федеральном законе от 13 марта 2006 г. «О рекламе» (далее – Закон о рекламе), и то в качестве отрицания распространения данного закона на политическую рекламу в различных ее проявлениях.

Прежде всего, Закон о рекламе раскрывает понятие рекламы как информации, распространяемой любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке¹.

Законодатель, установив в ст. 2 сферу применения указанного Закона, определяет, что Закон не распространяется на политическую рекламу, в том числе предвыборную агитацию и агитацию по вопросам референдума. Анализ данной правовой нормы свидетельствует, что политическая реклама сознательно выведена законодателем из сферы правового регулирования базового закона, принимая во внимание уникальность политической рекламы и различных форм политической агитации.

Исключение политической рекламы из сферы правового регулирования Закона о рекламе привело к необязательности его требований для данных правоотношений. А между тем такие требования, как добросовестность и достоверность, обязательные для каждого рекламного сообщения, совсем не помешали бы в регулировании политической рекламы.

При этом анализ данной нормы также позволяет определить, что понятие «политическая реклама» является более емким и включает в себя такие понятия, как «предвыборная агитация» и «агитация по вопросам референдума».

Данный подход, на наш взгляд, противоречит иным нормативно-правовым актам, и в первую очередь положениям избирательного законодательства, которое не приравнивает агитацию к политической рекламе.

Более того, используемый законодателем термин «политическая реклама» в действующем

российском законодательстве фактически не используется. Однако, анализируя положения ст. 2 Закона о рекламе, можно сделать вывод, что намеренное исключение политической рекламы из сферы действия рекламного законодательства предполагает ее правовое регулирование избирательным или иным законодательством². Специальный федеральный закон «О политической рекламе» в настоящее время не принят, а комплексный анализ избирательного законодательства выявляет не только отсутствие правовой регламентации политической рекламы, но и вообще отсутствие такого термина. Избирательное законодательство в своем понятийном аппарате оперирует таким термином, как «предвыборная агитация».

В свою очередь, Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ регулирует предвыборную агитацию, осуществляемую в период избирательной кампании. Такая агитация может иметь различные формы своего проявления, к которым можно отнести распространение информации об определенной политической партии или кандидате и выражение им предпочтения, а также призывы голосовать за конкретных кандидатов или партии и многое другое. Однако все эти действия в частности и предвыборная агитация в целом, распространяемые в период избирательной кампании, имеют определенную законом конкретную цель – побуждение избирателей голосовать на выборах за указанную политическую партию или кандидата.

Таким образом, складывается странная ситуация: распространение политической рекламы вне рамок избирательных кампаний и с помощью их методов законодательно не регулируется. В связи с этим нет необходимости соблюдать нормы Закона о рекламе ввиду отсутствия ответственности за его нарушение, а избирательное законодательство регулирует политическую рекламу только в период избирательной кампании.

Еще больше усложняет ситуацию понятийный аппарат, направленный на отождествление политической и социальной рекламы. Так, согласно п. 2 Протокола № 2 совещания по вопросам, связанным с возможностью размещения предвыборной агитации на рекламных конструкциях, от 6 августа 2007 г. в период до начала и в ходе избирательной кампании информация, включающая сведения о политических партиях и иных избирательных объединениях, отдельных политических деятелях, не содержащая признаков предвыборной агитации, допускается к размещению на рекламных конструкциях на условиях социальной рекламы⁴.

Таким образом, на практике имеет место попытка ФАС и ЦИК подвести новое, более не используемое понятие «политическая реклама» под существующую законодательную базу. На

наш взгляд, данную попытку нельзя признать успешной, поскольку она привела к тому, что в настоящее время фактически отсутствует грань между понятиями «социальная реклама», «политическая реклама» и «предвыборная агитация».

Сближение понятий «политическая реклама» и «социальная реклама» не только не учитывает отличительных черт политической рекламы, но и вступает в противоречие с действующим законодательством.

Нормативно закрепленное определение термина «социальная реклама» указывает на ее специфический, неотъемлемый признак – ориентацию на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей и защиту государственных интересов. Даже если допустить, что аналогичную направленность имеет и политическая реклама, тем самым попадая под определение социальной рекламы, то нельзя не учитывать специфических признаков, имеющих у социальной рекламы, которым политическая реклама в таком случае должна соответствовать. Так, согласно ч. 4 ст. 10 Закона о рекламе, в социальной рекламе не допускается упоминание о конкретных марках (моделях, артикулах) товаров, товарных знаках, знаках обслуживания и об иных средствах их индивидуализации, о физических лицах и юридических лицах. К исключениям относится упоминание об органах государственной власти, государственных органах, органах местного самоуправления, муниципальных органах, не входящих в структуру органов местного самоуправления, а также спонсорах.

Нельзя не согласиться с тем, что упоминание конкретного юридического лица – политической партии или какого-либо кандидата – в таком рекламном материале вступает в противоречие с прямым законодательным запретом на указание конкретных юридических и физических лиц в социальной рекламе.

Данную правовую неопределенность можно разрешить путем внесения поправок в Закон о рекламе в части включения политических партий и кандидатов в состав исключений из вышеуказанного правила. Этот подход требует минимального количества вносимых изменений, но не способствует комплексному решению проблемы. Более логичным видится отказ от смешения понятий политической и социальной рекламы и отдельное, комплексное регулирование данных сфер общественной жизни.

Для единообразного толкования законодательства представляется разумным вообще отказать от термина «политическая реклама». Действующая формулировка – «настоящий Федеральный закон не распространяется на политическую рекламу, в том числе предвыборную агитацию и агитацию по вопросам референдума» – порождает лишь новый, более не используемый термин «политическая реклама», не сочетающийся с нормами избирательного зако-

нодательства. Более логичным, рациональным и требующим минимального количества вносимых изменений в действующие нормативно-правовые акты видится правило о том, что данный Закон не распространяется на материалы предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума ввиду их регулирования нормами избирательного законодательства.

Вместе с тем данный поход не устранил проблему отсутствия правового регулирования политической рекламы вне рамок избирательных кампаний. Ввиду этого наиболее правильным представляется принятие нового Закона о политической рекламе, распространяющего принципы добросовестности и достоверности, действующие для коммерческой рекламы, на рекламу политическую, а также закрепляющего для нее иные ограничения, действующие для стандартных форм рекламы.

Третьим вариантом разрешения проблемы правового регулирования политической рекламы является внесение изменений в действующий Федеральный закон «О рекламе», что также требует минимального вмешательства в нормативный материал.

Определенные принципы, являющиеся основой Закона о рекламе, очевидно, не учитывают специфики политических правоотношений. Несмотря на обязательность распространения на политическую рекламу требований добросовестности и достоверности, в действующей трактовке данные положения не соответствуют существу политической рекламы. Ввиду этого необходимым представляется определить, что понимается под добросовестностью и достоверностью применительно к политической рекламе.

К недобросовестной рекламе предлагается отнести такую политическую рекламу, которая:

1) содержит некорректные сравнения рекламируемой политической партии или кандидата с иными политическими партиями, кандидатами и иными физическими и юридическими лицами, осуществляющими политическую и общественную деятельность;

2) порочит честь, достоинство или деловую репутацию лица, в том числе конкурента;

3) является актом недобросовестной конкуренции ввиду дискредитации конкурента, т. е. распространения ложных, неточных или искаженных сведений, которые вводят в заблуждение и (или) могут нанести ущерб конкуренту или его репутации;

4) нарушает требования избирательного законодательства.

Однако подавляющее большинство положений Закона о рекламе должно распространять свое действие на регулирование политической рекламы. Так, обязательными должны остаться общие ограничения, распространяющиеся на каждый рекламный материал и закрепленные в ч. 4–7 ст. 5 Закона о рекламе. Особое внимание

стоит уделить ч. 7 ст. 5 данного Закона, фактически «лидирующей» по числу лиц, из года в год привлекающихся к ответственности за нарушение данной нормы. В настоящее время, несомненно, необходимо распространить на политическую рекламу запрет, установленный законодателем в отношении коммерческой рекламы и направленный на борьбу с обманом потребителей рекламы путем искажения ее смысла и сокрытия существенных фактов об ее объекте. Запрет на введение в заблуждение потребителей рекламы на протяжении многолетнего использования доказал свою эффективность. Колоссальный опыт Федеральной антимонопольной службы позволяет достаточно оперативно и своевременно выявлять ненадлежащую рекламу, в которой скрывается существенная информация об объекте рекламирования. Полагаем, что действующие наработки в данной сфере должны применяться и к политической рекламе, что будет способствовать свободе волеизъявления и служить дополнительной гарантией избирательных прав граждан.

Кроме того, немаловажное значение в регулировании политической рекламы приобретают положения ч. 11 ст. 5 Федерального закона «О рекламе», касающиеся обязательного распространения требований действующего законодательства на производство, распространение и размещение рекламы. Так, к правоотношениям, связанным с распространением политической рекламы, должно относиться не только гражданское, но и избирательное законодательство. Также в правовом регулировании политической рекламы должны без изменения найти отражение положения статей 6, 7, 9, 12, 13 действующего Федерального закона «О рекламе».

Особенно актуально в настоящее время применение к правоотношениям, связанным с распространением политической рекламы, гл. 2 вышеуказанного Закона. Закрепление особенностей каждого способа распространения политической рекламы также будет способствовать формированию правовой определенности в данной сфере.

Некоторые исследователи отмечают, что в рамках регулирования данного вопроса требует законодательного закрепления правило о том, что в период избирательной кампании политическая реклама не должна учитываться при определении общей продолжительности рекламы на телевидении и радио либо в объемах печатной площади⁵. На наш взгляд, данное предложение не является рациональным и отвечающим требованиям действующего законодательства. Подавляющее большинство рекламных площадей под распространение политической рекламы в период избирательной кампании не предоставляется безвозмездно, а оплачивается за счет средств соответствующего избирательного фонда. Как показывает анализ рынка, рекламное ме-

сто для размещения политической рекламы стоит значительно дороже той же самой площади, предоставляемой под коммерческую рекламу. Доходы рекламодателей существенно возрастают за время предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума, именно так определяется политическая реклама в период избирательной кампании. Анализ правового регулирования предвыборной агитации в целом и принципа возмездности такой рекламы в частности в совокупности с исследованием рекламного рынка в предвыборное время свидетельствуют о недопустимости закрепления в рекламном законодательстве положения, позволяющего распространять политическую рекламу за пределами допустимого общего объема рекламы. Появление в действующем законодательстве такого правила может повлечь злоупотребления со стороны рекламодателей.

Главу 3 Закона о рекламе, регулиющую особенности распространения специфических объектов рекламирования, предлагается дополнить отдельной статьей, определяющей особенности политической рекламы. Указанная статья может включить в себя предложения по совершенствованию законодательства, изложенные в настоящей работе, а также иные положения, которые еще предстоит выработать для комплексного регулирования данной сферы общественных отношений.

На наш взгляд, на политическую рекламу также должны распространяться положения гл. 4 и 5 Закона о рекламе, с оговоркой, определяющей орган, которому будут переданы функции по государственному контролю за распространением политической рекламы во время избирательной кампании. Таким органом, безусловно, должен стать ЦИК РФ, что в полной мере корреспондирует законодательству о выборах.

Сформировавшаяся в настоящее время правовая неопределенность, связанная с отсутствием правового регулирования политической рекламы вне рамок избирательных кампаний, является очевидным пробелом, требующим устранения.

Пути решения обозначенной проблемы, изложенные в настоящей статье, могут помочь в осуществлении правовой регламентации политической рекламы за пределами избирательных кампаний. Предлагаемые изменения позволят закрепить право граждан на получение доказательств достоверности политической рекламы, возложив при этом на политическую партию или кандидата бремя доказывания достоверности размещенной информации. Принципы добросовестности и достоверности политической рекламы, разработанные в данной работе для политической рекламы, позволят не только отказаться от огромного количества запретов в отношении критики оппонентов, но и очистить эфир от непроверенных сведений. В свою очередь, кон-

структивная критика дает возможность избирателю сделать осознанный выбор, основанный на достоверной информации о кандидате, целях и результатах его деятельности.

Нельзя не согласиться с тем, что качество рекламной среды является показателем уровня общественных отношений. В настоящее время реклама выступает показателем уровня воспитания и развития населения, а также в полной мере отражает степень зрелости гражданского общества и его нравственных норм.

Реклама окружает нас на каждом шагу, поэтому в стандартных своих формах зачастую не собирает желаемого охвата аудитории. Низкая вовлеченность людей в типовые виды рекламы и объясняет большую популярность нового направления рекламной индустрии, получившего название *product placement*, или упоминание о продукте, органично интегрированное в произведения науки, литературы или искусства.

Одним из самых значимых зарубежных доктринальных источников, посвященных *product placement*, на наш взгляд, является монография С. Туркотта «*Gimmy a Bad! The Feature Film Product Placement Industry*» («Кружку Буд, пожалуйста! Индустрия продакт плейсмент в художественном кино»)». Особый интерес указанное исследование вызывает, прежде всего, ввиду того, что строится оно в основном на интервью «акул» зарубежного *product placement*. Даже в настоящее время сложно найти работу, в которой бы автор более развернуто и обстоятельно подошел к описанию процесса распространения *product placement*, деятельности каждого его участника, результата такой рекламы и ее преимуществ как для рекламодателя, так и для рекламодателя. Также достаточно основательно *product placement* с точки зрения продвижения товара раскрывает работа американского исследователя Мэри-Лу Галисиан «*Product Placement в средствах массовой информации*». А в материалах Европейской аудиовизуальной обсерватории в Страсбурге от 2010 г. можно найти подробное исследование действующих зарубежных правовых норм в области *product placement*. Изложенное в данной работе исследование зарубежного правового регулирования *product placement* нельзя признать всесторонним без изучения механизма функционирования *product placement*, подробно описанного в обзоре Европейской Ассоциации продавцов рекламных возможностей на телевидении и радио за 2011 г.

Использование сравнительно-правовой методологии при сопоставлении зарубежного и российского правового регулирования *product placement* позволяет выявить существенные отличия. Большинство зарубежных правовых источников исходят из тождества спонсорской рекламы и *product placement*, некоторые страны относят его к специфическим рекламным формам. А действующее российское законодатель-

ство исходит из того, что product placement рекламой вообще не является.

Так, Закон о рекламе в п. 9 ч. 2 ст. 2 определяет, что органично интегрированное упоминание в художественных произведениях о товаре (бренде) не входит в сферу действия данного Закона. Как следствие этого, на product placement требования Закона о рекламе не распространяются.

Однако необходимо отметить, что такое упоминание о товаре, средствах его индивидуализации, его изготовителе или продавце должно одновременно отвечать сразу нескольким признакам.

В первую очередь, произведение, включающее в себя product placement, должно относиться к произведениям науки, литературы или искусства. При этом главным условием является наличие в нем сюжета, в который и будет «вплетаться» тот или иной бренд. Именно наличие сюжетной линии, в которой органично упоминается товар, отличает product placement от рекламы.

Стоит обратить внимание на второй немаловажный признак – упоминание о товаре (бренде) должно быть органично интегрировано в произведения науки, литературы или искусства, и такая информация сама по себе не должна относиться к сведениям рекламного характера.

Установление законодателем исключения таких товаров из «рекламных» правил привело к необходимости использования оценочного понятия «органичная интеграция». С одной стороны, упоминание товара в фильме вполне обыденно, да и весьма проблематично создать произведение, в котором совсем не будет торговых марок, ведь герои картин гуляют по улицам, пользуются всевозможными приборами – нельзя же их всех обезличить! А с другой стороны, показ определенных марок и брендов в произведениях искусства дает им преимущество перед конкурентами, повышает их узнаваемость. Использование такого оценочного понятия, как «органичная интеграция», не могло не породить множества споров относительно того, как должен выглядеть product placement, чтобы подходить под это определение, а значит, выводиться из сферы действия рекламного законодательства.

Определить границы распространения product placement, тем самым способствуя формированию правовой определенности, постаралась Федеральная антимонопольная служба России в своем письме от 25.05.2011 № АК/20129 «О признании рекламы неорганично интегрированной в теле-, радиопередачу», согласно которому, «по мнению специалистов ФАС, органично интегрированной в то или иное произведение можно признать информацию о товаре или лице, которая является составной частью общего сюжета произведения (отдельной его части) и выступает в качестве дополнительной характеристики героя или созданной ситуации. При этом такие товар или организация не представлены в виде,

когда внимание концентрируется именно на них, на их достоинствах и иных характеристиках, они не подменяют главных персонажей в произведении (отдельной его части), не нарушают сюжета и не могут быть изъяты из него без ущерба для целостного восприятия произведения.

Так, по мнению специалистов ФАС России, могут быть признаны органично интегрированными в видеопроизведение изображения товаров, которые приобретают или используют герои произведения в сюжетом обоснованной ситуации (например, потребление пива в баре, ресторане, без акцентирования внимания зрителей на наименовании товара, когда демонстрация товара, утвари, обстановки в баре является естественным фоном сценического действия).

В случае если информация о товаре или лице не воспринимается как составная часть общего сюжета произведения (отдельной его части), выходит за рамки общего содержания теле-, радиопередачи или теле-, радиопрограммы, при этом такие товар или лицо представлены в виде, когда внимание концентрируется именно на них, на их достоинствах и иных характеристиках, то такая информация может признаваться неорганично интегрированной в указанное произведение»¹⁰.

Указанное письмо ФАС России позволило разграничить product placement на органично интегрированный и, соответственно, не попадающий под сферу влияния Закона о рекламе, и неорганично интегрированный. Главным критерием такого разграничения стало восприятие product placement как составной части общего сюжета произведения. И если с уместным упоминанием товара ситуация прояснилась, то правовой статус неорганично интегрированной рекламы так и остался неопределенным. Ни законодатель, ни контролирующий орган так и не ответили на главный вопрос: в случае, если на товар специально обращается внимание зрителя, это реклама или уже нет?

Для осуществления правовой регламентации product placement следует определить ряд его специфических аспектов.

В первую очередь, необходимо проанализировать действующее законодательство и правоприменительную практику для ответа на вопрос: относится ли product placement к скрытой и, следовательно, ненадлежащей рекламе?

Согласно ч. 9 ст. 5 Закона о рекламе, не допускается использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции или в другой продукции распространения скрытой рекламы, т. е. рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, в том числе такое воздействие путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами. В настоящее время административная практика исходит из того, что product placement не следует считать скрытой рекламой.

Вместе с тем в правоприменительной практике зачастую понятие «скрытая реклама» отождествляется с термином *product placement*. Так, ФАС Московского округа в своем постановлении отметил, что для того чтобы определить, что предметом договора является оказание услуг скрытой рекламы, необходимо разрешить вопрос об органичности либо неорганичности интегрирования в художественный фильм информации о комбинате и использования его продукции¹¹.

На наш взгляд, признание неорганично интегрированного упоминания о товаре скрытой рекламой является недопустимым, поскольку согласно законодательному запрету распространение скрытой рекламы не допускается, а размещение «неорганично интегрированного» упоминания о бренде само по себе не запрещено, однако должно соответствовать положениям Закона о рекламе, поскольку такая информация признается рекламой.

В первую очередь, неорганично интегрированный *product placement* не должен выходить за рамки общего объема рекламы, размещаемой в данном издании или телеканале. Например, ст. 14 Закона о рекламе ограничивает количество рекламы в эфире двенадцатью минутами в час, а ст. 16 устанавливает, что объем рекламы не должен превышать 45% объема номера периодического печатного издания, не специализирующегося на сообщениях и материалах рекламного характера. Кроме того, такая реклама должна соответствовать общим и специальным требованиям закона – быть добросовестной и достоверной. А в случае, если на рекламу данного товара распространяются специальные требования, предъявляемые к отдельным группам товаров, то неорганично интегрированный *product placement* должен соответствовать таким требованиям. Так, к примеру, реклама алкогольной продукции не допускается в эфире телеканалов, а реклама лекарственных средств должна сопровождаться соответствующим предупреждением о необходимости консультации специалиста и наличии противопоказаний.

К такому выводу со временем пришли и правоприменители, указав в своем решении, что *product placement* в телеэфире – обычная реклама и ее продолжительность должна учитываться в разрешенных Законом 9 мин. в час¹². Это первое дело антимонопольных органов в отношении *product placement* на российском телевидении и определило дальнейшие направления его развития. Также указанное дело послужило поводом для упорядочения политики некоторых телевизионных каналов по отношению к *product placement*.

Комплексный анализ норм действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что *product placement* не тождественен скрытой рекламе. А в случае если в теле-, радиопередаче, газете, жур-

нале или ином произведении распространяются материалы с упоминанием объекта рекламирования, то такая информация должна оцениваться на предмет ее органичного интегрирования в данную теле-, радиопередачу или теле-, радио-программу¹³.

Следует отметить, что в правовом регулировании *product placement* законодателем применена весьма спорная оценочная категория – «органичная интеграция». В данном случае рекламой будет являться слишком навязчивое упоминание какого-либо продукта, при этом изъятие его из контекста не повлияет на художественную ценность произведения. Кроме того, к рекламе можно отнести явное акцентирование потребителя на продукте, которое может выражаться в виде крупного кадра этикетки товара¹⁴.

Рассматривая проблемы правового регулирования *product placement*, нельзя не упомянуть о существующих трудностях оформления данных отношений. Поскольку ценность *product placement* заключается именно в том, что рекламой он не является, то и заключить договор об оказании рекламных услуг в сложившейся ситуации не представляется возможным. Но, несмотря на данную проблему, ни рекламодатели, ни рекламораспространители не спешат отказываться от такой рекламы, ведь одним она позволяет эффективно продвигать товар на рынке, формируя его бренд, а другим может обеспечить окупаемость проекта еще на стадии его производства. На практике зачастую *product placement* оформляется под видом спонсорской рекламы. Стоит отметить, что ввиду отсутствия легального определения такого понятия, как *product placement*, сложно проследить четкую границу, отделяющую его от спонсорства. Данная причина также способствует закреплению отношений по размещению органично интегрированных упоминаний о товаре или бренде на условиях спонсорской рекламы.

Однако, по нашему мнению, оформляя данные правоотношения как спонсорскую рекламу, их участники делают это без анализа п. 9 и 10 ст. 3 Закона о рекламе, согласно которым спонсорская реклама – это реклама, распространяемая на условии обязательного упоминания в ней об определенном лице как о спонсоре, а спонсор – лицо, предоставившее средства либо обеспечившее предоставление средств для организации и (или) проведения спортивного, культурного или любого иного мероприятия, создания и (или) трансляции теле- или радиопередачи либо создания и (или) использования иного результата творческой деятельности¹⁵.

В этой связи заслуживает внимания позиция А. А. Ивановой, которая в своей работе отмечает, что *product placement* не должен ни при каких обстоятельствах подменяться понятием «спонсорство», так как «последнему имманентно присуща самоидентификация перед аудиторией, что

в принципе отсутствует при внедрении product placement»¹⁶.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что в последнее время все чаще в правоприменительной практике происходит отождествление скрытой рекламы и органично интегрированного упоминания о товаре в художественном произведении (product placement). Подобное отождествление является недопустимым ввиду существенных различий правовой природы данных понятий. Причиной их смешения, прежде всего, является применяемая законодателем весьма спорная оценочная категория – «органично интегрированы». С целью единообразного и наиболее точного толкования действующего законодательства представляется необходимым определить, что относится к «органично интегрированной» рекламе. Кроме того, законодательного регулирования требует реклама, выходящая за пределы органичного упоминания товара в произведениях науки, литературы или искусства, т. е. такое слишком навязчивое упоминание продукта, изъятие которого из контекста не повлияет на художественную ценность произведения. Необходимым представляется также законодательное закрепление существующего в административной практике правила, согласно которому на рекламу, признанную «неорганично интегрированной» в произведение, будут распространяться положения Закона о рекламе, а также правило о том, что такая реклама не должна признаваться скрытой рекламой. Кроме того, несмотря на обширную практику применения product placement, до настоящего времени не решен вопрос о юридической природе договора о размещении органично интегрированного упоминания о товаре в соответствующем произведении. Некоторые исследователи подменяют его договором на распространение спонсорской рекламы, а судебная практика придерживается позиции, согласно которой заключение договора на product placement является доказательством того, что это обычная реклама, а не органично интегрированное упоминание о бренде в художественном произведении. На наш взгляд, по своей юридической природе данный договор является договором возмездного оказания услуг. Кроме того, законодательного закрепления требует правило о недопустимости отнесения соответствующего всем признакам упоминания о товаре к рекламе только на том основании, что между рекламодателем и рекламораспространителем имеется договор на такое размещение, поскольку данная позиция противоречит существу такого явления, как product placement.

Нельзя не согласиться с тем, что реклама – это не только важнейший способ продвижения на рынке товаров, работ и услуг, но и неременный атрибут функционирования и развития общественных отношений. В данной работе на основе сравнительно-правовой методологии, комплекс-

ного анализа действующего законодательства и судебной практики, а также научной зарубежной и российской литературы предпринята попытка показать проблемы правового регулирования отдельных вопросов рекламных отношений и пути их решения. Так, нами рассмотрены существующие проблемы законодательного регулирования политической рекламы и рекламы, органично интегрированной в художественные произведения. Использование методов юридического познания позволило разработать описанные в исследовании конкретные меры, направленные на совершенствование правового регулирования данных аспектов рекламных правоотношений.

В заключение хотелось бы отметить: нельзя признать, что многолетний процесс реформирования законодательства о рекламе потерпел поражение только на том основании, что его результатом не стало устранение всех существующих пробелов. Нормотворческая практика не знает примеров создания безупречного нормативно-правового акта, в полном объеме регулирующего определенную сферу общественных отношений и подходящего представителям всех слоев общества. Однако данный факт не должен способствовать отстранению ученых от процесса совершенствования законодательства и поиска путей решения проблем, обозначенных в данном исследовании, поскольку это является одной из ведущих задач науки.

Следует также констатировать, что разумное сочетание законодательных требований добросовестности и достоверности, обязательных для любого коммерческого рекламного сообщения, способствовало бы дальнейшему совершенствованию правовых механизмов, и политической рекламы в частности.

На наш взгляд, наряду с социальной рекламой в ст. 3 Федерального закона «О рекламе» необходимо дать определение политической рекламы, тем самым включив ее в сферу правового регулирования данного Закона. Разумеется, такие нововведения потребуют исключения из Закона о рекламе требований пп. 1 п. 2 ст. 2, а к направлениям законодательства о рекламе добавится новая цель – обеспечение политической конкуренции.

На основе вышеизложенного можно предложить следующее определение понятия «политическая реклама» – «информация в любой форме, распространенная с помощью любых средств и способов, направленная на привлечение внимания неопределенного круга лиц к политическим партиям и кандидатам, формирование или поддержание интереса к ним».

Примечания

¹ См.: О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232.

- ² См.: Тогузаева Е. Н. Пропаганда, агитация и политическая реклама : проблемы и противоречия правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 27–43.
- ³ См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.
- ⁴ См.: Протокол № 2 совещания по вопросам, связанным с возможностью размещения предвыборной агитации на рекламных конструкциях, от 06.08.2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁵ См.: Чистополов В. В. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации и пути их решения // Рос. юрид. журнал. 2010. № 3. С. 67–73.
- ⁶ См.: Turcotte S. Gimme A Bud! The Feature Film Product placement industry. The University of Texas at Austin, 1995.
- ⁷ См.: Галисиан М.-Л. Product Placement в средствах массовой информации. М. : Эт Сетера Пабблишинг, 2004. С. 21.
- ⁸ См.: Product placement / ed. S. Nikotchev. Strasbourg : Europ. Audivisual observatory, cop., 2010.
- ⁹ См.: Egta review on Product placement & Sponsorship // Egta – association of television and radio sales houses. 2011. URL: <http://www.egta.com> (дата обращения: 31.05.2019).
- ¹⁰ О признании рекламы неорганично интегрированной в теле-, радиопередачу : письмо ФАС России от 25.05.2011 № АК/20129. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹¹ См.: Постановление ФАС Московского округа от 24.02.2011 № КГ-А40/281–11-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹² См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 12.11.2010 № А65-7742/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹³ См.: Куликова Е. Г. Правовые особенности соотношения «органично интегрированной» и «скрытой» рекламы в процессе правоприменения // Юность. Наука. Культура. 2017. № 1. С. 230.
- ¹⁴ См.: Куликов А. Правовое регулирование использования product placement в России // Конкуренция и право. 2016. № 3. С. 52.
- ¹⁵ См.: О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ.
- ¹⁶ Иванова А. А. Правовые особенности применения product placement на территории РФ // Медиаскоп : электрон. науч. журн. 2011. № 2. URL: <http://mediascope.ru/node/831> (дата обращения: 20.05.2019).

Образец для цитирования:

Буланова Е. Г., Логинов А. В. Политическая и органично интегрированная реклама: проблемы правового регулирования и направления их решения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 312–319. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-312-319>

Cite this article as:

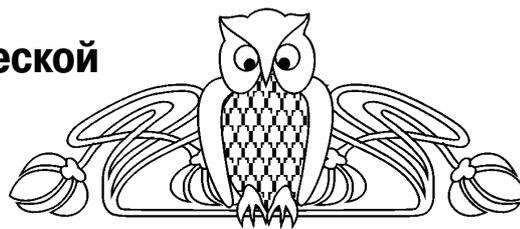
Bulanova E. G., Loginov A. V. Political and Seamlessly Integrated Advertising: Problems of Legal Regulation and Directions of Their Solution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 312–319 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-312-319>

УДК 323.2

Общественный контроль в политической системе российского региона: проблемы и перспективы развития

Е. В. Бердникова

Бердникова Елена Валерьевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, berev79@yandex.ru

В статье анализируются современное состояние и перспективы политической институционализации общественного контроля в субъектах Российской Федерации. Автор выделяет ключевые направления и проблемные аспекты участия общественных институтов в формировании политического пространства региона, дается оценка тенденций развития политико-правового механизма взаимодействия гражданского общества и власти, формулируются предложения, направленные на повышение эффективности деятельности субъектов общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль, гражданское общество, общественная палата, демократия, транспарентность власти.

The Public Control at the Political System of the Russian Region: Problems and Prospects of Development

E. V. Berdnikova

Elena V. Berdnikova, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, berev79@yandex.ru

The article analyzes the current state and prospects of political institutionalization of public control in the regions of the Russian Federation. The author highlights key areas and problematic aspects of the participation of public institutions in shaping the political space of the region, assesses trends in the development of the political and legal mechanism of interaction between civil society and government in the constituent entities of the Russian Federation, and formulates proposals aimed at increasing the effectiveness of public control subjects.

Keywords: public control, civil society, public chamber, democracy, transparency of power.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-320-324>

Политическая жизнь Российского государства на всем протяжении его многовековой истории характеризовалась противостоянием государственного и общественного элементов в системе публичного управления: верховная власть стремилась к авторитаризации государства, стараясь всеми средствами исключить возможность реализации народного суверенитета, но вместе с тем окончательно подавить волю народа ей не

удавалось, и граждане, которые были всецело заинтересованы в участии в управлении делами государства, периодически заявляли о своем желании на представительство.

Можно с полной уверенностью заключить, что общественный контроль является самобытным, не имеющим в пределах международного сообщества аналогов, продуктом исторического и национально-культурного развития России, которая сформировала особый подход к доктринальному пониманию и институциональному конституированию гражданского участия в государственном управлении. Концепция общественного контроля, приобретая не только научное обоснование, но и юридическое воплощение с переходом к политической системе советского типа, долгие годы использовалась в качестве идеологической ширмы, прикрывающей негативное содержание тоталитарного строя, и, соответственно, не имела фактического выражения.

Переход к демократическим основам конституционного строя и, как следствие, появление и развитие полноценного гражданского общества ознаменовали необходимость пересмотра старых и внедрения новых принципов и форм взаимодействия власти и граждан¹. В том числе произошла кардинальная переоценка социальной роли общественного контроля, который стал рассматриваться как важный элемент, направленный на совершенствование государственного управления, способный обеспечить открытость и гласность деятельности органов власти, бороться с коррупционными практиками и обеспечивать защиту прав и свобод человека.

Демократия участия предоставляет гражданам широкие возможности реализации принципа народного суверенитета, включая контрольный механизм, реализуемый в отношении органов публичной власти. Теоретическое осмысление сущности общественного контроля и его институциональное воплощение в политической системе Российской Федерации детерминируют обращение исследовательского внимания на весьма острые социально-политические проблемы, связанные с обеспечением открытости и независимости контрольных мероприятий, а также повышением уровня доверия граждан как к органам власти, так и к самим организационным структурам общественного

контроля. В данном контексте представляется важным проанализировать институциональный механизм взаимодействия гражданского общества и власти в регионе, одновременно определив основные тенденции развития общественного контроля в субъектах РФ и спрогнозировав перспективы его дальнейшей политической институционализации.

Актуальность региональной проекции исследования общественного контроля обусловлена тем, что, несмотря на поступательную интенсификацию централизации государственной власти, субъекты РФ были и остаются в числе политических акторов, играющих важную роль в системе государственного управления. Следует также отметить, что общественный контроль институционализировался как в политическом, так и правовом пространстве не только на уровне Федерации, но и в регионах. Причем в ряде субъектов РФ общественные палаты и иные институциональные акторы гражданского общества возникли задолго до формирования Общественной палаты РФ, а в Пермском крае законодательство об общественном контроле было принято еще до утверждения Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Вместе с тем региональное политическое развитие институтов демократии, составляющих контрольный механизм общества за деятельностью органов власти, имеет во многом те же проблемы, которые присущи федеральному уровню. Все они в большинстве своем связаны с низкими показателями доверия граждан к ведущим субъектам общественного контроля, которые по своей политико-правовой природе обусловлены аутентичной спецификой формирования и функционирования гражданского общества в России и откровенно выраженными недостатками правового регулирования указанной сферы отношений.

Доминирующая роль государства в процессах институционализации общественного контроля предопределила крайне усеченный законодательный перечень акторов, участвующих в его осуществлении. К ним относятся, в первую очередь, общественные палаты и общественные советы, создаваемые на всех уровнях публичной власти, общественные наблюдательные комиссии, а также общественные инспекции и группы общественного контроля. Исключением из данного состава граждан и общественных объединений напрямую ограничило их возможность инициировать и реализовывать мероприятия, определяемые как формы общественного контроля (общественный мониторинг, общественные слушания, общественные обсуждения и т. д.). Данная правовая конфигурация обусловила такую модель общественного контрольного механизма, при которой его осуществление обеспечивается институтами

гражданского общества, сформированными при непосредственном либо косвенном участии органов власти. Это обстоятельство, с одной стороны, определяет специфику существующей системы демократии в России, которая, в отличие от политических практик и традиций демократического устройства стран Запада, основанных на самоорганизации гражданского общества и концепции гражданского участия (термин «общественный контроль» в традиционных демократиях практически не используется), испытывает определенную зависимость от государственной политики. Подтверждением тому являются, во-первых, сами факты инициирования Президентом РФ создания Общественной палаты Российской Федерации и принятия закона об общественном контроле, а во-вторых, внутренние и внешние политические условия в стране, при которых данные инициативы реализовывались. С другой стороны, налицо явное различие содержания концептов «гражданское участие» и «общественный контроль», так как последний термин, являющийся так называемым брендом российской демократии, созданным еще в советский период обоснования и развития доктрины народовластия, организационно и институционально включает в свою структуру элемент государственного участия в управлении обществом.

Ограничение вовлеченности граждан и их различных объединений в управление делами государства, в том числе в процедуры осуществления контрольных мероприятий в отношении власти, на практике значительно снижает эффективность процессов, связанных с наблюдением и оценкой государственного управления со стороны общественности.

Таким образом, вектор проблематики институционализации общественного контроля и его значения в политической системе российского региона заложен в самой основе его политико-правового обоснования.

Обращаясь к анализу тенденций и проблем региональной системы общественного контроля, следует отметить, что ее главным действующим актором была и остается общественная палата. На сегодняшний день в научной литературе существуют различные оценки политико-правовой природы данного института, которые в большинстве своем положительно определяют его роль и значение в структуре гражданского общества. Например, как отмечает профессор В. В. Гриб, именно создание Общественной палаты РФ дало начало процессу институализации системы общественного контроля в России². Опыт создания общественных органов народного представительства в данной институциональной форме был заимствован субъектами РФ, которые сформировали свои общественные палаты, а также органами местного самоуправления, которые в отдельных му-

ниципальных образованиях создали свои общественные палаты.

По мнению профессора Г. Н. Чеботарева, общественные палаты субъектов РФ могут и должны стать главным звеном системы общественного контроля, способствующим координации деятельности субъектов общественного контроля в регионах для защиты прав, свобод и законных интересов граждан и повышения качества государственного управления³. По его мнению, в субъекте Российской Федерации ядром модели общественного контроля может и должна стать общественная палата, так как эффективное взаимодействие всех участников общественного контроля, выполняющих общие задачи, возможно только посредством координации их действий, что, в свою очередь, достигается посредством разработки механизма осуществления общественного контроля, этических правил такой деятельности, проведением совместных публичных мероприятий.

По своей политико-правовой природе общественная палата призвана выполнять очень важную социальную миссию – объединение активных граждан и негосударственных неправительственных организаций в целях развития институтов гражданского общества, защиты прав и свобод граждан, содействия органам власти в решении социальных проблем и предотвращении социальных конфликтов, повышения качества жизни населения как России в целом, так и ее отдельных регионов. Ее значимость в системе гражданского общества определяется тем, что посредством использования разнообразных законодательно закрепленных форм и методов деятельности она способна обеспечить социально-политическую стабильность в обществе, устойчивость развития конституционного строя. Это обеспечивается непрерывным контролем данного органа за соблюдением принципа законности в структуре публичного управления, участием в формировании устойчивого неприятия коррупционного поведения, минимизацией рисков такого поведения со стороны власти и самих граждан, усилением эффективности деятельности органов власти.

Таким образом, общественная палата как институт гражданского общества представляет собой своеобразную диалоговую модель взаимодействия государственных органов и неправительственных ассоциаций, граждан, место для открытых дискуссий, результатом которых выступают совместно выработанные согласованные решения. Она аккумулирует и агрегирует общественные интересы и потребности, стимулирует и координирует общественные инициативы и деятельность иных институтов гражданского общества.

Особое место общественной палаты в системе субъектов общественного контроля в первую

очередь определяется ее организационно-функциональными характеристиками и направлениями деятельности, а именно:

- участие в формировании иных субъектов общественного контроля (общественные советы, общественные наблюдательные комиссии и т. д.);

- широкий спектр общественных отношений, находящихся в сфере деятельности и под контролем общественных палат;

- осуществление мониторинга и оценки деятельности иных субъектов общественного контроля (например, оценка эффективности деятельности общественных советов при исполнительных органах государственной власти субъектов РФ);

- координирующая роль в системе субъектов общественного контроля (например, создание специальных координационных советов общественных палат (советов) муниципальных образований).

При всех внешних положительных характеристиках функциональной роли общественных палат в политической системе российского региона она следует все же сосредоточиться на базовых проблемах, связанных с эффективностью деятельности данного института.

До недавнего времени основной проблемой являлось то, что субъекты РФ демонстрировали дифференцированный подход к правовому закреплению порядка формирования и функционирования общественных палат субъектов РФ. Вопрос был решен в 2016 г. с принятием Федерального закона от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁴, посредством которого были унифицированы общие принципы организации и деятельности данных органов в целях обеспечения единства правового пространства Российской Федерации и равенства возможностей указанных иных институтов.

Однако унификация правового регулирования отнюдь не решила проблем участия общественной палаты в политических процессах региона. Информационное пространство как субъектов РФ, так и федерального уровня насыщено фактами скандалов и конфликтов, участниками которых выступают как региональная общественная палата, так и отдельные ее члены. В числе основных политических проблем функционирования данного института следует выделить три: независимость формирования и деятельности, лоббизм, бюрократизация.

В первую очередь, представляется очевидной проблемой обеспечение независимости формирования и деятельности общественной палаты региона. Существующий порядок создания данного института, предполагающий делегирование кандидатов исполнительными и законодательными органами субъекта

Федерации, создает негативные условия для включения в состав палаты ее членов на основе принципа лояльности власти, что впоследствии нивелирует эффективность контрольных мероприятий в отношении органов, которые назначили «своих» контролеров. Этот же вопрос возникает и в части деятельности аппарата общественной палаты, так как законодатель закрепил два варианта его организации: наделение правами государственного учреждения субъекта РФ, которое приобретает некоторую автономию в организационном и финансовом аспектах, либо подразделения государственного учреждения субъекта РФ, когда аппарат палаты является подразделением иного государственного учреждения и его руководитель находится фактически в подчинении руководителя государственного учреждения, а потому любой вопрос, связанный с финансовым, материально-техническим обеспечением деятельности общественной палаты, руководитель аппарата должен будет решать с руководителем государственного учреждения, в составе которого он будет находиться⁵.

Вопрос лоббирования в структуре общественной палаты на сегодняшний день также актуален. Сам по себе лоббизм, когда речь заходит о его цивилизованной форме, в деятельности общественной палаты представляется явлением абсолютно естественным, так как данный орган как раз и создается в том числе для отстаивания и продвижения интересов объединений граждан. Активное участие общественной палаты в законотворческом процессе, подготовке и обсуждении программ социально-экономического развития региона, организация процедуры «нулевых слушаний» законопроектов и иные реализуемые полномочия позволяют ей достаточно тесно взаимодействовать с органами власти и влиять на принятие политических решений. С другой стороны, такое плотное взаимодействие с акторами политического управления может создавать предпосылки для злоупотреблений полномочиями члена данного органа для лоббирования не общественных, а частных интересов. В данном контексте представляется необходимым осуществлять более тщательный отбор состава общественной палаты, в первую очередь на основе жестких репутационных требований и широкого общественного признания ее будущих членов.

И последний проблемный аспект связан с опасностью бюрократизации общественной палаты, ее сращивания с органами власти и утраты общественного компонента в основе ее организации и функционирования. Выше уже отмечалась координирующая роль общественной палаты в системе институтов гражданского общества в регионе, которая наряду с положительным эффектом может сформировать

негативную тенденцию к созданию единого, а точнее, единственного центра, участвующего в управлении делами государства и осуществляющего общественный контроль, что является противоестественным в условиях демократии, предполагающей полицентричность общественных институтов. В данных условиях представляется крайне важным не допустить формирования феномена общественной бюрократии, предполагающей системную замкнутость и монополизацию полномочий по осуществлению взаимодействия с органами власти, политическому участию и общественному контролю в структуре одного органа.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что институт общественного контроля очень важен для развития любого демократического государства и его регионов, так как в структуре конституционного механизма народовластия он позволяет расширить пределы гражданского участия в процессе принятия управленческих решений, обеспечивает более детальный учет потребностей и интересов граждан и их объединений. В условиях отсутствия полноценного гражданского контрольного механизма ставится под большое сомнение легитимность и авторитет государственной власти, что, в свою очередь, чревато дестабилизацией всей политической системы. В данном контексте речь должна идти о необходимости поиска новых, партнерских форм взаимодействия власти и общества, которые позволят повысить качество принимаемых политических решений, усилят ответственность органов публичного управления и их должностных лиц.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Автономной некоммерческой организации «Экспертный институт социальных исследований» (проект № 19-011-31018 «Тенденции и перспективы политической институционализации общественного контроля в субъектах Российской Федерации»).

Примечания

- ¹ См.: Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- ² См.: Гриб В. В. Общественная палата Российской Федерации как орган общественного контроля // Юридический мир. 2010. № 3 (159). С. 32–39.
- ³ См.: Чеботарев Г. Н. Общественная палата в системе общественного контроля субъекта Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 130.
- ⁴ См.: Об общих принципах организации и деятельности

общественных палат субъектов Российской Федерации : федер. закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. 1), ст. 3852.

⁵ См.: Малый А. Ф., Малая Т. Н. Общественная палата субъекта Российской Федерации : некоторые проблемы определения правового статуса // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 39.

Образец для цитирования:

Бердникова Е. В. Общественный контроль в политической системе российского региона: проблемы и перспективы развития // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 320–324. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-320-324>

Cite this article as:

Berdnikova E. V. The Public Control at the Political System of the Russian Region: Problems and Prospects of Development. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 320–324 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-320-324>

УДК 324

Особенности функционирования электоральной арены политического участия в современном российском обществе

А. А. Лаврикова

Лаврикова Анастасия Александровна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, elav@mail.ru

Конфигурация электоральной арены политического участия свидетельствует о наличии существенных проблем в ее функционировании, к числу которых можно отнести следующие. Во-первых, в российском обществе произошла типизация только одной электоральной практики – голосования, в то время как другие политические действия, важные для развития данной арены, освоены ограниченным кругом лиц. Во-вторых, наблюдается амбивалентность представлений граждан о функциональности выборов, что негативно сказывается на базовом доверии к данному институту. В-третьих, степень доверия общественно-политическим институтам, деятельность которых определенным образом связана с производством/тиражированием электоральных политических практик, остается низкой (за исключением института президента), во многом зависит от их символического значения, что проявляется в усилении признаков ритуализации выборов. На преодоление некоторых из указанных проблем направлены принимаемые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях меры по оптимизации процесса проведения выборов, в том числе связанные с активизацией деятельности структур гражданского общества по обеспечению контроля в рамках электорального процесса, что способствует вовлечению представителей локальных сообществ в электоральное пространство в новой для себя роли наблюдателей, повышению их политической компетентности, росту доверия к институту выборов в целом.

Ключевые слова: институт выборов, политическое участие, электоральная арена политического участия, политические практики.

Features of the Functioning of the Electoral Area of Political Participation in the Modern Russian Society

A. A. Lavrikova

Anastasia A. Lavrikova, <https://orcid.org/000-0002-0166-7840>, Tula State University, 92 Lenin Ave., Tula 300012, Russia, elav@mail.ru

The configuration of the electoral arena of political participation indicates the presence of significant problems in its functioning, among which are the following. Firstly, in Russian society, there was a classification of only one electoral practice – voting, while only a limited number of people mastered other political actions important for the development of this arena. Secondly, there is an ambivalence of ideas about the functionality of elections, which negatively affects the basic trust in this institution. Thirdly, the degree of trust to social and political institutions whose activities are in a certain way connected with the production/replication of electoral political practices remains low (with the exception of the institute of presidency), largely depends on their symbolic value, which is manifested in strengthening the

signs of ritualization of elections. Actions taken at the federal, regional, and municipal levels to solve some of these problems are aimed at streamlining the electoral process, including those related to activating civil society control over the electoral process. In its turn, it contributes to the involvement of representatives of local communities in the electoral space in the new role of observers, increasing their political competence and trust in the institution of elections as a whole. **Keywords:** institution of elections, political participation, electoral arena of political participation, political practices.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-325-329>

В процессе усложнения политических систем происходит дифференциация политических практик и обособление их в отдельные области, в рамках которых реализуются основные взаимодействия (кооперация/конкуренция) субъектов политического участия. Каждая из возникающих таким образом арен политического участия представляет собой сравнительно независимый и целостный ансамбль отношений, который функционирует по соответствующим ей правилам и нормам, но способен в определенных ситуациях пересекаться с другими аренами. Его отличают: относительная замкнутость и автономность, наличие специфических политических практик участия, отличных от практик других арен; борьба за внутреннее структурирование арены через определение позиций акторов; способность преломлять все внешние воздействия в соответствии со своеобразием арены. Неравномерное распределение ресурсов в рамках каждой из арен политического участия обуславливает различия в позициях, которые занимают акторы в данной типичной ситуации, при этом для каждой позиции характерны соответствующие только ей правила поведения. Хотя в пределах одной и той же арены может наблюдаться значительное число конкретных интеракций, общим остается то, что субъекты политического участия интерпретируют ситуацию как типичную и воспроизводят одни и те же политические практики.

Согласно материалам мониторинговых кросс-национальных исследований¹, наиболее масштабной и развитой из них во всех странах Европы является электоральная арена политического участия, что связано с типизацией и даже в какой-то мере рутинизацией процедуры выборов в рассматриваемых государствах на современном этапе, вне зависимости от особенностей национальных политических систем. Вместе с тем параметры электоральных арен могут существенно

меняться от государства к государству. Так, даже при наличии общей тенденции снижения явки на выборы, наблюдаемой с 2000-х гг. как в «старых», так и «новых» демократиях Европы, есть ряд примеров, представляющих исключение: в странах Северной Европы и Германии сегмент голосующих характеризуется устойчивостью и значительным объемом (индексологические значения для государств данного региона расположены в диапазоне от 70 до 80 пунктов при среднем для Европы индексе электорального участия – 50,4). В связи с этим представляется целесообразным проводить анализ состояния и динамики развития электоральной арены в национальном контексте.

Данные электоральной статистики и материалы всероссийских исследований (ФОМ² и Левада-Центра³) свидетельствуют о типизации политической практики, связанной с реализацией активного избирательного права. Так, явка на федеральных выборах в России (рис. 1) вполне сопоставима с соответствующими показателями в других европейских государствах (для примера: явка на парламентских выборах в Чехии (2016 г.) составила 60,8%, в Австрии (2017 г.) – 67,6%, в Эстонии (2019 г.) – 63,1%), а около 70,0% россиян стабильно демонстрируют готовность к участию в голосовании (особенно, если речь идет о выборах Президента РФ).

Конечно, в период между избирательными циклами показатели несколько снижаются, однако разрыв с максимальными значениями, характерными для «пика» избирательных кампаний, составляет не более 8 пунктов (что можно оценить как незначительный).

Практика голосования стала вполне привычной для граждан России, чему во многом способствует наличие собственной ритмики электорального процесса. Вместе с тем вопрос

относительно функциональности института выборов остается еще открытым. В обществе существуют достаточно устойчивые, примерно равные по объему сегменты, представители которых или оценивают выборы как безусловный элемент политического устройства страны, или отрицают такое значение (рис. 2). Весьма показательно в этом плане, что только треть граждан указывают на такой важный с точки зрения политического участия параметр избирательного процесса, как конкурентность, отмечая, что процедура выборов предполагает реальную борьбу кандидатов на выборные должности, а не имитацию, призванную скрыть заранее предопределенное решение представителей правящего класса. Соответственно, ставя под сомнение факт существования электоральной конкуренции, значительная часть россиян начинает скептически относиться к содержанию и характеру деятельности выборных институтов, а вполне возможно, и к перспективам демократии в стране (особенно принимая во внимание позицию, что наличие политической конкуренции выступает важнейшей основой демократии (Р. Парк⁴, Ю. Хабермас⁵, А. А. Вилков⁶)). Наряду с конкурентностью важным критерием оценки гражданами состояния электорального пространства выступает предсказуемость выборов⁷. Исходя из явного перевеса политического капитала, организационных, административных и других ресурсов лидеров избирательных кампаний, результаты выборов, по мнению россиян, являются предсказуемыми. Так, в частности, отвечая на вопрос «Как вы думаете, почему В. Путин отказывается от участия в теледебатах с другими кандидатами на пост Президента России?», почти две трети респондентов отметили позиции «ему нет равных по статусу партнеров, собеседников» и «эти дебаты бессмысленны / решил сэкономить деньги изби-

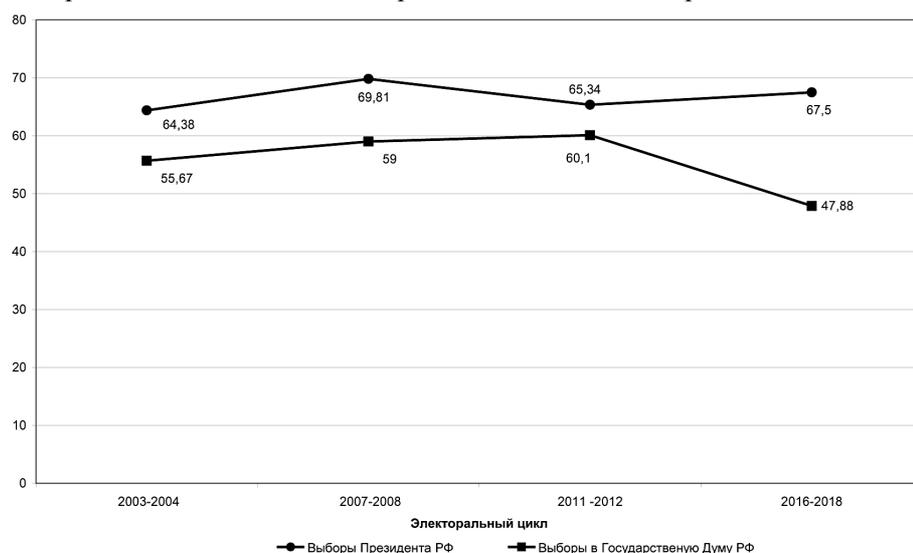

Рис. 1. Динамика явки на выборы федерального значения, 2003–2018 гг., % от числа граждан, обладающих правом голоса

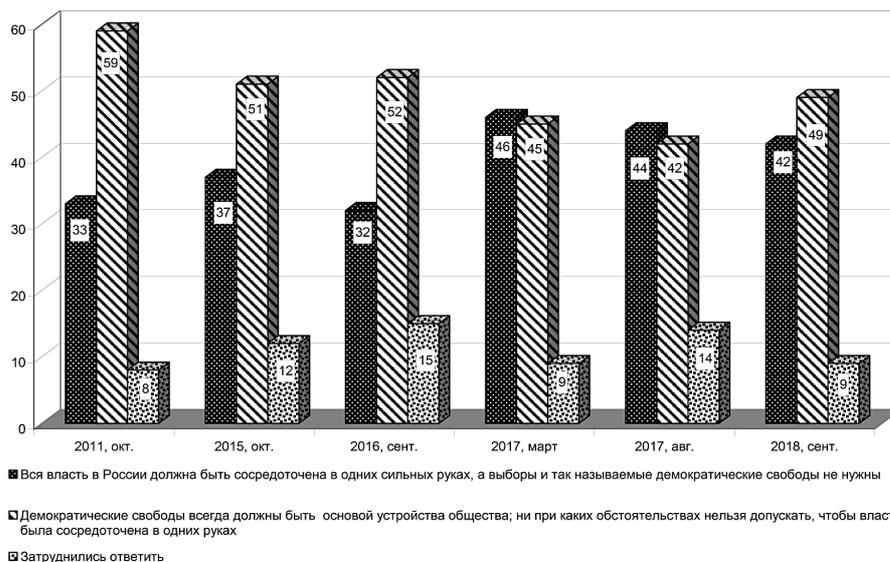

Рис. 2. Восприятие гражданами функциональности института выборов, 2011–2018 гг., % от числа опрошенных

рателей», причем, по сравнению с предыдущими электоральными циклами, этот сегмент вырос более чем в 1,5 раза. При этом лишь пятая часть респондентов (21%) безусловно доверяют результатам выборов, считая их честными.

И хотя индекслогические значения оценки прозрачности процедуры голосования в рамках электорального цикла 2017–2018 гг. значительно выросли по сравнению с показателями 2011–2012 гг. (36 против 21), но уровень 2007–2008 гг. так и не был достигнут (45), что свидетельствует о сохранении проблемы легитимации вновь избранных лиц. В то же время отсутствие стремления бойкотировать выборы (только 13% граждан рассматривают для себя с той или иной долей уверенности такой вариант поведения) подчеркивает факт рутинизации рассматриваемой политической практики в российском обществе. Восприятие гражданами электорального участия как данности (обыденности) способствует не только наделению процесса голосования свойствами повседневности, но и обретению в некоторой степени характеристик, присущих ритуальному действию. Так, в течение последних десяти лет лишь 16–17% респондентов отмечали, что внимательно следят за предвыборными кампаниями (в то время как около 50% делают это нерегулярно, а треть опрошенных вообще не уделяет внимание данной теме), при этом более 70% стабильно демонстрировали общую удовлетворенность результатами прошедших выборов (суммированы позиции «полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен»). Выявленный диссонанс в ограниченном уровне доверия к выборам как пространству взаимодействия в рамках существующих политических институтов (обусловленному наличием значительного числа рисков в его функционировании) и достаточно высокой степени уверенности в

выборах как некой абстрактной системе (основанной на своеобразном «погружении в веру», даже в условиях дефицита информации⁸) указывает на амбивалентность представлений о функциональности электоральной арены.

Одним из значимых индикаторов реальной востребованности арен политического участия является степень доверия тем общественно-политическим институтам, деятельность которых определенным образом связана с производством/тиражированием соответствующих политических практик.

Для электоральной арены (с учетом возможности проведения выборов на различные должности всероссийского, регионального и муниципального уровней) такими маркерами, помимо самого института выборов, могут выступать Президент РФ, Государственная Дума РФ, губернаторы регионов, региональные парламенты, органы местного самоуправления.

Обращает на себя внимание факт, что начиная с 2010 г. происходит синхронизация в динамике степени доверия к базовым политическим институтам федерального уровня, таким как Президент РФ, Государственная Дума РФ, с 2012 г. аналогичные колебания в показателях стали наблюдаться и в отношении региональных органов власти. Принимая во внимание факт безусловного лидерства президента в рейтинге доверия государственным структурам, выборы главы государства следует рассматривать в качестве системообразующих во всех электоральных циклах, в то время как выборы в высший законодательный орган являются «подготовительными» к президентским, а в рамках региональных и местных выборов происходит укрепление позиций политических сил, завоеванных на выборах федерального значения. Признание символиче-

ской значимости института президента экстраполируется и на электоральные кампании, контент которых так или иначе содержит указания на Президента РФ (а это практически все предвыборные кампании вне зависимости от уровня). Поддержке непрерывности избирательного процесса также способствует существование единого дня голосования.

Вместе с тем, согласно материалам региональных исследований (Н. В. Дергунова, А. А. Сурков⁹ и др.¹⁰), в обществе сохраняется негативный тренд в отношении доверия институтам представительства¹¹, что особенно сказывается на выборах в соответствующие структуры на всех уровнях, при этом их символическая значимость снижается пропорционально усилению неодобрительной оценки практической деятельности той структуры, представители которой избираются.

В целом следует подчеркнуть, что типизация электоральной арены политического участия происходит только через призму реализации одной практики – голосования, в то время как другие политические действия, связанные с функционированием института выборов (такие как общественные наблюдения, непосредственное участие в избирательных кампаниях кандидатов, знакомство с предвыборными программами и т. д.), освоены лишь ограниченным кругом лиц.

Преодолению некоторых из указанных проблем способствуют предпринимаемые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях меры по оптимизации процесса проведения выборов. Так, в 2017 г. в ряде регионов РФ были подписаны соглашения о сотрудничестве между областными избирательными комиссиями и региональными общественными палатами, в рамках которых было организовано взаимодействие данных структур по организации общественного наблюдения за выборами в единый день голосования¹². На выборах Президента РФ 18 марта 2018 г. впервые право представить наблюдателей получили общественные палаты как федерального, так и регионального уровней. В результате на избирательных участках присутствовали 356 000 наблюдателей, из них более 150 000 человек – представители общественных палат, 105 000 – члены комиссий с правом совещательного голоса, почти 15 000 – аккредитованные журналисты (приведены данные без учета международных наблюдателей и экспертов). Корпус наблюдателей прошел соответствующее обучение, в организации которого принимали участие представители областных избирательных комиссий, региональных общественных палат, прокуратуры и правоохранительных органов. При этом значительное внимание было уделено вопросам разрешения и фиксации конфликтных ситуаций и возможных нарушений на избирательных участках. Итоги общественного наблюдения были подведены на Первом форуме общественных наблюдателей, состоявшемся

20 марта 2018 г. в Общественной палате Российской Федерации с участием членов Центральной избирательной комиссии России, Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, Комитета Государственной Думы Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, общественных наблюдателей, представителей региональных рабочих групп по мониторингу реализации избирательных прав граждан, наблюдателей от стран СНГ, других государств и иностранных организаций. Участники обсудили предложения и рекомендации по совершенствованию избирательного законодательства Российской Федерации и повышению эффективности процедур общественного наблюдения за ходом голосования, проанализировали выявленные наблюдателями нарушения, сформировали итоговые рекомендации форума для последующего направления в палаты Федерального Собрания Российской Федерации: Совет Федерации и Государственную Думу, а также в Центральную избирательную комиссию России. В сентябре 2018 г. на выборах в муниципальные представительные органы функционировали центры общественного мониторинга и контроля, объединяющие представителей различных общественных и правозащитных организаций, традиционно выступающих в роли наблюдателей на выборах разного уровня. Также в период выборов была обеспечена работа «горячих линий» общественных наблюдателей с избирателями.

Рассмотренные меры были призваны не только стимулировать вовлечение представителей локальных сообществ в электоральное пространство в новой для себя роли наблюдателей, повысить их политическую компетентность, но и способствовать росту доверия к институту выборов. Однако устойчивая зависимость показателей электорального участия от контекста избирательного процесса (начиная от уровня выборов и заканчивая актуальной политической ситуацией) свидетельствует о том, что преодолеть полностью проблемы функционирования электоральной арены политического участия в условиях современного российского общества пока не удалось.

Примечания

- ¹ См.: Европейское социальное исследование (ESS) : мониторинг (2008–2016 гг.). 8-я волна проведена в 2016 г. (в России опрос проведен ЦЕССИ в октябре 2016 – январе 2017 г., размер выборки составил 2430 чел.). URL: www.ess-ru.ru (дата обращения: 20.05.2018).
- ² См.: Опрос «ФОМнибус». Политические индикаторы. Рейтинги политиков. 23–24 февраля 2019 г. Выборка – 3000 респондентов (207 населенных пунктов, 73 субъекта РФ). URL: <https://fom.ru/Politika> (дата обращения: 10.02.2019).

- ³ См.: Общественное мнение – 2018. М. : Левада-Центр, 2019.
- ⁴ См.: *Парк Р.* Конкуренция. Конфликт. Аккомодация. Ассимиляция // Теоретическая социология : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 390–422.
- ⁵ См.: *Хабермас Ю.* Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социс. 2006. № 1. С. 53.
- ⁶ См.: *Вилков А. А.* Предвыборная кампания как фактор политических конфликтов в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 309–314. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-309-314
- ⁷ См.: *Ашихмина Я. Г.* Конкуренция элит на выборах как критерий современной демократии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konkurenciya-elit-na-vyborah-kak-kriteriy-sovremennoy-demokratii> (дата обращения: 15.01.2019).
- ⁸ См.: *Гидденс Э.* Последствия современности. М. : Праксис, 2011. С. 53.
- ⁹ См.: *Дергунова Н. В., Сурков А. А.* Доверие институту выборов как индикатор функционирования политической системы России (на примере Ульяновской области) // Симбирский науч. вестн. 2014. № 4 (18). 152–159.
- ¹⁰ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Тульской области за 2018 г. Тула, 2019.
- ¹¹ См.: *Вилков А. А.* Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI : 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69
- ¹² См.: *Панкратов С. А.* Избирательный процесс на территории Волгоградской области : от публичного до приватного // Электоральный цикл в современной России : итоги и перспективы : сб науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : ИЦ «Наука», 2018. С. 107–112.

Образец для цитирования:

Лаврикова А. А. Особенности функционирования электоральной арены политического участия в современном российском обществе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 325–329. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-325-329>

Cite this article as:

Lavrikova A. A. Features of the Functioning of the Electoral Area of Political Participation in the Modern Russian Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 325–329 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-325-329>

УДК 32:316:001:009

Теоретико-методологические подходы к анализу игровых технологий: социально-политический аспект

А. В. Богданов

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, selectedman@yandex.ru

В статье рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к определению «игровые технологии» исходя из социально-политической детерминированности данной категории. В работе анализируется политическая составляющая игровых моделей, обозначаются их основные виды, формы и функции, а также систематизируются исследования игровых практик в социально-политической сфере. Автор обосновывает необходимость анализа применения игровых технологий для формирования политической культуры современной российской молодежи, а также внедрение соответствующих видов и форм игровых моделей в рамках создания эффективной системы государственной поддержки подрастающего поколения.

Ключевые слова: игровые технологии, политическая игра, политическая культура, игровые практики в политической сфере.

Theoretical and Methodological Approaches to the Analysis of Gaming Technologies: The Social and Political Aspects

A. V. Bogdanov

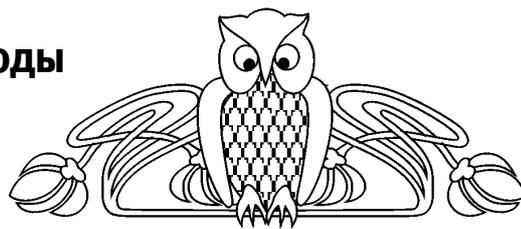
Artem V. Bogdanov, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, selectedman@yandex.ru

The article deals with the main theoretical and methodological approaches to the definition of "game technology" on the basis of social and political determinism of this category. The paper analyzes the political component of game models, identifies their main types, forms and functions, and systematizes the study of game practices in the social and political spheres. The author substantiates the need to analyze the use of gaming technologies for the formation of political culture of modern Russian youth, as well as the introduction of appropriate types and forms of gaming models in the framework of creating an effective system of state support for the younger generation.

Keywords: game technologies, political game, political culture, game practices in the political sphere.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-330-334>

В современном мире обнаруживают себя новые социально-политические вызовы, которые ставят перед исследователем задачу поиска решений появляющихся трудностей. В качестве основных угроз и проблем ряд современных ученых выделяют следующие: информационная и экологическая безопасность, миграционные

потоки беженцев, постмодернистская интерпретация ценностных оснований трудовой деятельности человека, особенности формирования политической идентичности и политической культуры, этнополитические конфликты, защита прав и свобод человека и гражданина и др. Для решения вышеобозначенных проблем исследователи нередко обращаются к предыдущему научному и социальному опыту, который позволяет им либо создать новый подход, либо использовать известный способ решения задачи, но в новой интерпретации или в другой научной области (междисциплинарность). В этом смысле теория игр и игровые технологии являются новым методом анализа социально-политической действительности.

Игровые практики при решении социально значимых задач начали использоваться довольно давно в рамках педагогических, экономических, психологических, военных наук. Первое упоминание о применении игры в качестве основы анализа социальной действительности можно обнаружить еще у ученых Древней Греции¹. При этом прослеживается дальнейшее использование игровых технологий при решении поставленных социальной жизнедеятельностью людей задач. Интерес к игровым моделям не обошел стороной и Россию. В своей работе И. А. Ветренко, подробно описывает этапы актуализации игры в нашей стране: в целом этот процесс начался с 1913 г., с поиска форм и способов применения игры в общественной, научной и педагогической практике и продолжается до настоящего момента, а игровые технологии начинают использоваться в политическом консультировании, политической конфликтологии и т. д.²

Однако, на наш взгляд, применение игровых технологий в рамках анализа именно политических угроз произошло в 50-е гг. XX в. Теория игр и игровые модели стали использоваться в период столкновения двух мировых держав: СССР и США, и уже в рамках анализа военных столкновений и впоследствии в рамках так называемой холодной войны игра повсеместно внедряется для анализа политического аспекта противостояния и затем начинает (в ходе создания новых фабрик мыслей, политических консалтинговых агентств) применяться уже в масштабах всего спектра политического процесса.

На наш взгляд, примечательным обстоятельством является то, что существует множество

определений понятия «игра» и довольно сложно найти одно, четко дающее единственно верное обозначение. Большое количество подходов к данной дефиниции лишь указывает на многогранность игры и междисциплинарность применения игровых технологий³. При этом каждое из определений игры сложно назвать ошибочным или недостаточным, каждый подход к понятию «игра» несет в себе часть общего представления о данной категории. Другими словами, категоризация понятия «игра» подчеркивает ее многоаспектность и множественность проявлений в рамках социально-политической практики.

Тем не менее, представляется необходимым обозначить основные подходы к трактовке понятия «игра». В целом их можно выделить исходя из предметных областей научного знания, и первую группу таких дисциплин можно обозначить как психолого-педагогическая. В рамках данной группы игра понимается либо как метод обучения (педагогика), либо как вид деятельности, основу которой составляют смена статусов состояний и ролей (психология).

Игра в контексте вышеуказанного подхода понимается как деятельность по целенаправленной передаче опыта от старшего поколения к младшему, это процесс усвоения опыта социальной жизни, направленный на появление умений к саморегуляции поведения и его совершенствования⁴. Также в рамках данного направления выделяются игровые педагогические технологии, которые являются частью образовательных технологий, что соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту общего образования (а также бакалавриата, магистратуры и т. д.)⁵.

В свою очередь, применение игровых технологий предусматривает решение ряда задач и формирование специальных навыков. В зависимости от формирования соответствующих навыков выделяют следующие виды игровых технологий:

- дидактические (решение конкретной поставленной задачи, направленной на формирование соответствующей познавательной деятельности, а также практико-ориентированное применение знаний, умений и навыков);

- воспитывающие (формирование определенных морально-нравственных, мировоззренческих и культурных установок, позиций, системы ценностей, а также воспитание воли и самостоятельности, коммуникабельности, ответственности и т. д.);

- развивающие (развитие внимания, памяти, мышления, творческих способностей, эмпатии, рефлексии, умения сравнивать, находить аналогии, формулировать гипотезу и т. д.);

- социализирующие (формирование умений адаптироваться к изменяющимся условиям функционирования индивида и социума, усвоение опыта и навыков жизнедеятельности, в том числе приобщение к нормам и ценностям обще-

ства, психотерапия и психоанализ, стрессовый контроль и т. д.)⁶.

В целом вышеперечисленные виды игровых технологий не исчерпывают всех имеющихся классификаций, но позволяют обнаружить интересующую нас специфику формирования ценностных установок политической культуры общества. К тому же психологические механизмы игровой деятельности задействуют в процессе своей реализации фундаментальные потребности личности в самопознании, самосовершенствовании, самовыражении, самоутверждении, саморегуляции, что указывает на заложенный уже в саму природу человеческой деятельности интерес к игре, ролям и статусам. Это означает и то, что в рамках изучения особенностей формирования политической культуры российской молодежи обнаруживает себя применение игровых технологий.

Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что содержание игр развивается по мере взросления и становления личности, начиная с детского возраста, где основным содержанием игры становится предметная деятельность. Затем осуществляется переход к играм, отражающим взаимоотношения между индивидами, и, наконец, происходит переход к играм, где сутью обучения и познания является подчинение общепризнанным правилам и нормам поведения, а также непосредственное усвоение и дальнейшее воспроизведение моделей, в том числе политического поведения, а также уяснение ценностей и традиций данной социальной группы и общества в целом.

Следующий подход к пониманию категории «игра» условно можно обозначить как экономико-математический, в рамках которого под игрой понимается рациональная деятельность участников социально-политического процесса, направленная на получение конкретного результата. В рамках данного подхода находят свое воплощение теория игр – метод, который исходит из теории рационального выбора и основан на дедуктивном способе анализа принятия решений, в том числе политических, субъектами социально-политического процесса. Теория игр зачастую используется при урегулировании конфликтных взаимодействий акторов социально-политической реальности, но может применяться и при исследовании поведенческих моделей конкретных индивидов, малых и больших социальных групп, стран-государств.

В теории игр выделяют соответствующие виды:

- по количеству участников: с одним или с несколькими игроками;

- по результату: с нулевой или постоянной суммой (победа одного игрока приводит к проигрышу второго, при этом появляется модель, в рамках которой у участников игры обнаруживает себя отсутствие желания, мотивации к решению

возникшего конфликта, что препятствует выработке программы по нивелированию противоречия); игры с переменной суммой (в основе урегулирования конфликта лежит стратегия сотрудничества: все участники игрового процесса при таком подходе выигрывают, но ни один из них полностью не уверен, что все игроки выберут линию компромисса), наиболее известные разновидности – «игра с трусом» и «дилемма заключенного»⁷:

– «игра с трусом» – это, по сути, оценка социально-политического, экономического и военного потенциала сторон, участвующих в конфликте, анализ возможного варианта действий при столкновении участников на «прямой дороге»: кто из них уступит первым или же они оба будут нацелены на конфликт, рассчитывая, что один из акторов «струсит» и «уйдет» в сторону;

– «дилемма заключенных» – это анализ возможных рисков, которые понесут участники социально-политического, военно-экономического столкновения. Суть игры в том, что каждый из участников конфликта в большей степени руководствуется собственными интересами и исходит из них при принятии решения. Это означает, что каждый из игроков рассчитывает избежать максимальных потерь или рисков при получении выгоды от существующего конфликта и получить максимальный результат. В итоге желание получения максимальной выгоды от столкновения каждым участником, отсутствие информации о действительных намерениях других участников приводит к неоптимальному исходу данного противостояния для каждого из акторов.

В качестве примера применения экономического подхода при анализе социально-политического процесса можно привести экономическую теорию демократии, в рамках которой политическая система сопоставляется по своим характеристикам с рыночной системой. Основное положение экономической теории демократии заключается в том, что все участники социально-политического процесса являются потребителями конечного продукта, т. е. мотивированы получить максимальную выгоду и мыслят и действуют при этом сугубо рационально. Мотивация потребителя, т. е. участника политического процесса, отчетливее всего проявляет себя во время избирательного процесса. Валютой при этом является голос избирателя, а товаром – политическая партия или кандидат, которые, по мнению гражданина, смогут наиболее полно и качественно удовлетворить его интересы⁸.

Другими словами, гражданин будет участвовать в избирательном процессе и голосовать за партию при условии, что она обеспечит ему в дальнейшем доход, т. е. сможет принести конкретную пользу (в виде принятия законодательных актов или лоббирования соответствующих интересов социальной группы). При этом избиратель действует исключительно рационально: при усло-

вии эффективной деятельности партии власти избиратель будет голосовать за нее, при отрицательном результате деятельности – за оппозиционную партию, при нулевом – участвовать в выборах не будет, так как не сможет получить свою выгоду⁹.

Таким образом, действия участников политического процесса рациональны, взвешены и осознанны, избиратель может самостоятельно проанализировать действия политических партий и выделить слабые и сильные стороны участников выборов, а также просчитать потери и прибыль от участия в избирательном процессе. Важной особенностью данного подхода является, на наш взгляд, то, что рациональные избиратели поддерживают ту партию или кандидата, которые наиболее максимально соответствуют их интересам, а значит, отражают в своих программах ценности, традиции, установки и устремления определенной социальной группы. И на выборах побеждает та партия или кандидат, чьи ценностные ориентации больше всего соответствуют предпочтениям наибольшей группы рациональных избирателей¹⁰.

Еще один подход к трактовке категории «игра» можно условно обозначить как социолого-политологический, в основе которого лежат исследования ученых в области социальных и политических наук. В рамках данного направления также можно выделить различные подходы к применению игровых технологий при анализе социально-политического процесса. Так, одни исследователи считают, что использование теории игр и игровых технологий в политике необходимо для выполнения задач политического прогнозирования¹¹.

В этих работах описываются суть и содержание теории игр с точки зрения математического анализа, а игровые модели применяются для осуществления «гуманитарной экспертизы». В качестве примера использования игровых техник в социально-политическом процессе для решения возникших проблем приводится возможность анализа геополитической ситуации в мире и стране, конструирование модели военного противостояния и т. д. Также в данных исследованиях утверждается, что игровые практики могут применяться с целью анализа принятия политических решений¹². На наш взгляд, такой подход к применению игровых моделей изучения политической сферы вполне допустим и несет в себе определенный потенциал для совершенствования существующих методик политической экспертизы и прогнозирования социального будущего.

Другая группа исследований рассматривает политическую сферу как одну из возможных игровых форм¹³. Политика – это игра, выполнение определенных ролей участниками социально-политического пространства. В этом аспекте важным является понимание того, по каким правилам функционируют игровые модели с целью определения возможности изучения деятельно-

сти акторов социально-политического процесса. Данный анализ представляет определенный потенциал для целей и задач формирования имиджа и контримиджа кандидата, политической партии, выстраивания эффективной коммуникации между представителями органов власти и общественных организаций и т. д.

В рамках данного подхода политика – это сфера постоянного противостояния, конфликта и противоречия, которые находят свое отражение как в публичной сфере взаимоотношений, так и в «скрытой», «кулуарной». И в этом отношении игровые модели позволяют проследить специфику функционирования каждой из сфер политической реальности. Также в этой группе исследований упор делается на игровые роли участников политического процесса, важным здесь является рассмотрение тех ролей, которые берет на себя тот или иной субъект политической деятельности¹⁴. Поэтому на первый план выступают психолого-социальные мотивы политического поведения актора, а также семантические и символичные аспекты коммуникационного взаимодействия. Нередко в этом случае игровые роли используются политическим деятелем для идеологической идентификации с определенной социальной группой с целью достижения наивысшего эффекта от информационно-агитационного воздействия.

Следующая группа работ посвящена рассмотрению игры как конкретной эффективной политической технологии, используемой в социально-политическом процессе¹⁵. При этом отмечается, что игровые практики перманентно присущи политической сфере, это два тесно связанных между собой элемента, политика и игра, составляющие суть политического развития. Также выделяется такой вид игры, как политическая игра, и даются ее характеристики:

- конъюнктурность игровой политической поведенческой модели;
- преобладание идеологической и агитационной составляющих игры;
- цель игры – победа над конкурентом;
- социальная основа – массы;
- игровые технологии способны формировать общественное сознание и т. д.¹⁶

По мнению авторов указанных выше исследований, игровые технологии могут применяться при анализе и урегулировании политических конфликтов, в политическом консультировании, в политическом переговорном процессе, во время участия в выборах и т. д. Другими словами, игровые практики востребованы при решении конкретных политических задач, при анализе и прогнозировании социально-политической ситуации и т. п.

Следует отметить, что также встречаются исследования, которые посвящены использованию игровых технологий в рамках образовательного процесса – с целью привития навыков решения актуальных политических задач¹⁷. В данных работах игровые технологии занимают не менее важное

место, и главной целью их применения является обучение соответствующим методикам анализа проблемной ситуации, приобретение навыков поиска адекватной методологии, закрепление опыта эффективного решения поставленных задач.

Помимо вышеперечисленных работ, встречаются и те, где предпринимается попытка выделить особенности массовой политической культуры и коммуникации на основе анализа распространения и использования компьютерных игр¹⁸. В этих исследованиях обосновывается высокая роль компьютерных игр как разновидности игровых технологий во влиянии на процессы социально-политического развития общества. По нашему мнению, данные статьи заслуживают внимания, но в большей степени либо описывают техническую составляющую процесса информатизации человеческого сообщества и вытекающие из этого особенности коммуникации между обществом и государством, либо рассматривают именно специфику массовой культуры, а не особенности формирования политической культуры.

Таким образом, существуют работы, рассматривающие игровые технологии как неотъемлемую часть политической сферы, осуществляющие категоризацию понятий «политическая игра» или «игровые технологии в политике», занимающиеся анализом специфики применения игровых практик для решения политических задач, выработкой конкретных рекомендаций и алгоритма действия при урегулировании политического конфликта. Тем не менее, на наш взгляд, отсутствуют работы, посвященные анализу игровых технологий формирования политической культуры российского общества или его отдельных социальных групп (например молодежи).

Нам представляется, что применение игровых моделей формирования политической культуры современной российской молодежи является весьма актуальным и перспективным, в том числе с точки зрения создания эффективной системы государственной поддержки молодых людей. Важным аспектом разработки такой системы, по нашему мнению, выступает использование соответствующих видов игровых технологий (образовательные, научные, общественные, политические, спортивные, досуговые и т. д.) и их конкретных форм (семинары, круглые столы, дебаты, конференции, волонтерские движения, гранты, конкурсы, фестивали, соревнования и т. д.).

Примечания

- 1 См.: *Ветренко И. А.* Игровые практики в политическом процессе : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2009. С. 3.
- 2 Там же. С. 4.
- 3 См.: *Вилков А. А.* Развитие творческого потенциала личности студента в процессе подготовки и использования

- деловых игр // Самостоятельная работа студентов в условиях перехода на двухуровневую систему ВПО : материалы докл. Регион. науч.-практ. интернет-конф. (6–9 ноября 2012 г.). Саратов : РИЦ «Студия развития лидерства», 2012. С. 46–54.
- ⁴ См.: Шкель В. Ф. Игровые технологии в учебном процессе : учеб.-метод. пособие. Саратов : ГОУ ДПО «СарИПКИПРО», 2010. С. 24.
- ⁵ См.: Федеральные государственные образовательные стандарты. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 18.02.2019).
- ⁶ См.: Шкель В. Ф. Указ. соч. С. 6.
- ⁷ См.: Дегтерев Д. А. Введение в теорию игр для политологов и международников : учеб. пособие. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 92.
- ⁸ См.: Юрина Н. С. Экономический подход к политике в теории демократии Э. Даунса // Философия и общество. 2016. № 2 (79). С. 121–127.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Apr., 1957. Vol. 65, № 2. P. 135–150.
- ¹¹ См.: Кузнецова Н. В. Игровые технологии в политике // Актуальные вопросы социально-психологических исследований : сб. науч. и учеб.-метод. ст. / ред.-сост. А. М. Тютченко, О. С. Фисенко. М. : Перо, 2015. С. 53–58.
- ¹² Там же. С. 53–54.
- ¹³ См.: Новикова О. Н. Игра как атрибут политической деятельности // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 61–66.
- ¹⁴ Там же. С. 63–64.
- ¹⁵ См.: Ветренко И. А., Дубицкий В. В. Игровые технологии в политических действиях // Вестн. ОмГУ. 2010. № 3. С. 170–173 ; Емельянов Ф. Г. Игровая доминанта политических процессов (социально-философский аспект) // Science Time. 2015. № 4 (16). С. 262–269.
- ¹⁶ См.: Ветренко И. А., Дубицкий В. В. Указ. соч. С. 173.
- ¹⁷ См.: Кузнецова Н. В. Интеллектуальный потенциал вуза и проблемы активизации творчества студенческой молодежи // Мир современной науки. 2013. № 2 (17). С. 72–76
- ¹⁸ См.: Гришин О. Е., Иглин Д. А. Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации // PolitBook. 2015. № 1. С. 127–145.

Образец для цитирования:

Богданов А. В. Теоретико-методологические подходы к анализу игровых технологий: социально-политический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 330–334. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-330-334>

Cite this article as:

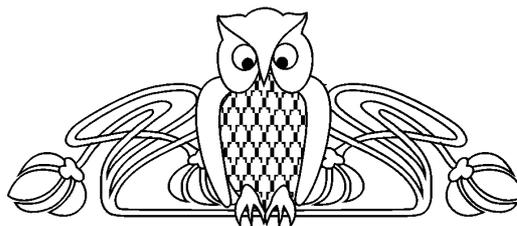
Bogdanov A. V. Theoretical and Methodological Approaches to the Analysis of Gaming Technologies: The Social and Political Aspects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 330–334 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-330-334>

УДК 327.8

Теория Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе

П. И. Пашковский

Пашковский Пётр Игоревич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, petr.pash@yandex.ru

В статье рассматривается проблема интерпретации теории Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе. Приведены мнения исследователей. Показано, что крымским учёным удалось вывести ряд значимых положений, имеющих отношение к данной теории. Они исследовали специфику изучения пространства Новороссии, предложив трактовку её границ. По мнению крымских исследователей, перед формирующимся новороссийским субэтнсом должна стоять цель освоить степную полосу Евразии для становления «Русского архипелага» – территорий, в границах которых русские могли бы чувствовать себя как на Родине, не меняя культурной и этнической идентичности. Раскрыто влияние природных факторов (степной ландшафт, море и недра) на социально-демографические, этнонациональные процессы, идентичность и культуру населения территорий Новороссии. Утверждается, что интенсивность социально-демографических трансформаций обусловила высокую подвижность социального ландшафта Новороссии, который характеризовался более медленными темпами осознания местными жителями собственной идентичности. Определена зависимость между формированием субэтнуса новороссов и внешней политикой Российской Федерации на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: теория Новороссии, крымские исследователи, геополитика, идентичность, культура, Россия, Крым, Черноморский регион.

Theory of Novorossia within the Crimean Social and Humanitarian Discourses

P. I. Pashkovsky

Petr I. Pashkovsky, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Vernadsky Ave, Simferopol 295007, Russia, petr.pash@yandex.ru

The article considers the problem of interpretation of the theory of Novorossia within the Crimean social and humanitarian discourses. Opinions of the researchers have been presented. It was shown that the Crimean scholars were able to derive a number of important provisions that are relevant to the theory. They explored the specifics of the study of the space of Novorossia, suggesting the interpretation of its borders. According to the Crimean researchers, the sub-ethnos of Novorossians, which is being formed, should have a goal to master the steppe belt of Eurasia for the formation of the "Russian archipelago" – territories within which the Russians could feel like being at home, without changing their cultural and ethnic identity. Features of the nature of their culture, which is significantly different from the continental and rural of Ukrainian type, have been identified. The dependence between the formation of the sub-ethnos of Novorossians

and the foreign policy of the Russian Federation in the post-Soviet space has been determined.

Keywords: theory of Novorossia, Crimean researchers, geopolitics, identity, culture, Russia, Crimea, Black Sea region.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-335-340>

Теории в социально-гуманитарном дискурсе возникают в условиях необходимости логического обоснования определённого события, процесса или проекта, стратегия и тактика реализации которого требуют наличия функционального и системного смыслового каркаса. При этом можно согласиться с исследователями, отмечавшими, что «теории и парадигмы диктуют общепринятые мнения, обретающие силу социальных аксиом и не подвергающиеся критике, а идеология структурирует ценности и реальность в жёсткую систему убеждений»¹. Особую значимость в контексте «производства смыслов» имеют мнения и дискуссии тех, кто обладает высоким уровнем квалификации в конкретной сфере, демонстрируя компетентность в формулировании теоретических положений. «Именно торжество той или иной точки зрения в, казалось бы, самых отвлечённых дискуссиях, – акцентируют специалисты, – ведёт, в довольно близком итоге, и к смене парадигм государственной политики. Ведет потому, что именно интеллектуалы в современном мире <...> создают инструментальный мышления, разрешают или запрещают всем, в том числе и власти, думать определённым образом и в определённом направлении»².

События социально-политического кризиса на Украине 2013–2014 гг. активизировали обсуждение вариантов его региональных и глобальных последствий³. В частности, вхождение Крыма в состав России и массовые протесты на украинском юго-востоке, переросшие в вооружённое противостояние киевских властей со сторонниками провозглашённых Луганской и Донецкой народных республик, объявивших о создании «Союза народных республик – Новороссии»⁴, породили новую волну дискуссий относительно оснований и уместности использования термина «Новороссия». Ряд фундаментальных работ, касающихся осмысления указанной проблемы, было опубликовано крымскими учёными. Целью данной статьи является осуществление анализа мнений и подходов представителей крымского социально-гуманитарного дискурса относительно теории Новороссии.

Размышлениям о теории для комплексного понимания её значения должно предшествовать разъяснение сущности связанного с ней термина. В разные исторические периоды под термином «Новороссия» подразумевались не одни и те же пространства. За два с половиной столетия границы данного региона расширились от узкой полосы между южными губерниями Российской империи и землями запорожских казаков до пространства, включающего практически всё Северное Причерноморье и Приазовье. Эти территории в разное время располагались в рамках Новороссийской губернии и Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства. В изданном в 1910 г. (под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, общим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского) 14-м томе труда «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», который назывался «Новороссия и Крым», характеризовались Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии, Область Войска Донского и Ставропольская губерния. После 1917 г. термин «Новороссия» в силу идеологических и политических причин надолго выходит из употребления. В настоящее время под ним понимается историко-культурный регион в Северном Причерноморье, присоединённый к Российской империи в результате русско-турецких войн во второй половине XVIII в.⁵

Основоположником теории Новороссии принято считать отечественного геополитика Е. Морозова, опубликовавшего в 1996 г. одноимённую статью⁶. Вопросы сущности данной теории, безусловно, нуждаются в специальном изучении. При этом в рамках настоящей работы важно отметить, что указанный исследователь, характеризуя этнонациональные, территориальные и хозяйственные особенности обозначенного пространства, акцентировал: «...сложился тип новоросса со своей культурой, своим диалектом (тем самым русско-украинским “суржиком”, с которым страстно борется галичанская интеллигенция Украины), сложилась единая территория Новороссии от Дуная до Алтая и свой тип экономики, основанный на экспорте пшеницы свободными земледельцами»⁷.

В рамках крымского социально-гуманитарного дискурса – преимущественно среди учёных-политологов, историков и философов – эта теория была воспринята с большим интересом, увеличению которого способствовали события социально-политического кризиса на Украине 2013–2014 гг.

Значимым проявлением вклада крымских авторов в развитие теории Новороссии стало комплексное исследование истории изучения данного пространства. В статье «Русский Новый свет», опубликованной в августе 2014 г., историк и политолог, генеральный директор Центрального музея Тавриды А. Мальгин раскрывает

особенности процесса исследования Новороссии начиная с XVIII в., приводя ряд значимых с научной точки зрения фактов и делая не менее важные выводы. Обобщая указанные сюжеты, учёный отмечал: «Мы говорим сейчас только о самых общих работах по истории освоения Новороссии, но следует иметь в виду, что за последние 250 лет появилось также и множество исследований по отдельным субрегионам обширной страны – о Донбассе, Приазовье, Южном Поднепровье, Таврии, Побужье, Буджаке, Приднестровье, о её больших городах – Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе (Днепропетровске) и Александровске (Запорожье), – назвать которые в таком кратком очерке просто невозможно. Точно так же невозможно даже бегло обозреть обширную литературу по археологии, древней и средневековой истории этого края. Буквально на наших глазах рождается интереснейшая литература о политическом и духовном феномене Новороссии...»⁸

Важным положением данной теории, которое стало заслугой крымских авторов, является оригинальная трактовка границ Новороссии. Так, А. Мальгин, осуществив ретроспективный анализ проблемы, приходит к выводу, что контуры границ этого пространства различаются в зависимости от того, какие критерии подразумеваются при их выделении: исторические, политические или народно-хозяйственные. «Нам, как крымчанам, – акцентировал исследователь в июле 2014 г., – наверное, будет близко следующее понимание пространственного наполнения этого понятия: большинство земель, входящих в исторический макрорегион Новороссии, представляют собой земли, контролировавшиеся когда-то Крымским ханством и подвергшиеся со второй половины XVIII века глубокой социокультурной переработке: сначала в рамках Российской империи, а затем – Советского Союза. Таким образом, Новороссия, это не что иное, как, своего рода, Большой Крым»⁹.

В контексте геополитического анализа указанного пространства крымские учёные пытались выявить специфику конфигурации и взаимодействия в его рамках социальных организмов. Известный политолог, ныне доцент Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского А. Никифоров ещё в 1999 г. писал: «Новороссийская этнокультурная общность ещё находится в стадии становления, которому к тому же препятствует то обстоятельство, что территория Новороссии рассеяна на части границами новых независимых государств. Эта ситуация способствует распространению среди населения Новороссии острой ностальгии по СССР. В таком деформированном виде проявляется пока ещё не до конца осознанное стремление новороссов к политическому единству»¹⁰.

Впоследствии происходило концептуальное оформление приведённых суждений. В 2012 г.

А. Никифоров указывал, что «в недрах русского этноса в данный момент созревает новый субэтнос – новороссы». Стратегической целью этого формирующегося субэтноса исследователь считал освоение русским «геополитическим организмом» степной полосы Евразии. «Перспективы сохранения и развития Русского мира в свете теории Новороссии, – акцентировал он, – видятся не в стратегии “сосредоточения” России, а в поддержке пространственной структуры, в которой наличие Русского материка (РФ) подкреплялось бы существованием Русского архипелага, состоящего из территорий, на которых русские, не меняя этнической и культурной идентификации, могли бы чувствовать себя дома, на Родине, где они являются коренным народом в не меньшей степени, чем в “материковой” России»¹¹. На основе теории Новороссии учёный формулирует концепцию геополитических циклов и перспектив Русского мира, функциональность которой подтвердят дальнейшие общественно-политические события.

Вклад А. Никифорова характеризуется не только системностью и глубиной концептуального измерения его взглядов, но и практической деятельностью. В марте 2014 г., в разгар украинского социально-политического кризиса, он – активный участник «крымской весны» и сторонник воссоединения полуострова с Россией – уже открыто заявляет, что «на нашем поколении лежит ответственная задача – собрать воедино Новороссию. А Крым является хорошим примером и началом этого процесса»¹². «Сейчас, – отмечал он в июле 2014 г., – когда в трудах и муках Новороссии рождается на наших глазах как политическая реальность, когда угаданная, прочувствованная и интеллектуально обоснованная модель обретает плоть и кровь – становится более очевидно, ясно, зримо то, что Морозов видел ещё в далёких 90-х: что здесь, в Новороссии, решается будущее России, того огромного культурно-исторического пространства, которое в последнее время стало принято называть Русским миром...»¹³

К достижениям в плане развития рассматриваемой теории следует отнести осуществлённый крымскими авторами анализ влияния природных факторов на социально-демографические, этнонациональные процессы, идентичность и культуру местного населения. Специфика природных условий, историческая динамика этнического состава, культурно-психологические и производственные особенности Новороссии в их взаимодействии, учитывая вытекающие из этого последствия, освещаются в статье А. Мальгина «Новороссия: человек и природа», увидевшей свет в конце августа 2014 г. Исследователь обоснованно утверждает, что степной ландшафт детерминировал характер политических и социокультурных процессов, протекавших на этой территории: «В течение тысячелетий Новорос-

сия является грандиозным коридором, через который с Востока на Запад, а иногда и в обратном направлении движутся массы разнообразных, преимущественно кочевых этносов». При этом «до XVIII века ни один из “хозяев степей” не смог стать основой сколько-нибудь устойчивого оседлого сообщества». Вторым важным фактором, оказавшим значительное влияние на историю и особенности данного пространства, стало море. «Если степь, – писал учёный, – делает Новороссию продолжением Евразии, то море связывает её со Средиземьем (Средиземноморьем), сообщая ей почётную миссию посредника и проводника ценностей великих цивилизаций Юга Европы на русский Север». Третьим природным фактором, определившим судьбу рассматриваемых земель, выступают недра: «Открытие угольных и железорудных месторождений привело к колоссальному промышленному росту и, по существу, к новой революции в Новороссии, которая повлекла за собой серьёзнейшие социальные и демографические перемены <...> Промышленный переворот привлёк к освоению нового региона выходцев не только из различных социальных слоёв, но и из различных этносов обширной Российской империи (Советского Союза) и за границы»¹⁴.

Быстрота социально-демографических изменений, вызванная обозначенными факторами, не способствовала «культурной укоренённости местных сообществ». «Именно поэтому, – заключал А. Мальгин, – социальный ландшафт Новороссии до самого последнего времени сохранял высочайшую подвижность, именно поэтому осознание собственной идентичности у жителей Новороссии шло более медленными темпами, чем у соседей. Именно поэтому новороссам в XX веке не без временного успеха навязывали чуждое им самосознание». В данных условиях был сформирован «подвижный, открытый, приморский, индустриальный и в конечном итоге модерный (ну и, разумеется, брутальный) характер их культуры, резко отличный от консервативной, замкнутой, континентальной и сельской культуры Украины <...> Культура и самосознание Новороссии полностью завязаны на “большом пространстве”, на империи, здесь господствуют ветры Евразии. Идентичность Новороссии часто называют “советской”. Но это лишь последний, верхний слой этой специфической культурной реальности. И Новороссии ещё предстоит в полной мере осознать это»¹⁵.

Следующие теоретические положения, привнесённые крымскими авторами, заключались в определении значения Крыма и Черноморского региона в контексте возрождения могущества современной России и становления Новороссии, а также зависимости между формированием субэтноса новороссов и внешней политикой Российской Федерации на постсоветском пространстве. В этом отношении представляется

необходимым отметить взгляды политолога, доцента Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского С. Киселёва. Среди наиболее значимых его работ выделяются исследования циклов геополитической истории Причерноморья и «Малой игры»¹⁶, крымской русской идентичности¹⁷ и геостратегического значения Крыма в свете российской внешней политики¹⁸. Так, в 1994 г. в брошюре «Размышления о Крыме и геополитике», написанной в соавторстве с Н. Киселёвой, утверждалось, что «возрождённой России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придётся всё же потребовать возвращения Крыма в её состав», после чего «неминуемо восстановится её сильная внешняя политика и начнётся обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы»¹⁹. Справедливость данных слов подтвердят последующие события.

В мае 2014 г., размышляя о причинах и последствиях «крымской весны», С. Киселёв отмечал: «Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Ещё в XVIII веке была сформулирована такая максима – кто владеет Крымом, тот контролирует Чёрное море и Северное Причерноморье. В настоящее время этот регион – один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте». «Для России возвращение Крыма в её состав, – акцентировал он, – есть первый шаг на пути восстановления её миродержавного значения, возвращения статуса супердержавы». Кроме того, указывал исследователь, «смысл Крыма для России в том, что древняя земля Тавриды – колыбель русского Православия! Здесь принял крещение Святой Владимир. Отсюда началось распространение православной веры на Руси. Той Веры, которая наложила неизгладимый мистический отпечаток на всю её историю; Веры, сформировавшей “загадочную русскую душу”, тайна которой по-прежнему остается недоступной чужакам»²⁰.

В рамках теории Новороссии крымскими авторами было обосновано положение о наличии особой крымско-русской идентичности. Так, в 2006 г. С. Киселёв подчёркивал, что «спустя двести лет после присоединения Крыма к России, русская культура настолько укоренилась на крымской земле, включив её в свой генетический код, что началась её пространственная самоорганизация, подтверждением чему и является крымско-русская идентичность. Сегодня крымская русская идентичность – уже реальность, а крымские русские – этнографическая константа в многонациональном составе населения полуострова, политический и правовой субъект, с которым рано или поздно придётся считаться, если мы действительно хотим мира и согласия на благословенной земле Крыма»²¹.

Комплексное продолжение теории Новороссии получила в трудах крымского политолога,

доцента Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского А. Филатова. «Россия – становящаяся цивилизация, – констатировал он в марте 2014 г., – Древняя (Новгородско-Киевская) Русь и Московская Русь – воспроизводство Византийской цивилизации. Царская Россия и Советская Россия – воспроизводство европейской цивилизации. Сейчас формируется собственно Российская цивилизация на базе Российского социокультурного пространства. <...> Перспективы российской цивилизации строятся, исходя из следующей концептуальной модели. Историко-временная ось человеческой культуры возникает из последовательно сменяющихся друг друга уровней и в различной степени активности взаимодействующих очагов культуры: Южная Африка (архаическая культура древнейшего человека, до периода отстоящего от нашего времени в 40 тысяч лет); Средиземноморье – Ближний Восток – Индия – Китай (Древний Египет, Древняя Месопотамия, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Древний Рим, 10–2 тысячи лет назад); Европа (эпоха Средневековья, Нового и Новейшего времени, вплоть до сегодняшнего дня); Россия (Новороссия, становление в XXI веке)»²².

Расширенная аргументация обозначенной концепции была представлена в монографии А. Филатова «Геополитика в цивилизационном измерении», увидевшей свет в начале 2014 г. В ней, на базе глубинного историко-культурологического и геополитического анализа, исследователь заключал: «Таким образом, фиксируется продвижение очагов глобальных исторических культурных комплексов с юга на север планеты. Что даёт основания предполагать возникновение следующего очага мировой оси культуры на севере от Евразийского, на территории Урала и Южной Сибири – Российского очага мировой культуры»²³.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что крымским учёным удалось вывести ряд значимых положений, имеющих отношение к теории Новороссии.

Предваряет их теоретические усилия исследование специфики изучения пространства Новороссии за последние 250 лет, учитывая разграничение на субрегионы и тематические направления. В связи с этим предлагаются трактовки её границ, которые различаются в зависимости от смыслового контекста, подразделяясь на исторические, политические и народнохозяйственные. Под макрорегионом Новороссии подразумеваются территории, которые на определённом этапе контролировались Крымским ханством, а впоследствии подверглись социокультурной трансформации в рамках Российской империи и СССР, что даёт основания называть это пространство «Большим Крымом».

В контексте осуществления геополитического анализа ситуации, связанной с территорией

Новороссии, крымские исследователи отмечали, что данное пространство разделяется на части границами новых независимых государств, производной чего становится проявление у местного населения феномена ностальгии по СССР. При этом перед формирующимся в рамках русского этноса новороссийским субэтносом должна стоять цель освоить степную полосу Евразии для того, чтобы наличие «Русского материка» (Российской Федерации) подкреплялось существованием «Русского архипелага» – территорий, в границах которых русские могли бы чувствовать себя как на Родине, не меняя культурной и этнической идентичности.

Важной составляющей вклада в развитие рассматриваемой теории представляется выявление влияния природных факторов (степной ландшафт, море и недра) на социально-демографические, этнонациональные процессы, идентичность и культуру населения территорий Новороссии. На протяжении тысячелетий данное пространство выступало своего рода коридором, через который продвигались массы преимущественно кочевых этносов. В этом отношении вплоть до XVIII в. ни один из них не смог сформировать устойчивого оседлого сообщества. Фактор близости моря способствовал связи территорий Новороссии со Средиземноморьем и проявлению у них функций посредника и проводника в продвижении достижений и ценностей юга Европы на русский Север. А открытие на этих землях месторождений угля и железной руды привело к промышленному перевороту, следствием которого стало освоение региона выходцами из различных социальных слоёв и этносов.

Вызванная указанными факторами интенсивность социально-демографических трансформаций обусловила высокую подвижность социального ландшафта Новороссии, который характеризовался более медленными темпами осознания местными жителями собственной идентичности. Впоследствии сформировавшийся характер культуры населения этих территорий – подвижный, открытый, приморский, индустриальный, современный и отчасти брутальный – существенно отличается от континентального и сельского украинского типа.

Тезисом, получившим развитие в рамках рассматриваемой теории, стало утверждение крымских исследователей о том, что возвращение Крыма в состав России будет способствовать укреплению её геополитических позиций на Чёрном море и в Северном Причерноморье, а также возвращению статуса сверхдержавы. В этом контексте акцентировалась и сакральная роль полуострова как колыбели русского Православия. Отмечалось, что за более чем двести лет с момента присоединения Крыма к России у большинства населения полуострова сформировалась крымско-русская идентичность.

Производной теории Новороссии стала геополитическая концепция, обосновывающая идею о процессе продвижения очагов глобальных культурно-исторических комплексов с юга на север и возможности возникновения следующего – Российского – очага мировой оси культуры на территории Урала и Южной Сибири.

Примечания

- ¹ Крашенинникова В. Россия – Америка : холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М. : Европа, 2007. С. 189.
- ² Холмогоров Е. «И всякий остров спасая». Памяти Вадима Цымбурского // Русский обозреватель. URL: <http://www.rus-obr.ru/day-comment/2254#comments> (дата обращения: 28.03.2019).
- ³ См.: Пашковский П. И. Генезис и специфика общественных противоречий в контексте проблемы внешнеполитического позиционирования Украины // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филология. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70), № 3. С. 137–146 ; *Его же*. «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации // Личностная депривация : юридический, психологический, междисциплинарный аспекты / отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров ; пер. Е. А. Федорова. Волгоград : Царицынская полиграфическая компания, 2014. С. 364–372 ; Юрченко С. В. Социально-политический кризис в Украине в контексте формирования новой системы международных отношений // Там же. С. 397–411.
- ⁴ См.: Внешняя политика России. 1991–2016 / Т. А. Шапклина, А. Н. Панов, А. С. Булатов [и др.] ; под общ. ред. и с предисл. А. В. Торкунова. М. : МГИМО-Университет, 2017. С. 245 ; Иванов И. С. Украинский кризис через призму международных отношений. М. : НП РСМД, 2015. С. 7–32.
- ⁵ См.: Мальгин А. Новороссия : границы пространства // Зеркало Крыма. URL: http://zerkalokryma.ru/specialproject/novorossiya/novorossiya_granicy_prostranstva/ (дата обращения: 28.03.2019).
- ⁶ См.: Морозов Е. Теория Новороссии // Белый мир. URL: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000102/001/00122008.htm> (дата обращения: 28.03.2019).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Мальгин А. Русский Новый свет // Зеркало Крыма. URL: http://zerkalokryma.ru/specialproject/novorossiya/russkij_novuj_svet/ (дата обращения: 28.03.2019).
- ⁹ Мальгин А. Новороссия : границы пространства.
- ¹⁰ Никифоров А. Хворый парубок Европы. Геополитические перспективы независимой Украины // Альманах «Остров Крым». URL: <http://ok.archipelag.ru/part2/hvoriy.htm> (дата обращения: 28.03.2019).
- ¹¹ Никифоров А. Геополитические циклы и перспективы Русского мира в свете теории Новороссии // Геополитика. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/geopoliticheskie-cikly-i-perspektivy-russkogo-mira-v-svete-teorii-novorossii/> (дата обращения: 28.03.2019).

- ¹² Андрей Никифоров : «На нашем поколении лежит ответственная задача – собрать воедино Новороссию» // Новоросс.info. URL: <http://www.novoross.info/general/24355-andrey-nikiforov-na-nashem-pokolenii-lezhit-otvetstvennaya-zadacha-sobrat-voedinonovorossiyu.html> (дата обращения: 28.03.2019).
- ¹³ Никифоров А. Колумб Новороссии // Зеркало Крыма. URL: http://zerkalokryma.ru/specialproject/novorossiya/kolumb_novorossii/ (дата обращения: 28.03.2019).
- ¹⁴ Мальгин А. Новороссия : человек и природа // Зеркало Крыма. URL: http://zerkalokryma.ru/lenta/people/opinions/novorossiya_chelovek_i_priroda/ (дата обращения: 28.03.2019).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Киселёв С. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» // Крымское эхо. URL: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606> (дата обращения: 28.03.2019).
- ¹⁷ См.: Киселёв С. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/analitika/2006/11/13/krymskaya_russkaya_identichnost_kak_etnopoliticheskaya_real_nost (дата обращения: 28.03.2019).
- ¹⁸ См.: Киселёв С., Киселёва Н. Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь : Крымский архив, 1994.
- ¹⁹ Там же. С. 33–34.
- ²⁰ Сергей Киселёв : «Смысл Крыма для России в том, что это колыбель русского православия» // REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1799130.html> (дата обращения: 28.03.2019).
- ²¹ Киселёв С. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность.
- ²² Филатов А. С. Крымский референдум как аспект геополитики в цивилизационном измерении // Западная Русь. URL: <http://zapadrus.ru/rusmir/pubru/988-anatolij-filatov-krymskij-referendum-kak-aspekt-geopolitiki-v-tsivilizatsionnom-izmerenii.html> (дата обращения: 28.03.2019).
- ²³ Филатов А. С. Геополитика в цивилизационном измерении. Симферополь : Антиква, 2014. С. 197.

Образец для цитирования:

Пашковский П. И. Теория Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 335–340. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-335-340>

Cite this article as:

Pashkovsky P. I. Theory of Novorossia within the Crimean Social and Humanitarian Discourses. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 335–340 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-335-340>

УДК 323

Особенности государственной политики в области использования и охраны лесов в Российской Федерации

Е. А. Максимова

Максимова Екатерина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, Кубанский государственный университет, Краснодар, maksimova2005@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы политики реформ для повышения эффективности лесного законодательства и государственного управления владением, использованием и охраной леса, распоряжением лесными ресурсами в Российской Федерации с учетом сложившихся противоречий в формах собственности на леса и особенностей влияния природных и антропогенных факторов на состояние леса. На основе анализа правовых форм и методов государственного регулирования лесных отношений делается вывод о необходимости серьезных изменений Лесного кодекса Российской Федерации 2006 г. и смежного с ним законодательства, обеспечивающего развитие лесопользования и охрану леса.

Ключевые слова: политика реформ, лесопользование, охрана леса, лесные правонарушения, государственное управление, законодательство.

Peculiarities of State Policy in the Field of Use and Protection of Forests in the Russian Federation

E. A. Maksimova

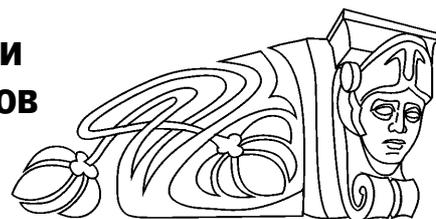
Ekaterina A. Maksimova, <https://orcid.org/0000-0002-4968-9473>, Kuban State University, 149 Stavropol St., Krasnodar 350040, Russia, maksimova2005@mail.ru

The article deals with topical issues of reform policy for the purposes of effective forest legislation and state management of forest ownership, use and protection, management of forest resources in the Russian Federation, taking into account the existing contradictions in the forms of ownership of forests and the impact of natural and anthropogenic factors on the current state of forests. Using the legal forms and methods of forest relations regulation, the author makes an inference that serious changes of the 2006 Forest code of the Russian Federation and related legislation are necessary to ensure the development of forest management and forest protection.

Key words: reform policy, forest management, forest protection, forest offenses, public administration, legislation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-341-345>

Лесной фонд Российской Федерации занимает значительную часть всех земель. В связи с этим российское лесное законодательство было в полной мере ориентировано на использование лесов как природных ресурсов. При этом в законодательстве содержались и нормы по соблюдению природоохранного принципа «о приоритете охраны природных объектов перед их использованием в качестве природного ресурса»¹.

В 1998 г. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении указал, что лесной фонд является «публичным достоянием многонационального народа Российской Федерации, а также является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим, поскольку роль его многофункциональна и жизненно важна и значима для общества и государства»². Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что на данном этапе государство должно быть крайне заинтересовано в сохранении и развитии леса не только как природного ресурса, но и как природного объекта (биогеоценоза в целом). Однако, в силу современных экономических условий, принципы охраны и рационального использования лесов еще не стали основой всего лесного законодательства в Российской Федерации. На несовершенство всего российского законодательства обратил внимание и Президент РФ, участвуя 24 апреля 2019 г. на заседании Совета законодателей Российской Федерации обеих палат Федерального Собрания, рекомендовал в ускоренном порядке совершенствовать российские законы³. Отсюда следует, что существует государственная политика в области повышении эффективности самого законодательства и государственного управления использованием и охраной лесов в Российской Федерации, а также значения леса как природного объекта и природного ресурса в экономике страны, его особой роли в жизнедеятельности всех россиян. Здесь следует учитывать и то, что на отдельных территориях России имеют место хищническое использование лесного фонда, пожароопасные условия в использовании и эксплуатации лесов. При этом население страны почему-то ограничено в льготном (или бесплатном) использовании сухостоя и валежника, в свободном пребывании в лесах по сбору грибов, ягод и проч. Поэтому крайне велика и актуальна роль политики ускоренного совершенствования лесного законодательства и института государственного управления в сохранении, увеличении и рациональном использовании лесных ресурсов и охраны леса, обеспечении конституционных прав граждан на общее и специальное лесопользование.

Для обеспечения рационального использования, а также охраны лесов и земель лесного фонда важное значение имеет системная организация государственного управления в данной сфере. В основе классификации органов, которые сегодня осуществляют государственное управление, контроль и надзор в этой сфере, лежат установленные

функции, задачи, компетенции, а также объем и характер их полномочий, изложенных в законах и подзаконных актах. В связи с этим в нормативных актах и на практике принято различать органы исполнительной власти общей компетенции и специально уполномоченные государственные органы специальной компетенции. Исполнительными органами государственной власти общей компетенции в этой сфере является Правительство Российской Федерации, а также исполнительные органы власти субъектов Федерации. Каждый из таких органов в пределах предоставленных им полномочий выполняет функции управления лесами, а также землями лесного фонда на всей территории страны или же на территории субъекта Российской Федерации независимо от того, в чьем владении или же использовании находятся леса и земли лесного фонда.

Правительство Российской Федерации осуществляет государственное управление в области использования, охраны, а также защиты лесного фонда и воспроизводства лесов напрямую путем издания соответствующей нормативной правовой базы или же через созданные им специально уполномоченные федеральные органы исполнительной власти⁴. Функции по государственному управлению в данной сфере выполняют и органы исполнительной власти субъектов Федерации – осуществляют собственные полномочия напрямую или же через свои территориальные органы управления лесным хозяйством, если передача лесных полномочий осуществлена соглашением между органами исполнительной власти субъектов РФ и органами исполнительной власти Российской Федерации.

Специально уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области использования, воспроизводства, охраны и защиты лесов, являются: Министерство природных ресурсов и экологии – в части рационального природопользования и охраны окружающей среды; Министерство сельского хозяйства – в части использования и охраны животного и растительного мира; Министерство здравоохранения и социальной защиты населения – в части обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения; Министерство по чрезвычайным ситуациям России – в части обеспечения пожарной безопасности лесов⁵. Федеральная служба по природопользованию, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия населения, Федеральная служба по фитосанитарному надзору, Федеральный ветеринарный надзор являются специально уполномоченными федеральными государственными органами экологического надзора. Федеральное агентство лесного хозяйства выполняет государственные функции государственного лесного надзора (лесная охрана)⁶. Названные министерства Правительства РФ наделены функциями управления в конкретно уста-

новленных сферах, с правом издания нормативных правовых актов, в то время как приведенные государственные органы экологического надзора подчинены министерствам, при которых они созданы как отдельные службы и потому не наделены функцией издания нормативных правовых актов. Государственные органы экологического надзора осуществляют только контроль и надзор за неукоснительным исполнением действующего природоресурсного и экологического законодательства, включая и исполнение нормативных актов Правительства РФ и названных министерств. В отличие от них, Федеральное агентство лесного хозяйства с функцией государственного лесного надзора и Ростехнадзор находятся в подчинении Правительства РФ и наделены министерскими полномочиями управления и издания нормативных правовых актов в сфере охраны лесов и регулирования экологической, ядерной, технологической и радиационной безопасности

У приведенных государственных органов имеются важные функции управления в области использования и охраны лесов и земель лесного фонда: а) обеспечение выполнения мероприятий по восстановлению леса, по мелиорации леса, по рациональному хозяйственному ведению леса; б) нормативное обеспечение лесоустройства, создание порядка и методики лесоустройства; в) обеспечение организации лесных аукционов и конкурсов, а также установление порядка их проведения; г) рассмотрение ходатайств о переводе лесных земель в нелесные для использования их в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства и использованием лесным фондом, а также об изъятии земель лесного фонда.

Функции, компетенция и полномочия органов исполнительной власти в сфере использования и охраны лесов приведены в Лесном кодексе РФ и положениях о названных министерствах и ведомствах Правительства РФ. Кроме приведенных органов, управленческой, надзорно-контрольной деятельностью в сфере использования и охраны лесов и земель лесного фонда занимаются органы субъектов РФ и иные специально уполномоченные органы, например, осуществляющие распоряжение государственными лесными ресурсами, ведущие учет государственного лесного фонда, лесной кадастр, мониторинг и другие лесоохраняющие действия. Общее и конкретное управление лесоустройством включает в себя и организацию мероприятий в системе обеспечения рационального использования леса, повышения эффективности ведения лесного хозяйства, а также внедрения наилучших доступных технологий в условиях технологического развития страны⁷. Управление охраной лесов от пожаров имеет исключительно государственное значение, поскольку лесные пожары относятся не только к природным факторам, но и человеческим действиям, что предполагает осуществление комплекса важнейших мероприятий, направленных

на предупреждение, обнаружение, а также тушение пожаров в лесах. Это влияет на установление ограничений прав и расширение обязанностей лесовладельцам и лесопользователям. Противопожарную функцию в лесах выполняют все лесовладельцы и лесопользователи и Министерство по чрезвычайным ситуациям России. Наиболее важной задачей охраны лесов от различных пожаров является выполнение системных мер в сфере предупреждения возникновения лесных пожаров, а также ограничения их распространения и создания условий для того, чтобы была обеспечена наиболее успешная борьба с ними⁸. Наиболее полное, а также эффективное сохранение лесов может обеспечиваться и путем введения специального правового режима для особо охраняемых природных территорий⁹. В пределах такого рода территорий в полной мере налагается запрет на использование лесов, а также запрещается любая деятельность, которая является несовместимой с целями охраны животных и растительности.

Организационно-правовые методы регулирования охраны, а также использования лесов предусматривают: государственный учет; ведение лесного кадастра; государственный мониторинг лесного фонда, нормирование и лицензирование в сфере использования и охраны лесов; разработка программ по охране лесов; экологическая экспертиза проектов использования и охраны лесов, лесоразведение и лесовосстановление.

На основе изложенного можно прийти к выводу о том, что реформа управления использованием и охраной лесов в России на современном этапе развития включает обязательность трансформации (серьезного совершенствования) лесного и смежного с ним российского законодательства и распространяется на все правовые институты лесных правоотношений, что является одним из важнейших направлений государственной политики в этой сфере. Охрана лесов крайне важна не только по причине простого их сохранения в составе охраны окружающей среды, но еще и по той причине, что лесные ресурсы являются важнейшим продуктом экономического развития страны. При этом не следует забывать о том, что социально-экономическое развитие общества осуществляется в условиях одновременного удовлетворения как экологических, так и природоресурсных потребностей и интересов, реализация которых постоянно находится в «единстве и борьбе противоположностей»¹⁰. Это должно обязательно учитываться в политике реформирования законодательства и структуры управления, контроля и надзора в лесных правоотношениях.

Сложившиеся узаконенные формы и порядок лесовладения (собственность или аренда) и лесопользования (физические и юридические лица, которые наделены правом использования лесных ресурсов и обязанностью охраны леса). Нарушение их может быть выражено в таких действиях, как самовольное владение и распоряжение лес-

ными ресурсами и иными богатствами лесных участков, невыполнение правил заготовки древесины либо не древесных материалов, игнорирование правил охраны леса и т. д. Лесонарушение является результатом осуществления контроля и надзора за исполнением лесного и смежного с ним законодательства. В литературе предлагаются различные классификации нарушений лесного законодательства исходя из установленных видов юридической ответственности¹¹.

Природоресурсный и экологический вред – это основные виды ущерба, которые наносятся лесному фонду различными правонарушениями. Незаконная рубка лесной растительности и ее вывоз в личных или коммерческих целях – это природоресурсные правонарушения. Загрязнение леса негативными выбросами в водные объекты и атмосферный воздух, организация свалок в лесах и землях лесного фонда и т. п. сказываются на состоянии леса. И это уже экологический вред и нарушение природоохранного законодательства в лесных правоотношениях.

В ст. 99 Лесного кодекса Российской Федерации за нарушение лесного законодательства идет отсылка на применение административной и уголовной ответственности. Хотя лесное законодательство, как неотъемлемая часть природоресурсного и экологического законодательства РФ, должно предусматривать применение и такого вида юридической ответственности, как приостановление и лишение специального права лесопользования¹².

Также следует отметить, что лица, привлеченные к ответственности, обязаны возместить причиненный ими вред, и тем самым будет устраняться совершенное лесонарушение. Это предусмотрено и в ч. 2 ст. 99 Лесного кодекса РФ. Однако здесь следует отметить, что данная статья признана Конституционным Судом РФ частично не соответствующей нормам Конституции Российской Федерации. Это несоответствие определялось тем, что норма носила неточность нормативного содержания и могла повлечь неоднозначность истолкования, и это создавало возможность произвольного применения ст. 99 при установлении размера возмещения вреда, который был причинен лесам из-за нарушения лесного законодательства. Рекомендации Конституционного Суда были приняты Правительством РФ путем утверждения специальной методики расчета причиненного ущерба лесам¹³.

Основанием для привлечения лиц к отдельным видам юридической ответственности является состав лесного правонарушения, включающий: противоправное действие (или бездействие), наличие вреда (ущерба) лесным правоотношениям, причинно-следственная связь между незаконными действиями (бездействием) с причиненным вредом (ущербом), вина лесного правонарушителя. Как уже говорилось выше, данное правонарушение в лесном законодательстве принято

называть лесонарушением. Субъектами административной ответственности являются граждане, достигшие возраста шестнадцати лет, а также юридические лица и их должностные лица. Применяемый денежный штраф является санкцией и мерой административного наказания за совершенное лесонарушение. Составы лесных административных деликтов (правонарушений) и механизм реализации административной ответственности регулируется КоАП РФ¹⁴. Ежегодно на территориях субъектов выявляются те или иные составы административных нарушений лесного законодательства. Нарушители наказываются штрафами, нередко они возмещают и причиненный ущерб лесам. Основанием для возбуждения административного производства является акт о лесонарушении и протокол уполномоченного должностного лица государственной лесной охраны. При этом инспекторы государственного лесного надзора (лесной охраны) обязаны руководствоваться лесным и смежным с ним законодательством России, нормами Конституции РФ и утвержденным Минприроды России Административным регламентом исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного лесного надзора (лесной охраны)¹⁵.

Уголовным кодексом Российской Федерации предусматривается ответственность за такие преступления, как незаконная рубка лесных насаждений, уничтожение или повреждение лесных насаждений, нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов. Эти преступления входят в группу экологических преступлений, перечень которых содержится в гл. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁶. Следует отметить, что те преступления, за которые предусмотрена уголовная ответственность, имеют некоторую схожесть по составу с теми правонарушениями, за которые предполагается административная ответственность, но первые несут большую социальную опасность, так как ущерб значительно превышает ущерб, наносимый административными лесными деликтами. В качестве примера можно взять ст. 63 Кодекса об административных правонарушениях РФ и ст. 260 Уголовного кодекса РФ. Диспозиция данных статей схожа – это незаконная рубка лесных насаждений. И только способ и размер причиненного ущерба будет определяющим фактором в выборе вида ответственности: административной или уголовной.

Рассмотрим содержание ст. 260–262 УК РФ. Статья 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» предполагает умышленное совершение предусмотренных в ней действий, классифицированных по трем частям. В рассматриваемой статье предусмотрены квалифицирующие признаки тяжести совершенного лесного преступления и влекущие увеличение наказания за содеянное. Статья 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений» предполагает иные действия, чем ст. 260 УК, но в то же время выделяет

квалифицирующие признаки опасности совершаемых действий в лесных правоотношениях. Статья 262 предусматривает ответственность за нарушение установленного правового режима особо охраняемых территорий и природных объектов, к которым относятся заповедники, заказники, национальные парки, памятники природы. Преступления в этой области направлены на объекты, которые представляют особую экологическую ценность для Российской Федерации.

По результатам проведенного исследования можно сделать определенные выводы о политике сдерживания или своевременного проведения реформ лесного и смежного с ним законодательства, что скажется и на реформировании института государственного управления использованием и охраной лесов в Российской Федерации.

Во-первых, лес является природным компонентом в ландшафте России. Объем всей древесины в наших лесах занимает примерно четверть от общемирового количества. Лес – важнейший источник значительного количества жизненно важных продуктов сохранения, восстановления здоровья людей, объект формирования трудовой, хозяйственной деятельности, доходная часть национального бюджета РФ. Поэтому повсеместно должны пресекаться незаконные рубки и использование лесных ресурсов в целях личного, а не общественного обогащения, загрязнение лесов, рукотворные лесные пожары, уничтожающие леса и все то, что с ними связано, на огромных территориях страны. В связи с этим актуализация управления лесами и правовой охраны лесов является крайне необходимой и востребованной населением из-за постоянно появляющихся проблем предупреждения лесных пожаров, лесовосстановления и лесоразведения в деятельности лесовладельцев и лесопользователей.

Во-вторых, Российское государство установило новую экологическую политику до 2030 г. и определило сохранение лесов, а также улучшение окружающей среды одной из наиболее приоритетных целей деятельности общества и государства¹⁷. Здесь окружающая природная среда была включена в систему социально-экономических отношений как один из наиболее важных компонентов национального достояния. Поэтому нужна новая политика организации и проведения экологических и природоресурсных реформ, в составе которых находится лесное законодательство и институт государственного управления использованием и охраной лесов Российской Федерации.

Особое место в политике правового механизма лесных отношений должно отводиться государственному управлению лесами, которое представляет собой основанную на лесном законодательстве деятельность уполномоченных на то государственных органов по организации рационального использования и охраны лесов. В настоящее время на федеральном и региональном уров-

ных имеются многочисленные органы управления, деятельность которых неэффективна и требует изменений по структуре и исполняемым функциям, компетенциям и полномочиям. Для того чтобы государственное управление использованием и охраной лесов осуществлялось наиболее эффективным образом, на современном этапе развития общества и государства крайне важно реализовать целый комплекс мер, которые бы были направлены на совершенствование всех форм и видов лесных отношений. Это позволит путем реформирования создать систему управления лесным фондом, включающим применение современных технологий, реализацию экономико-правовых и организационно-правовых методов использования и охраны лесов Российской Федерации.

Примечания

- ¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50, ст. 5278 ; Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 12, ст. 6502.
- ² По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 3, ст. 429 .
- ³ См.: Встреча Президента РФ В. В. Путина с членами Совета законодателей РФ 24 апреля 2019 года. Таврический дворец. Санкт-Петербург. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 27.04.2019).
- ⁴ См.: О Правительстве Российской Федерации : федер. конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 51, ст. 5712.
- ⁵ См.: Положение о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 11.11.2015 № 1219 (ред. от 25.12.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 47, ст. 6586.
- ⁶ См.: Перечень должностных лиц Федерального агентства лесного хозяйства и его территориальных органов, осуществляющих федеральный государственный лесной надзор и являющихся государственными лесными инспекторами : утв. постановлением Правительства РФ от 22.06.2007 № 394 «Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного лесного надзора (лесной охраны)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 27, ст. 3282 ; 2015. № 5, ст. 842.
- ⁷ См.: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 1.12.2016 № 642. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.04.2019).
- ⁸ См.: Правила пожарной безопасности в лесах : постановление Правительства РФ от 30.06.2007 № 417 (ред. от 14.04.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 28, ст. 3432.
- ⁹ См.: О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах : федер. закон от 23.02.1995 № 26-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 9, ст. 713 ; Об особо охраняемых природных территориях : федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 12, ст. 1024.
- ¹⁰ См.: Разгельдеев Н. Т. К вопросу о правовой природе экологического и природно-ресурсного права // Вестн. ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2014. № 2 (23). С. 29–36.
- ¹¹ См.: Дубовик О. Л. Уголовно-экологическая политика : формирование, тенденции, задачи // Политика и общество. 2015. № 7–8. С. 32–45.
- ¹² См.: Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.12.2015).
- ¹³ См.: Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства : постановление Правительства РФ от 08.05.2007 № 273 (ред. от 02.06.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 20, ст. 2437.
- ¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.04.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
- ¹⁵ См.: Административный регламент исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) : утв. Приказом Минприроды России от 12.04.2016 № 233. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2019).
- ¹⁶ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
- ¹⁷ См.: Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ 30.04.2012. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Образец для цитирования:

Максимова Е. А. Особенности государственной политики в области использования и охраны лесов в Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 341–345. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-341-345>

Cite this article as:

Maksimova E. A. Peculiarities of State Policy in the Field of Use and Protection of Forests in the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 341–345 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-341-345>

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 32.009

Этнополитическая система общества: к определению понятия

И. И. Болотина

Болотина Инна Ивановна, аспирант кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, innok1706@mail.ru

В статье рассматривается целесообразность введения и определения категории «этнополитическая система» для анализа политических процессов с участием этнических групп. Также автором раскрываются структурные элементы этнополитической системы и принципы работы с данной исследовательской моделью.

Ключевые слова: политическая система, этническая группа, исследовательская модель анализа, этнополитическая система.

Ethnopolitical System of Society: To the Definition of the Concept

I. I. Bolotina

Inna I. Bolotina, <https://orcid.org/0000-0002-4181-6167>, Tula State University, 92 Lenin Ave., Tula 3000012, Russia, innok1706@mail.ru

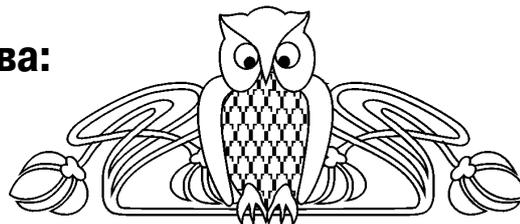
The article discusses the practicability of introducing and defining the category "ethnopolitical system" for analyzing political processes implying participation of ethnic groups. The author also reveals structural elements of the ethnopolitical system and principles of working with this research model.

Keywords: political system, ethnic group, research model of analysis, ethnopolitical system.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-346-350>

Национальные государства как одна из форм политической организации нации в современном виде существуют довольно длительное время. В рамках национального государства образуются уникальные типы политической, социальной и экономической культур, которые предопределяют специфику политических и социальных отношений, а также формы хозяйствования. Кроме того, национальное государство обеспечивает меньшинствам условия для сохранения их культурной самобытности и реализации социально-политических интересов.

Глобальные процессы вносят изменения в сложившиеся социально-политические и экономические отношения внутри государств, в результате чего политическая элита вынуждена искать новые идеологические концепты для дальнейшего развития национальных политических систем. В частности, распространение массовой поп-культуры и увеличение роли транснациональных компаний в экономиках

национальных государств имеют не только положительные, но и отрицательные последствия, которые привели к актуализации этнического фактора в политических процессах. Это происходит вследствие того, что быстрые изменения в социокультурном, экономическом и политическом пространствах, характерные для мировых политических процессов, не отвечают природе этнических групп, которые, напротив, обеспечивают преемственность сложившегося культурного, социально-экономического и политического уклада жизни.

Стоит отметить, что мировые политические процессы сегодня отмечены явлениями, когда общемировая политическая нестабильность оказывается благоприятной средой для «восстановления исторической справедливости». Например, проведение референдума о независимости Шотландии в сентябре 2014 г. и создание автономного сообщества Каталония в октябре 2017 г. являются свидетельствами того, что этнический фактор может актуализироваться не только вследствие изменения мировой политической ситуации, но и в связи с наличием тяжелого латентного противоречия внутри самого национального государства.

Этнический фактор проявляется в современных политических процессах в двух направлениях: в стремлении граждан национального государства защитить и сохранить сложившиеся социально-политические и культурные основы своего развития (Германия, Франция, Англия); в требованиях этнических групп сохранить свою социокультурную самобытность и предоставить более широкие политические права. В сложившихся условиях политические системы национальных государств испытывают двойной кризис, порожденный ее внутренними элементами (этническими субъектами) и внешней средой. В результате этого в рамках национального государства есть потребность в выработке такой национальной политики, которая позволит адаптироваться к изменяющимся мировым социально-политическим условиям и адекватно реагировать на политические требования этнических акторов.

Таким образом, этнический фактор является важной детерминантой в развитии и эволюционировании политических систем национальных государств. Учитывая все возрастающую акту-

альность данной темы для анализа мировых и внутригосударственных политических процессов¹, существует необходимость разработки категориального аппарата для дальнейших научных изысканий в указанной области.

В научной литературе для описания процессов, протекающих под влиянием этнического фактора, используются рамочные конструкции, заключенные в категориях «политическая система» и «этническая система». Первая введена и подробно операционализована классиками политической науки Д. Истоном и Г. Алмондом. По определению Д. Истона, политические взаимодействия в обществе представляют собой систему², находящуюся в определенном взаимодействии с внешней средой. Он отмечал, что система подвергается большому числу воздействий, и предложил сводить это множество к ограниченному числу индикаторов при помощи использования термина «вход», при этом термин «выход» фиксирует совокупность политических решений и действий властей.

Другая категория, применяемая для описания социально-политической активности титульных и миноритарных этнических групп в политическом пространстве, имеет название «этническая система». Первая ее трактовка видится нам довольно поверхностной: согласно данному определению, этническая система представляет собой совокупность этнических общностей, проживающих в пределах одного государства и вступающих между собой в комплекс сложных взаимоотношений³. Иная интерпретация этнической системы принадлежит Л. Н. Гумилёву⁴. Исследователь ставит знак равенства между категориями «этническая система» и «этнос», а структурными элементами здесь выступают люди: пассионарии (наиболее талантливые и целеустремленные представители этнической группы, носители высшей миссии), субпассионарии (обделенные энергией и умениями члены социума) и гармонические люди (способные реализовать свои интересы, хорошо адаптироваться в предложенных условиях жизни, но не имеющие достаточной энергии для восприятия и претворения в жизнь великой идеи).

Существующие в политической науке категории «политическая система» и «этническая система» применимы в тех случаях, когда политическое и этническое являются для исследователя отдельными единицами анализа, но изучение сферы их пересечения предполагает гносеологическую деятельность, оперирующую иным категориальным аппаратом. Потребность в категории, способной воплотить некую модель пространства взаимодействия этнических групп в политических процессах, способствовала возникновению категории «этнополитическая система», которая введена в научный оборот Л. Л. Хопёрской. Данную категорию она трактует как совокупность «властных структур различ-

ных уровней и акторов, позиционирующих себя как этнических»⁵.

В отечественной политической науке некоторые исследователи предпринимали попытки использования категории «этнополитическая система» в научном дискурсе. Например, политологи А. Н. Асаул, М. А. Джаман и П. В. Шуканов склоняются к точке зрения, согласно которой этнополитические системы есть цивилизации как объекты пространства политического⁶.

Перечисленные трактовки этнополитической системы имеют свои очевидные достоинства. Л. Л. Хопёрская делает акцент на структурах, которые отстаивают интересы той или иной этнической группы в поле политики. Во втором определении этнический фактор выступает в качестве отправной точки развития государства и цивилизации в целом. Однако данные интерпретации этнополитической системы имеют и некоторые недостатки. Сама идея введения новой категории принадлежит Л. Л. Хопёрской, однако в ее трактовке она применима, скорее, для описания этнополитической системы региона, но не государства в целом, хотя бы по причине того, что в реальной политической практике на федеральном уровне не так много властных структур, открыто позиционирующих себя в качестве этнических, таковые имеют место быть как раз на уровне административных субъектов (франко- и англоязычные провинции Канады, Шотландия как автономный субъект Великобритании, национальные республики РФ и др.). Кроме того, этнополитическая система едва ли состоит только из неких структур, скорее, она имеет более сложное содержание.

Определение А. Н. Асаула, М. А. Джамана и П. В. Шуканова, безусловно, видится нам любопытным с точки зрения изучения значимости этнополитического фактора в политических процессах в исторической ретроспективе. Однако с точки зрения общей теории систем данная система обладает несколькими иными характеристиками, которые важно отразить в ее определении. В частности, один из разработчиков такого подхода, А. Н. Аверьянов⁷, выделяет следующие характеристики системы:

- наличие системообразующих элементов;
- установление структуры как формы взаимосвязи элементов;
- определение функционала элементов и системы в целом;
- наличие цели существования системы;
- анализ законов и тенденций развития системы.

Сообразуясь с вышесказанным, для анализа современных политических процессов с участием этнических групп мы хотели бы предложить несколько иную интерпретацию категории «этнополитическая система» – это умозрительная модель политологического анализа, которая включает в себя все этнические группы, прожи-

вающие в конкретном государстве; специфику взаимодействия между ними и государственными политическими институтами; потенции этнической группы при реализации своих интересов в политическом и социально-экономическом пространстве. Этнополитическая система имеет следующие компоненты:

- институциональный – институты, в рамках которых протекают этнополитические процессы;
- нормативно-регулятивный – правовые и моральные нормы, а также неформальные практики взаимодействия;
- культурно-идеологический – политическая идеология и культура, каналы и формы взаимодействия участников процесса;
- внешняя среда.

Придерживаясь указанной выше логики, опишем элементы этнополитической системы. Институциональный компонент этнополитической системы представлен совокупностью политических институтов, регулирующих различные виды деятельности актора в политике. Политические институты целесообразно рассматривать на уровне институтов государственной власти (с учетом их федеральной, региональной и субрегиональной специфики) и на уровне институтов гражданского общества.

Уровень институтов государственной власти включает в себя институты президентства и исполнительной власти, институт парламентаризма, институт судебной власти. Далее следует уровень институтов гражданского общества. Сюда входят ассоциации, союзы, некоммерческие и общественные организации, национально-культурные автономии, включающие в свой функционал отстаивание в политическом пространстве политических, социокультурных или экономических интересов соответствующей этнической группы.

Институциональный компонент немислимо рассматривать в отрыве от нормативно-правовой составляющей этнополитической системы. Правовое регулирование этнополитических отношений тесно связано с использованием власти в качестве важнейшего инструмента легального и легитимного принуждения. В демократическом государстве регулирование базируется на конституционных принципах, определяющих правовые полномочия органов государственного управления, их институциональную иерархию, управленческий характер, предметно-отраслевые ориентиры, персонализационные параметры, системную соразмерность и сбалансированность⁸. Нормативно-правовое регулирование осуществляется только при наличии государства как гаранта закрепленных правовых норм и означает способ осуществления государственной деятельности, направленной на реализацию органами исполнительной власти функций по оказанию населению государственных услуг в сферах экономики и культуры, социального обе-

спечения и здравоохранения, охраны общественного порядка, обороны страны и т. д. в соответствии с установленными административными процедурами и регламентами⁹.

Стоит отметить, что сфера деятельности этнических групп в поле политики довольно сложна с точки зрения анализа ее нормативно-правовой составляющей. Среди международных правовых актов возможно отметить Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.¹⁰ и Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹¹. В данных документах установлены общие стандарты осуществления государствами политики в области прав человека, закрепляется неотъемлемость этих прав независимо от расы, национальности, вероисповедания и т. д. Впоследствии в международном праве появились документы, обеспечивающие правовое регулирование межнациональных отношений, как, например, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1992 г.¹². В результате ратификации данного документа получили закрепление права национальных меньшинств на развитие собственной культуры, сохранение традиций и обычаев, на пользование и обучение родному языку. В соответствии с этими нормативно-правовыми актами государства-участники обязаны создавать все условия для реализации этническими группами своих прав и, кроме того, всеми законными способами осуществлять защиту их интересов от противоправных посягательств. Кроме того, защита прав этнических групп предусмотрена положениями законодательных актов национальных государств.

Перейдем к следующему системообразующему элементу этнополитической системы – культурно-идеологическому. Большинство современных государств являются полиэтничными. В этой связи, по мнению А. А. Вилкова, этноконфессиональная проблематика является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» во внешнеполитических отношениях для создания позитивного образа своего государства за рубежом¹³. Неравновесные состояния во взаимодействии между этническими группами могут приводить этнополитическую систему к разбалансированности, что потенциально является угрозой для ее существования. В связи с этим современные государства ориентированы на построение политической культуры, базирующейся на принципах толерантности в межэтнических отношениях. Важно укреплять данные принципы именно на уровне этнического сознания. Это связано с тем, что сохранение сложившихся политических культур, а вместе с тем ценностных и поведенческих паттернов возможно благодаря их межпоколенному воспроизводству. Наиболее стабильными межпоколенными единицами являются, прежде всего, этносы¹⁴, несмотря на

кажущиеся тенденции к их ослаблению, они имеют существенное значение в процессе социализации политического актора.

Важное место в культурно-идеологическом элементе этнополитической системы занимает аспект культуры межэтнического общения. В культуре межэтнического общения, согласно А. С. Кармину, можно выделить два взаимосвязанных аспекта: внешний (ритуальный) и внутренний (социально-психологический). Первый аспект – это то, что называют «внешней культурой». Он выражается в выполнении общепринятых правил общения и этикета. Характер этих отношений образует второй, более глубокий слой культуры общения – ее социально-психологический аспект, когда речь идет о «внутренней культуре» человека. Существуют некоторые общи́е нормы человеческих отношений, сложившиеся исторически и ставшие общепринятыми в современном обществе. Они не всегда и не всеми в действительности выполняются, но поведение в соответствии с ними считается желательным, заслуживает общественное одобрение¹⁵.

Культурный компонент этнополитической системы важно рассматривать в ракурсе наличия или отсутствия каналов взаимодействия между государственными структурами и этническими группами. Наиболее значимы каналы эффективного обмена информацией на местном и региональном уровнях власти, так как именно населенные пункты являются средой обитания этнических групп, а потому профессионализм политических лидеров здесь наиболее заметен и во многом определяет уровень доверия представителей этнических групп к власти. Зачастую подобными каналами взаимодействия власти и этнических групп выступают некоммерческие организации и общественные советы при государственных структурах. Процесс взаимодействия государственных учреждений и некоммерческих организаций в этнополитической сфере связан с регулированием того или иного вопроса, а эффективность коммуникации в данном случае будет определяться наличием некой положительной динамики.

Последним элементом этнополитической системы выступает внешняя среда. Здесь стоит отметить, что модель этнополитической системы, предложенная в данной работе, является уникальной для каждого конкретного государства. Поэтому внешней средой для нее являются все процессы, протекающие в рамках «своего» государства и в других странах.

Как мы видим, модель этнополитической системы имеет довольно ясную структуру, но закономерным является вопрос, как она позволяет производить анализ влияния этнического фактора на изменение параметров политических систем национальных государств. Рассмотрим этот вопрос более подробно. Мы полагаем, что модель этнополитической системы позволяет производить научный анализ на трех уровнях:

1) первый уровень представлен изучением численного состава этнических групп в структуре населения национального государства, а также политических требований, исходящих от этнических субъектов политического процесса в адрес государственных политических институтов;

2) анализ функциональности/дисфункциональности государственных политических институтов с точки зрения их приспособления к меняющимся социально-политическим реалиям. Согласно позиции Р. Мертона, функциями стоит считать действия, которые способствуют адаптации данной политической системы, а дисфункциями – действия, которые, соответственно, снижают приспособление¹⁶;

3) оценка функциональности/дисфункциональности этнических субъектов политики в меняющихся условиях. Этнические субъекты могут поддерживать существующие в национальном государстве политические институты, а могут стремиться их видоизменить или образовать собственные. В первом случае этнические акторы делегируют часть своих полномочий политическим институтам, наделяя их легитимным и легальным правом регулирования жизни социума. Во втором случае этнические субъекты намеренно снижают адаптивность политической системы, сложившейся в национальном государстве.

Иными словами, анализ второго и третьего порядка позволяет сформировать мнение относительно того, есть ли функциональный обмен между политическими институтами и этническими субъектами. В случае его нарушения политическая система испытывает кризис, который способен либо вывести политическую систему на новый виток своего развития, либо привести к ее распаду.

В данной работе мы предложили модель этнополитической системы, позволяющую через анализ функций и дисфункций ее основных структурных элементов определять степень адаптивности политической системы национального государства в условиях актуализации этнического фактора. Согласно классической теории политической системы, ее существование и развитие зависит от когерентности политических решений требованиям политических субъектов. Сутью модели этнополитической системы является изучение взаимодействия этнических субъектов с государственными политическими институтами по принципу «требование – решение». В случае существования данной связи можно констатировать наличие потенциалов политической системы к адаптации. Однако нежелание этнических субъектов предъявлять требования к существующим властным структурам свидетельствует о разбалансировке политической системы национального государства, которая ведет либо к глубоким трансформационным процессам в ее структуре, либо к ее окончательному разрушению.

Примечания

- ¹ См.: *Вилков А. А.* Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55–62. DOI : 10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62
- ² См.: *Истон Д.* Антология политической мысли : в 5 т. Т. 2. М. : Мысль, 1997.
- ³ См.: *Яценко Н. Э.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999.
- ⁴ См.: *Гумилёв Л. Н.* Этносфера : история людей и история природы. СПб. : Кристалл, 2003.
- ⁵ *Хопёрская Л. Л.* Модели конфликтности этнополитической системы // Вест. российской нации. 2013. Т. 6, № 6 (32). С. 73.
- ⁶ См.: *Асаул А. Н., Джаман М. А., Шуканов П. В.* Цивилизационные аспекты развития этнополитических систем // Вестн. гражданских инженеров. 2010. № 4 (25). С. 5–15.
- ⁷ См.: *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира. М. : Политиздат, 1985.
- ⁸ См.: *Тихомиров Ю. А.* Теория компетенции. М. : Юстицинформ, 2001.
- ⁹ См.: *Тонков Е. Е.* Современные проблемы правового регулирования межнациональных отношений // Науч. ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). Вып. 20. С. 368.
- ¹⁰ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Рим 04 ноября 1950 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹² См.: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам (18 декабря 1992 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ¹³ См.: *Вилков А. А.* «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 66–74.
- ¹⁴ См.: *Кузина С. И., Федан М. А.* Этническая идентичность как фактор самокатегоризации групп в политической системе России // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. 2012. № 3. С. 121.
- ¹⁵ См.: *Новикова И. А.* Сущностные характеристики культуры межнационального общения // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 89.
- ¹⁶ См.: Тема 15. Р. Мертон : Создание парадигмы структурного функционализма в версии теории среднего уровня. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/337/641/1219/t15.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

Образец для цитирования:

Болотина И. И. Этнополитическая система общества: к определению понятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 346–350. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-346-350>

Cite this article as:

Bolotina I. I. Ethnopolitical System of Society: To the Definition of the Concept. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Poliology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 346–350 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-346-350>

УДК 32(325.1)

Теоретико-концептуальные основы политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в современных миграционных процессах

А. В. Чеботарев

Чеботарев Андрей Васильевич, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Chebotarev.A.V@yandex.ru

В статье рассмотрены основные причины и особенности проявления экстремизма в современных миграционных процессах и разработаны теоретико-концептуальные основы политики Российской Федерации по противодействию этому деструктивному общественно опасному явлению.

Ключевые слова: экстремизм, миграция, противодействие экстремизму в миграционных процессах, национальная безопасность.

Theoretical and Conceptual Foundations of the Russian Federation Policy to Counteract Extremism Within Modern Migration Processes

A. V. Chebotarev

Andrey V. Chebotarev, <https://orcid.org/0000-0002-8511-5362>, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russia, Chebotarev.A.V@yandex.ru

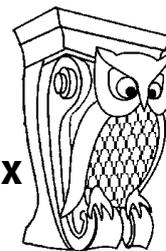
The paper discusses basic reasons and peculiarities of the extremism within modern migration processes. The author offered theoretical and conceptual framework for the policy of the Russian Federation aimed at counteracting this destructive and socially dangerous phenomenon.

Keywords: extremism, migration, counteracting extremism in migration processes, national security.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-351-359>

В последние годы под влиянием глобализации и военных конфликтов в мире наблюдается бурный рост масштабов миграционных процессов, которые по своим результатам неоднозначны и имеют амбивалентный характер. С одной стороны, миграционные процессы способствуют развитию экономики стран, что побуждает политиков содействовать иммиграции, с другой – несут угрозы государственной, общественной безопасности и безопасности личности.

Одной из таких социально-политических угроз является рост экстремизма на территориях массового вселения мигрантов. Так, в австралийском Сиднее 21 апреля 2011 г. было зафиксировано восстание беженцев – выходцев из Афганистана и Ирака, которые сожгли центр «Вилла Вуд», предназначенный для содержания лиц, ожидающих получения политического убежища. В результате акции мигрантского протеста

от огня пострадали девять зданий, в том числе медицинский пункт, кухня, прачечная, компьютерный зал, предоставленный мигрантам австралийским правительством, и др.¹. Восставшие мигранты выражали свое недовольство условиями проживания и требовали от правительства Австралии скорейшего предоставления им статуса беженцев.

В Российской Федерации 13 октября 2013 г. общественность всколыхнули события в московском Бирюлево². В 2016 г. Евросоюз потряс ряд трагедий, связанных с кризисом беженцев и процессом интеграции в европейское сообщество мигрантов из мусульманских стран³. В 2017 г. произошло столкновение местного населения с мигрантами, проживающими на территории центра для временного содержания беженцев⁴.

Высокие риски проявлений экстремизма в современных миграционных процессах, широкий общественный резонанс и огромный материальный ущерб от совершаемых экстремистских актов, а также опасность политической нестабильности дают основание утверждать, что феномен экстремизма в миграционных процессах приобрел политическую окраску и представляет реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации и многих других государств.

Обзор научной литературы дает основание полагать, что проблемы миграционных процессов и противодействия экстремизму в целом исследуются. Свои работы вопросам миграционной политики и, в частности, проблемам адаптации и интеграции мигрантов, международной безопасности посвятили А. В. Волох, В. А. Суворова⁵, Л. А. Кононов⁶, А. В. Дмитриев, В. Ю. Леденева, Е. А. Назарова⁷, А. А. Вилков⁸, С. В. Рязанцев⁹ и ряд других ученых.

Исследованию, главным образом, феномена экстремизма, его содержанию, сущности, классификации и особенностям политических технологий противодействия ему свои работы посвятили Л. А. Кононов, Ж. А. Шишова, А. Ю. Соклаков, О. В. Широкова¹⁰, С. Н. Фридинский¹¹, Н. А. Бердяев¹², И. А. Ильин¹³, К. П. Победоносцев¹⁴, Л. А. Тихомиров¹⁵ и др.

Теоретическое осмысление проблематики экстремизма отражено в работах отечественных ученых А. В. Глухой¹⁶, А. В. Дмитриева¹⁷, Г. Ю. Запрудского¹⁸ и зарубежных ученых М. Вебера¹⁹, Э. Геллнера²⁰, А. Гидденса²¹, Р. Дарен-

дорфа²², М. Дойча²³, Г. Зиммеля²⁴, Л. Козера²⁵, М. Уолцера²⁶ и др.

Однако приходится констатировать тот факт, что и в отечественной, и зарубежной научной литературе до настоящего времени проблеме экстремизма в миграционных процессах уделяется недостаточное внимание, теоретические положения об этом явлении практически не разработаны.

Недостаток теоретических знаний о данном феномене во многом стал причиной отсутствия научно обоснованного подхода к решению проблемы противодействия экстремизму в миграционных процессах, что существенно затрудняет практическую деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций и институтов по противодействию данной угрозе.

Политика Российской Федерации в сфере миграции в большей степени ориентирована на привлечение в страну мигрантов и меньше внимания уделяет вопросам безопасности миграционных процессов. Это вытекает из содержания предшествующей (2012 г.) и действующей в настоящее время Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы²⁷, в которых практически не отражены вопросы противодействия экстремистской деятельности в миграционных процессах.

Это обстоятельство указывает на то, что проводимая Россией и рядом других стран миграционная политика еще недостаточно совершенна и не способна эффективно противостоять экстремизму в миграционных процессах, она требует модернизации и поиска новых, более эффективных путей развития и оптимизации в современных условиях.

Экстремизм в миграционных процессах представляет собой сложное явление, вбирающее в себя *два компонента*: радикализацию общественных отношений миграционной направленности и экстремистскую деятельность в миграционной сфере.

Особенность экстремизма в современных миграционных процессах заключается в том, что *радикализация миграционных отношений*, которая, по нашему мнению, представляет собой процесс обострения миграционных настроений между субъектами миграционного процесса, несущий в себе потенциал ненависти и вражды между ними, *развивается между парными субъектами миграционного процесса*: мигранты – мигранты, мигранты – местное население, мигранты – органы местного самоуправления и проч., доводя обострение отношений между ними с уровня межличностной и групповой неприязни (радикальные настроения) до уровня вражды и ненависти друг к другу с участием больших людских масс (проявления экстремизма).

Именно радикализация миграционных отношений является источником и мотивом акти-

визации экстремистской деятельности лиц, групп и организаций в миграционных процессах. И наоборот, экстремистская деятельность лиц, групп и организаций во многом ориентирована на разжигание вражды и ненависти между субъектами миграционных отношений, т. е. на радикализацию миграционных отношений. Таким образом, экстремизм в миграционных процессах одновременно характеризуется и радикализацией миграционных отношений, и экстремистской деятельностью радикально настроенных лиц, групп и организаций.

К сожалению, в российской политико-правовой базе ставится знак равенства между понятиями «экстремизм» и «экстремистская деятельность»²⁸. В результате формируются искаженные представления об экстремизме, в том числе в миграционных процессах, как о социально-политическом явлении. Учитывая данное обстоятельство, автором предложено использовать другой подход к формулированию определений данных понятий.

В ходе исследования проблемы экстремизма в миграционных процессах нами сформулированы следующие определения исследуемому феномену. **Экстремизм в миграционных процессах** представляет собой *опасное общественное явление, характеризующееся радикализацией миграционных отношений и экстремистской деятельностью субъектов миграционного процесса (отдельных лиц, групп и организаций). Экстремистская деятельность в миграционных процессах – деятельность экстремистски настроенных лиц, групп и организаций, направленная на разжигание ненависти и вражды в миграционных отношениях.*

Таким образом, предлагаемый подход разделяет между собой понятия «экстремизм в миграционных процессах» и «экстремистская деятельность в миграционных процессах», исключает использование их в качестве синонимов. Такой подход позволяет составить более полное и реалистичное представление об исследуемом понятии.

Приведенные выше определения позволили сформулировать другую важную дефиницию, а именно **государственную политику по противодействию экстремизму в миграционных процессах**. Под ней предлагается понимать *деятельность уполномоченных государственных органов, направленную на снижение рисков радикализации миграционных отношений и противодействие экстремистской деятельности субъектов миграционного процесса (радикально настроенных лиц, групп и организаций), а также ликвидацию последствий экстремистской деятельности.*

На основе последнего определения нами разработан методический подход к формированию политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в миграционных процессах: политика по противодействию ради-

кализации миграционных отношений; политика по противодействию экстремистской деятельности; политика ликвидации последствий проявлений экстремизма в миграционных процессах. Каждое из этих направлений должно подкрепляться системой мер противодействия.

Первым шагом модернизации политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в миграционных процессах, по нашему мнению, должен стать вопрос о ее концептуализации, что позволит сформировать общие представления о перспективной государственной политике, являясь своего рода координатами политической деятельности, ориентируясь на которые, многочисленные управленческие структуры будут осуществлять свою деятельность в общем русле государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах.

Необходимость в этом была аргументирована и достаточно полно освещена в научной статье «Роль концепций, стратегий и доктрин в политическом управлении РФ»²⁹. По мнению автора данной статьи, концептуализация государственной политики позволяет политически сориентировать деятельность большого числа управленческих структур (государственные органы на федеральном и региональном уровне, органы местного самоуправления, общественные организации, бизнес-структуры и др.) на решение значимых общественных проблем.

Руководству страной необходимо направить многоуровневую и многоаспектную управленческую деятельность в русло проводимой государством политики, так как без политического ориентирования все участники управленческого процесса будут по-разному решать проблему противодействия экстремизму в миграционных процессах. Наличие же концептуальных положений, утвержденных высшими должностными лицами государства, задаст своего рода политические ориентиры, опираясь на которые, все субъекты управленческого процесса станут осуществлять согласованную по целям, задачам и общим представлениям управленческую деятельность.

Разработка концептуальных положений государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах. Концептуальные положения любого направления государственной политики включают в себя сформулированные понятия, характеризующие политику по решению общественно значимой проблемы. В нашем случае к таким понятиям, прежде всего, нужно отнести следующие: «радикализация миграционных отношений», «экстремизм в миграционных процессах», «экстремистская деятельность в миграционных процессах», «государственная политика по противодействию экстремизму в миграционных процессах», которые рассмотрены выше.

Необходимо концептуально обозначить опасности и угрозы, которые таит в себе обще-

ственно опасное явление, раскрыть проблему противодействия экстремизму в миграционных процессах и сформировать общее представление о ее решении в формате государственной политики. В концептуальных положениях также должны найти отражение цель и задачи государственной политики, обозначены ее объекты и субъекты, сформулированы принципы политики и определены основные сферы и направления политической деятельности.

На решении этих задач остановимся несколько подробнее.

Данная политика проводится по двум основным направлениям: внешняя и внутренняя. *Внешняя политика* ориентируется на организацию тесного взаимодействия с международными правительственными и неправительственными организациями, зарубежными странами по вопросам противодействия экстремизму в миграционных процессах, *внутренняя* – на консолидацию усилий государства и общества в борьбе с экстремизмом в миграционных процессах.

Основные опасности и угрозы экстремизма в миграционных процессах. Экстремизм в миграционных процессах несет в себе целый ряд угроз, среди которых особенно следует выделить: массовые беспорядки, возникающие по причине обострения миграционных отношений; рост преступлений экстремистской направленности, вызывающих большой общественный резонанс; анклавизация мигрантов; риски террористических актов и др. Оценка опасностей и угроз может проводиться в соответствии с методикой, разработанной и изложенной в работе «XXI век: балансирование на грани ядерной войны», которая, на наш взгляд, носит достаточно универсальный характер³⁰.

К *проблемам противодействия экстремизму в миграционных процессах* следует отнести:

– отсутствие в официальных государственных документах и законах теоретически обоснованных концептуальных положений о проблеме экстремизма в миграционных процессах и путях ее решения, что существенно затрудняет практическую деятельность органов государственного и муниципального управления по решению данной проблемы;

– отсутствие в широком спектре приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации такого важного направления, как противодействие экстремизму в миграционных процессах;

– недостаточная теоретическая проработка государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах;

– доминирование в миграционной политике России направления, ориентированного на привлечение в страну мигрантов, над направлением обеспечения безопасности от угроз, порождаемых миграционными процессами.

Цель государственной политики: обеспечение безопасности личности, общества и государства от угроз со стороны экстремизма в миграционных процессах.

Достижение данной цели может осуществляться посредством решения трех групп задач.

Первая группа задач нацелена на противодействие радикализации миграционных отношений в местах массового вселения мигрантов. В их ряд должны войти: мониторинг радикализации миграционных отношений; пропаганда толерантности в миграционных отношениях; устранение культурно-социальных и экономических барьеров между мигрантами и местным населением; защита прав и свобод мигрантов и граждан; противодействие анклавному пребыванию/проживанию мигрантов; борьба с незаконной миграцией, которая будет во многом способствовать снижению рисков радикализации миграционных настроений; другие задачи.

Вторая группа задач ориентирована на противодействие экстремистской деятельности. Эту задачу целесообразно разделить на три подгруппы.

Первая подгруппа задач связана с **профилактикой** экстремистской деятельности в миграционных процессах. В их ряду можно выделить: мониторинг экстремистской деятельности в миграционных процессах; профилактическую работу с экстремистски настроенными лицами, группами и организациями; совершенствование правовых норм профилактики экстремизма в миграционных процессах; разработку и внедрение в практику государственного управления специализированных профилактических механизмов противодействия экстремизму в миграционных процессах; другие задачи профилактического характера.

Вторая подгруппа задач ориентирована на **пресечение** экстремистской деятельности в миграционных процессах. К их числу следует отнести: заблаговременную разработку мер пресечения возможных проявлений экстремистской деятельности в миграционных процессах, в том числе и правовых мер; своевременное реагирование на проявления экстремизма; оперативно-розыскную деятельность правоохранительных органов; идентификацию и изоляцию зачинщиков и активистов массовых беспорядков, вызванных экстремизмом в миграционных процессах; локализацию и подавление массовых беспорядков, вызванных экстремистской деятельностью лиц, групп, организаций и другие меры.

Третья подгруппа задач предполагает **ликвидацию последствий** экстремистских и террористических актов: восстановление порядка и законности в миграционных отношениях; наказание виновников массовых беспорядков и преступников-экстремистов; устранение причин проявления экстремизма в миграционных процессах и другие задачи.

Согласно логике исследования проблемы, следующим шагом разработки концептуаль-

ных положений является обозначение объекта и субъекта государственной политики.

Объекты государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах. Объектами внешней политики являются международные правительственные и неправительственные организации, государства, мигранты. *Объекты внутренней политики:* органы местного самоуправления; общественные организации, вовлеченные в миграционные процессы; бизнес-структуры; местное население территорий вселения мигрантов, сами мигранты; экстремистские организации и группы (зарубежные и отечественные). На наш взгляд, в отношении каждого из этих объектов должна формироваться своя сфера государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах.

Субъектами государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах являются государственные органы, формирующие и реализующие государственную миграционную политику, а также политику по противодействию экстремистской и террористической деятельности на федеральном и региональном уровнях. Международные организации, решающие данные задачи; зарубежные страны, с которыми заключаются международные договоры о противодействии экстремизму; органы местного самоуправления; общественные организации – все они наряду с тем, что являются объектами государственной политики, в то же время могут становиться ее субъектами.

Концептуализация государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах также предполагает формулирование **принципов**, на основе которых будет формироваться и реализовываться политика. По нашему мнению, к таковым можно отнести следующие принципы:

– *законности*, предполагающий противодействие экстремизму в миграционных процессах в рамках действующего законодательства при соблюдении прав и свобод мигрантов и граждан страны их приема;

– *адаптивности*, предполагающий изменение вектора государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах в соответствии с изменяющимися условиями;

– *оперативности* – принятие своевременных политических решений профилактики и пресечения экстремистских действий в миграционных процессах;

– *научности* – опора в процессах формирования и реализации политики на науку;

– *ненанесения ущерба миграционной привлекательности страны и ее территорий* – активная деятельность противодействия экстремизму в миграционных процессах не должна снижать иммиграционные потоки в страну и на ее территории.

Учитывая многовекторный характер миграционных процессов, государственная политика по противодействию экстремизму в миграционных процессах должна формироваться и реализовываться в нескольких сферах: в сфере внешней миграции; внутренней миграции; транзитной миграции и незаконной миграции.

Кроме того, она должна учитывать регионы и страны, откуда иммигрирует население, обстановку, сложившуюся там. Государственная политика должна акцентировать свое внимание на наиболее опасных регионах и странах (с точки зрения проникновения и распространения экстремизма) и сосредоточить на них свои основные усилия, не упуская из внимания и остальные страны. Сосредоточение усилий на основных направлениях противодействия экстремизму в миграционных процессах позволит более экономно и эффективно решать поставленные задачи.

В каждой из обозначенных нами сфер целесообразно выделить приоритетные направления политической деятельности. Научное решение этой задачи следует осуществить на основе подробного анализа стадий миграционного процесса.

Стадийная модель миграционного процесса. Современные ученые по-разному подходят к определению стадий миграционного процесса, но в основном сходятся на трехстадийном³¹. *Первая*, подготовительная стадия процесса, на которой формируется миграционная подвижность: определенные миграционные установки и психологическая готовность к переселению. На *второй* – происходит собственно переселение населения; на *третьей* стадии идет процесс повышения приживаемости новоселов.

Рассматриваются и другие подходы к стадийному дроблению миграционного процесса (на пять и более стадий).

На наш взгляд, во всех предложенных стадийных моделях имеет место один существенный недостаток – модели не чувствительны к таким категориям мигрантов, как возвратные или безвозвратные. На самом деле в реальной жизни возвратные и безвозвратные мигранты по-разному проходят заключительные стадии миграционного процесса. Так, для *возвратных мигрантов* на заключительной стадии характерна только адаптация к местным условиям. Им необходимо приспособиться к местной обстановке, чтобы бесконфликтно осуществлять свою трудовую и иную деятельность.

Совсем иная картина складывается для *безвозвратных мигрантов* (решивших стать гражданами страны приема). По приезду на новое место жительства им необходимо вначале адаптироваться к местным условиям, чтобы можно было ориентироваться в новой обстановке и не вступать в конфликты с местным населением при проживании и осуществлении трудовой деятельности. В это же время принимающее государство решает задачу по интеграции в принимающий

социум безвозвратных мигрантов (встраивает мигрантов в устоявшуюся социокультурную и экономическую систему связей с целью сохранения ее целостности). Реализация государственной политики интеграции может осуществляться в форме интеграционной модели, принятой принимающим государством: интеграции, мультикультурализма, сегрегации, ассимиляции, изоляции. То есть принимающее государство само выбирает модель интеграции, устанавливает ее на законодательном уровне и реализует в процессе административной деятельности соответствующих государственных органов.

Таким образом, миграционные процессы разделяются по категориям мигрантов на возвратные и невозвратные.

Для категории возвратных мигрантов они состоят из трех стадий: принятия решения о переезде к новому месту пребывания; переезда к новому месту пребывания; адаптации к условиям новой обстановки.

Для категории безвозвратных мигрантов предлагается выделить четыре стадии: принятия решения о переезде к новому месту пребывания; переезда к новому месту пребывания; адаптации к условиям новой обстановки; интеграции по интеграционной модели, реализуемой в принимающем государстве.

Характеристика стадий миграционного процесса. На стадии принятия решения на миграцию (для безвозвратных мигрантов) потенциальные мигранты используют возможную модель принятия решения: добровольная миграция или вынужденная, под давлением сложившихся обстоятельств.

Решение на *добровольную миграцию* формируется в сознании человека при накоплении у него информации о континентах и странах и условиях проживания на этих территориях. При этом мотивацией для добровольного переселения служит твердое убеждение о предпочтительном месте проживания, на основе которого у человека возникает желание добровольно мигрировать в конкретную страну.

Вынужденная миграция. Под давлением сложившихся обстоятельств у мигранта формируется твердое убеждение в безвыходности сложившегося положения и нежелание дальнейшего нахождения в стране проживания. В результате чего человек выбирает страну с наиболее благоприятными для него условиями проживания и принимает решение на миграцию.

Мотивацией на миграцию *возвратных мигрантов*, например *трудовых*, выступает чаще всего желание получить в стране приема работу с более высоким заработком, чем в стране проживания. Для *туристов* – это знакомство с культурой, традициями страны.

На стадии принятия решения основная масса мигрантов чаще всего планирует законную миграцию, легальное пересечение государствен-

ной границы, пребывание/проживание в стране приема на законных основаниях с учетом действующих нормативных правовых норм страны приема. Однако часть мигрантов еще на стадии принятия решения вынашивают намерения нелегально пересечь государственную границу и незаконно пребывать/проживать в стране приема. Как правило, такие мигранты попадают в криминальную среду с высоким уровнем экстремистских воззрений. А некоторые из них являются членами зарубежных экстремистских организаций и переезжают на пребывание/проживание в страну приема с целью вербовки в свои ряды новых членов, распространения экстремистской идеологии, создания экстремистских организаций и проч. Нередки случаи и законного проникновения в страну приема таких мигрантов.

Все это указывает на необходимость формирования государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах еще на этапе принятия мигрантами решений на миграцию. Поэтому важно снизить риски миграции в страну мигрантов-экстремистов. Работа в этом направлении должна проводиться за рубежом силами МИД России, зарубежных представительств и представителей МВД, специальными службами, силами международных организаций, в работе которых принимает участие Россия (СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС и др.). Целесообразно привлекать к ней и зарубежные общественные организации, работающие с мигрантами. На наш взгляд, ориентированная на зарубежье работа должна строиться на системной основе.

Стадия переезда мигранта к новому месту проживания (пребывания). Процесс переезда для разных категорий мигрантов может существенно отличаться. Например, для одних мигрантов – это просто авиаперелет, переезд на автомобиле или поезде, или водным транспортом с ясной процедурой оформления проездных документов. Для других же переезд может быть связан со сложными ситуациями, когда мигрантам приходится использовать труднопроходимые маршруты в условиях высокого риска для жизни, что делает переезд к новому месту пребывания чрезвычайно трудным и ответственным предприятием.

Сам переезд может быть легальным или нелегальным. Легальный переезд – это законный переход мигранта через государственную границу (через пункты пропуска госграницы), нелегальный – в обход пунктов пропуска госграницы или проход через пункты пропуска по поддельным документам.

Мигранты-экстремисты могут осуществлять переход государственной границы как законным путем, так и нелегально. Поэтому противодействие экстремизму в миграционных процессах на этапе переезда к месту пребывания/проживания должно осуществляться по двум направле-

ниям: снижение рисков незаконного пересечения мигрантами государственной границы в обход пунктов пропуска через государственную границу; фильтрация и выявление мигрантов-экстремистов в пунктах пропуска государственной границы. Привлекаемые для этого силы в России – ФСБ России, МВД России, МИД России, Таможенная служба России и другие госорганы при содействии международных организаций: СНГ, ОДКБ, ШОС и др.

На *стадии адаптации мигранта к новым условиям* происходит его приспособление к условиям проживания на новой территории пребывания.

В период адаптации мигранты подвергаются сильному стрессу. Незнакомая обстановка, сложность общения с местным населением, государственными и муниципальными чиновниками, трудности поиска жилья и работы, а также многое другое часто порождают недовольство мигрантов своим положением и, как следствие, *повышаются риски радикализации миграционных настроений в миграционной среде*, что создает благоприятную среду для распространения экстремизма.

Местное население также испытывает определенные трудности от наплыва мигрантов: сокращаются свободные рабочие места для местного населения, снижается уровень оплаты за труд, ухудшается отношение к работникам со стороны работодателей, растет уровень безработицы, преступности с участием мигрантов, распространяются инфекционные заболевания.

В результате роста недовольства мигрантами со стороны местного населения радикализируются отношения к ним, что является благоприятной средой для деятельности экстремистских организаций и экстремистски настроенных лиц среди местного населения. Происходит обострение конфликтов между местным населением и мигрантами, в связи с чем возникают высокие риски преступлений на экстремистской почве, вызывающих широкий общественный резонанс, риски массовых столкновений мигрантов с местным населением с возможными тяжелыми политическими последствиями. В условиях социального конфликта также высоки риски крайнего проявления экстремистской деятельности – терроризма.

Все это указывает на необходимость выделения в приоритетное направление государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах – противодействие экстремизму на этапах адаптации мигрантов к местным условиям территорий вселения. По нашему мнению, к решению этой задачи должны привлекаться уполномоченные государственные органы (ФСБ России, МВД России). Целесообразно также привлечь к этой работе органы местного самоуправления, структуры гражданского общества, бизнес-структуры, заинтересо-

ванных лиц и организаций из миграционной среды (НКА – национально-культурная автономия). Только хорошо скоординированная совместная работа всех этих структур может оказать существенное влияние на снижение рисков радикализации миграционных настроений и экстремистской деятельности в миграционных процессах на этапах адаптации.

Стадия интеграции мигранта в принимающий социум является для безвозвратных мигрантов заключительной стадией миграционного процесса и представляет собой встраивание мигранта в структуру экономических и социокультурных связей принимающего общества.

Критерии интеграции: со стороны мигрантов – это возникновение у них и их потомков полного ощущения принадлежности к принимающему обществу; *со стороны принимающего общества* – восприятие мигрантов и их потомков «своими среди своих».

Условием интеграции мигрантов является разрыв или существенное ослабление ими родственных, имущественных, земляческих и других связей с прежними местами проживания.

В отличие от адаптации основным субъектом интеграции выступает государство. Именно государство проводит **государственную политику интеграции**.

В России государственная политика интеграции должна осуществляться **исключительно в отношении безвозвратных мигрантов** (решивших стать гражданами России). По нашему мнению, не имеет никакого смысла вживлять в организм принимающего общества тех, кто рано или поздно покинет страну приема. При этом первоначальным шагом интеграции является процесс адаптации мигрантов. Именно поэтому к безвозвратным мигрантам употребим двойной термин «интеграция и адаптация», где адаптация является первым шагом интеграции.

Основными механизмами, используемыми органами государственной и муниципальной власти для интеграции мигрантов, могут быть: государственные, муниципальные программы интеграции, отсутствующие пока в России; селективные механизмы отбора востребованных мигрантов; гармонизация межэтнических и межрелигиозных миграционных отношений (совместные браки, обучение в учебных заведениях, военная служба); противодействие анклавизации мигрантов; формирование толерантной среды на территориях вселения и другие механизмы. Все они будут способствовать снижению рисков радикализации миграционных отношений.

Из перечисленных выше менее известным является механизм *гармонизации миграционных отношений*, который предполагает совместное (мультикультурное) образование детей местного населения и мигрантов, позволяющее учащимся приобрести толерантное отношение к опыту других культур; покровительственные

действия к мигрантам со стороны органов государственной и муниципальной власти страны приема, а также общественных организаций, например, в вопросах гарантированной занятости мигрантов; организация совместного праздника «День гармонии» с отражением основных исторических и религиозных моментов культуры различных групп мигрантов и др.

Процесс интеграции безвозвратных мигрантов проходит несколько периодов. Прежде чем получить гражданство, мигрант проживает в стране приема в статусе временного проживающего, затем в статусе постоянно проживающего (вид на жительство) и только потом получает гражданство.

Но даже получив гражданство, мигрант и его потомки тоже продолжают интегрироваться. По взглядам американских ученых, только третье поколение потомков мигранта может полностью интегрироваться в принимающее общество. А если этого не случилось (потомки мигранта проживают в анклавах, не интегрируясь в общество), то можно говорить о провале интеграционной политики.

В процессе интеграции по мультикультурной модели мигранты самостоятельно выбирают место своего проживания, что часто выражается в их анклавном проживании. В анклавах практически не действуют законы страны приема, там мигранты отгораживаются от общества и власти, устанавливают свои порядки проживания. В анклавах возникает благоприятная среда для экстремизма и даже его крайнего проявления – терроризма. Анклавы являются источниками многих миграционных угроз. Поэтому противодействие обособлению мигрантов в анклавы является в том числе и противодействием радикализации миграционных отношений и, как следствие, экстремисткой деятельности.

Осмысление стадий миграционного процесса и миграционных угроз позволяет теоретически обосновать необходимость выделения следующих приоритетных направлений государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах: государственная политика по противодействию экстремизму на стадии принятия мигрантами решений на миграцию при нахождении за рубежом; на стадии переезда мигрантов к новому месту пребывания; на стадии адаптации возвратных мигрантов в стране приема; на стадии адаптации и интеграции безвозвратных мигрантов в стране приема, включающей государственную политику по противодействию экстремизму на стадии временного проживания мигрантов, на стадии постоянного проживания (вид на жительство) и на стадии проживания мигрантов и их потомков в статусе гражданина страны-приема.

Данные теоретически обоснованные направления могут лечь в основу формирования

приоритетных направлений политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в миграционных процессах.

Проведенный анализ дает основание говорить о необходимости более подробного дифференцирования противодействия экстремизму в миграционных процессах в рамках обозначенных политических направлений. Работа должна вестись практически со всеми категориями мигрантов (трудоустроенные, туристы, транзитные мигранты, прибывающие в Российскую Федерацию на переселение по государственным программам или добровольно, вынужденные мигранты, незаконная миграция и проч.).

Нельзя также забывать о внутренних мигрантах и эмигрантах, так как эмигранты, решившие покинуть родину, часто становятся носителями радикальных суждений, источником распространения ненависти и вражды ко всему, что связывало их с местом прежнего проживания.

Сформулированные выше положения, по нашему мнению, могут лечь в основу концептуализации политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в миграционных процессах. Полагаем целесообразным внести данные положения в перспективную концепцию миграционной политики России, в перспективную стратегию противодействия экстремисткой деятельности и использовать при корректировке закона об экстремизме.

Кроме того, разработанные теоретико-концептуальные положения позволяют предложить методические рекомендации уполномоченным государственным органам при формировании государственной политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах.

Таким образом, представленные авторские теоретико-концептуальные основы формируют научно обоснованное целостное представление о сложном, постоянно трансформирующемся социально-политическом феномене «экстремизм в миграционных процессах» и угрозах, исходящих от него, а также о политической деятельности государства по противодействию ему. По мнению автора, они представляют собой методический ресурс, который может быть использован органами государственного управления Российской Федерации при разработке политики по противодействию экстремизму в миграционных процессах.

Примечания

- 1 См.: Выдержит ли Австралия атаку иммигрантов? // Pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/world/restofworld/australiaoceania/21-04-2011/1074480-austral-0> (дата обращения: 23.04.2018).
- 2 См.: Беспорядки в Бирюлево : хроника событий // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20131013/969693444> (дата обращения: 23.04.2018).
- 3 См.: В плену террора : к чему привела миграционная политика Европы в 2016 году // Правда-TV.ru. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2016/12/24/273408/v-plenu-terroga-k-chemu-privela-migracionnaya-politika-evropy-2016-godu> (дата обращения: 23.04.2018).
- 4 См.: На окраине Рима произошли столкновения местных жителей с мигрантами // Вести.Ru. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2926764> (дата обращения: 23.04.2018).
- 5 См.: Волох В. А., Суворова В. А. Концепция государственной миграционной политики России – основа миграционной безопасности страны // Вопр. безопасности. 2013. № 3. С. 1–16. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.3.713
- 6 См.: Кононов Л. А. Государственная политика переселения соотечественников : проблемы и пути решения. М. : Изд-во РАГС, 2009. (Аналитические обзоры Института научных исследований и информации РАГС при Президенте РФ ; № 4 (7) 2009) ; *Его же*. Миграционная политика России : проблемы и пути их решения. М. : Изд-во РАГС, 2010. (Аналитические обзоры Института научных исследований и информации РАГС при Президенте РФ ; № 4 (14) 2010).
- 7 См.: Дмитриев А. В., Леденёва В. Ю., Назарова Е. А. Миграция в Москве. Модели и перспективы. М., 2013.
- 8 См.: Вилков А. А. Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55–62. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62
- 9 См.: Рязанцев С. Миграционные тренды и международная безопасность. URL: <http://www.intertrends.ru/three/003.htm> (дата обращения: 23.02.2016).
- 10 См.: Кононов Л. А., Шишова Ж. А., Соколаков А. Ю., Широкова О. В. Профилактика экстремизма в области межэтнических и межконфессиональных отношений – одно из направлений обеспечения национальной безопасности : учеб.-метод. пособие. М., 2012.
- 11 См.: Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование). М., 2013.
- 12 См.: Бердяев Н. А. Судьбы России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
- 13 См.: Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992.
- 14 См.: Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 2004.
- 15 См.: Тихомиров Л. А. Личность, общество и церковь. Минск, 2010.
- 16 См.: Глухова А. В. Политический конфликт : анализ теории и методологии исследования : дис. ... д-ра полит. наук. М., 1997.
- 17 См.: Дмитриев А. В. Этнический конфликт : теория и практика. М., 1998.
- 18 См.: Запрудский Г. Ю. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов н/Д, 1992.
- 19 См.: Вебер М. Образ общества. М., 1994.
- 20 См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
- 21 См.: Гидденс Э. Социология. М., 1999.

- ²² См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142–147.
- ²³ См.: Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1997. № 1. С. 202–212.
- ²⁴ См.: Зиммель Г. Конфликт современной культуры. М., 1996.
- ²⁵ См.: Козер Л. Основы конфликтологии. СПб., 1999.
- ²⁶ См.: Уолцер М. О терпимости. М., 2000.
- ²⁷ См.: О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ²⁸ См.: О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ²⁹ См.: Кононов Л. А. Роль официальных документов : концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 55–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/gu.2017.2.7>
- ³⁰ См.: Кононов Л. А., Кончугов А. В. XXI век : балансирование на грани ядерной войны. М., 2018. С. 34–36.
- ³¹ См.: Демографический понятийный словарь / под ред. А. А. Рыбаковского ; Центр социального прогнозирования. М., 2003. С. 173–176.

Образец для цитирования:

Чеботарев А. В. Теоретико-концептуальные основы политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в современных миграционных процессах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 351–359. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-351-356>

Cite this article as:

Chebotarev A. V. Theoretical and Conceptual Foundations of the Russian Federation Policy to Counteract Extremism Within Modern Migration Processes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 351–359 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-351-359>

УДК 323.3

Научно-экспертное сообщество и власть: опыт взаимодействия в регионе (на примере Кемеровской области)

М. А. Клименков

Клименков Михаил Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук, Кемеровский государственный университет, m.klimenkov1993@mail.ru

В статье представлены итоги проведенного исследования о роли научного сообщества в региональном социально-экономическом и политическом процессе на территории Кемеровской области. При проведении исследования использовался анализ информации, представленной в Интернете, а также материалы электронных СМИ. Кроме того, нашел применение метод полуструктурированного интервью, в ходе которого были опрошены представители научного сообщества региона, принимающие активное участие в поле публичной политики региона в качестве экспертов. Применение данных методов позволило выявить уровень субъектности научного сообщества региона и определить степень влияния, которое оказывает данный актор на поле публичной политики региона. Помимо этого, автор вводит новое понятие «научно-экспертное сообщество» для обозначения узкой группы внутри научного сообщества, которая на постоянной основе участвует в экспертной и аналитической деятельности. В заключение сформулированы выводы относительно реального положения научного сообщества в поле публичной политики на территории Кемеровской области.

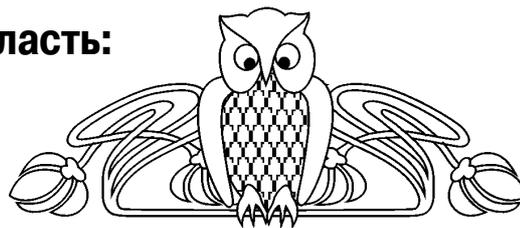
Ключевые слова: научно-экспертное сообщество, политический процесс, публичная политика, региональная политика.

**Scientific Community and Authority:
Experience of Interaction in the Region
(On the Example of the Kemerovo Region)**

М. А. Klimenkov

Mikhail A. Klimenkov, <https://orcid.org/0000-0002-3160-7732>, Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russia, m.klimenkov1993@mail.ru

The article presents the results of a study on the role of the scientific community in the regional socio-economic and political process in the Kemerovo region. The study used the analysis of information provided on the Internet, as well as materials of electronic media. In addition, a semi-structured interview method was used, during which representatives of the regional scientific community were interviewed, taking an active part in the public policy field of the region as experts. The use of these methods made it possible to identify the level of subjectivity of the scientific community in the region and determine the degree of influence that this actor has on the field of public policy in the region. In addition, the author introduces a new concept of "scientific and expert community" to refer to a narrow group within the scientific community, which is constantly involved in expert and analytical activities. In conclusion, conclusions are drawn up regarding the real situation of the scientific community in the field of public policy in the Kemerovo region.

Keywords: scientific expert community, political process, public policy, regional policy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-360-365>

В настоящее время в политической науке активно развивается направление, связанное с исследованием роли экспертных сообществ в политических процессах. В частности, наиболее активно развивающимся направлением для исследований в данной области является изучение институциональной составляющей участия интеллектуальных групп в политике. Среди исследователей, занимающихся данной тематикой, следует отметить работы А. Ю. Сунгурова¹, Н. Ю. Беляевой², А. А. Балаяна³, Е. В. Казаковой⁴ и др. Однако следует подчеркнуть, что в большинстве исследований под экспертным сообществом подразумевают в основном разнородную массу, состоящую из экспертов, аналитиков и консультантов. Вследствие этого существует пробел в исследовании данного направления, связанный с более глубоким изучением социальной составляющей интеллектуальных групп. По нашему мнению, социальный субстрат всех интеллектуальных групп, в том числе и экспертных, аналитических и консультативных, составляют представители научного сообщества или выходцы из него. По крайней мере, в региональном аспекте данная тенденция прослеживается отчетливо ясно, поскольку в большинстве случаев, особенно в российских регионах, в роли экспертов и аналитиков зачастую выступают представители научного сообщества, т. е. ученые. Поэтому далее, в рамках данной статьи, автором предпринята попытка анализа общественно-политического участия представителей научного сообщества в региональном политическом процессе.

Рассматривая определение понятия «научное сообщество», мы исходим из того, что невозможно свести понятие «научное сообщество» к одной узкой трактовке, т. е. к социальной группе, состоящей преимущественно из работников академической и вузовской сферы, без учета социальных страт и сетей «носителей научного знания». Более уместно говорить о том, что «научное сообщество» – это сложноорганизованная и подвижная социальная система, которая обладает гибкой стратификационной структурой, многочисленные автономные элементы которой образуют особую сеть или даже совокупность сетей, охватывающих многочисленные научные

школы, профессиональные объединения, академические учреждения, аналитические и консалтинговые структуры, экспертные подразделения политических органов.

Обозначим основные признаки отнесения к научному сообществу: 1) специфика деятельности, т. е. ее интеллектуальный характер и ориентация на производство знания; 2) «специфика организации», а именно сетевой характер, изначально внутренняя динамичность и проектная и предметно-целевая ориентация. В конечном итоге можно говорить о существовании внутри научного сообщества множества микросообществ, представляющих собой сеть или ряд взаимно пересекающихся сетей внутри общественной структуры, и осознающего себя в качестве такого социального или политического актора.

Исходя из полученного, для целей настоящего исследования значимым является то, что научное сообщество является сложноорганизованной и подвижной социальной системой, которая обладает гибкой стратификационной структурой, различные элементы которой выстраиваются по сетевому принципу и охватывают многочисленные научные школы, отдельных представителей науки (научную элиту), академические учреждения и экспертно-аналитические структуры.

Вследствие этого становится возможным выделение из большей части научного сообщества определенной части ученых, которые занимают довольно активную гражданскую и политическую позицию и в настоящее время выступают на публичных площадках со своими идеями и мнениями по решению определенных общественно-политических проблем как страны в целом, так и отдельных регионов. В определенном смысле точнее будет обозначить данную группу как «научно-экспертное сообщество».

Автор статьи предлагает трактовать «научно-экспертное сообщество» в двух смыслах. В узком смысле – это объединение экспертов, реализующих инструментальную функцию экспертного знания, состоящую из числа представителей академической науки, обладающих активной гражданской позицией и специальным научным знанием для решения определенной задачи. В широком смысле сообщество представляет собой среду (пространство), в которой генерируются экспертные мнения, идеи, предложения по различным направлениям деятельности, в нашем случае – в сфере политики.

Основной характеристикой отнесения к научно-экспертному сообществу будет являться сочетание четырех признаков: 1) наличие тесной связи с научной деятельностью; 2) наличие научной рациональности как особого способа мышления и решения задач теоретического или прикладного плана; 3) включенность в сети профессиональной коммуникации и наличие связей с научными учреждениями; 4) участие в общественно-политических процессах в качестве ана-

литиков, консультантов или экспертов на постоянной основе.

Исходя из определения термина и признаков научно-экспертного сообщества, далее станет возможным проведение анализа институционального участия данного сообщества в общественно-политическом процессе. Если исходить из институциональной составляющей исследований, посвященных тематике участия интеллектуальных групп в политике, то важно отметить, что в настоящее время общемировой тенденцией для современных демократических государств является практика использования государственными структурами научно-экспертного знания при решении значимых общественно-политических проблем, складывающихся на разных уровнях властной иерархии (национальном, региональном, муниципальном). В развитых демократических государствах, таких как США, Германия, Франция, для взаимодействия между наукой и властью создаются общественно-консультативные советы различной формы и происхождения, а также аналитические структуры по типу think tank. Стоит отметить, что в российской политической литературе экспертно-аналитические структуры, созданные по данному типу, принято обозначать как «фабрики мысли», в рамках которых выстраивается коммуникация между экспертами, аналитиками, сотрудниками администраций различного уровня и общественностью⁵. По сути, данные структуры выступают в качестве медиаторов между акторами поля публичной политики, а именно государством, научным сообществом и гражданским обществом.

Говоря об институтах участия представителей научно-экспертного сообщества в общественно-политических процессах, в первую очередь, следует отметить различного рода экспертно-аналитические структуры, созданные как при органах власти, так и независимые структуры по типу think tank и общественные палаты различного уровня. В России в настоящее время существуют и развиваются все виды и формы экспертно-аналитических структур, в рамках которых происходит взаимодействие между учеными, властью и общественностью. Стоит отметить, что в российской политической науке в настоящее время данное направление активно развивает А. Ю. Сунгуров. При этом подобные институты еще именуют как «институты-медиаторы», которые выполняют посредническую функцию и способствуют реализации взаимодействия через конкретные практики участия⁶.

Однако следует отметить, что в России сложилась определенная специфика во взаимодействии между научно-экспертным сообществом и властью, которая заключается в асимметрии данного взаимодействия. В своей основе научно-экспертный потенциал привлекается органами государственной власти преимущественно на уровне федерального центра. Данный вывод

можно сделать, проведя анализ действующих на территории России экспертно-аналитических структур. В настоящее время по результатам аналитического доклада, подготовленного Экспертным институтом социальных исследований на 2017 г., в России насчитывалось 122 фабрики мысли, из них 4 с мировой известностью⁷. При этом следует отметить, что практически все вышеперечисленные структуры расположены в крупнейших городах, таких как Москва и Санкт-Петербург.

Подобная ситуация позволяет говорить о том, что спрос на экспертный потенциал присутствует лишь на уровне федерального центра, на региональном уровне он будет иметь тенденцию к уменьшению и зависеть от ряда факторов. Первый фактор условно можно обозначить как географический, который будет включать в себя аспект, связанный с удаленностью региона от федерального центра, при этом, как представляется, чем дальше регион от федерального центра, тем спрос на услуги экспертного сообщества будет уменьшаться. Второй фактор зависит от характера сложившегося политического режима в конкретном регионе. Соответственно, спрос на услуги экспертно-аналитического сообщества будет выше при плюралистическом политическом режиме, поскольку наличие определенного уровня политического плюрализма позволило власти быть открытой для рекомендаций и советов извне. При смещении политического режима в сторону авторитаризма власть, как правило, не допускает внешние силы к процессу выработки публичной политики. Третий фактор зависит от уровня развития научной сферы в регионе (наличия вузов, институтов, отделений РАН и т. д.). При этом немаловажным является и развитие политической науки в регионе, что, в свою очередь, будет влиять на наличие самого политологического сообщества, которое способно готовить экспертно-аналитические продукты высокого уровня.

Важно отметить, если данные факторы подкрепляют друг друга, то условия будут способствовать развитию практик участия научно-экспертного сообщества в общественно-политических процессах. Если же нет, то мы имеем ситуацию с низким уровнем спроса на экспертно-аналитический продукт и низкой институционализацией экспертного потенциала.

Обращаясь к вопросу о складывающемся политическом режиме в России, следует отметить, что в целом многие отечественные ученые вполне справедливо отмечают нарастание авторитарных тенденций в российской политике. При этом ряд ученых даже признают складывающийся политический режим в России полностью недемократичным⁸. Действительно, можно согласиться с тезисом о том, что в России в настоящее время происходит радикальное сужение практик электрократии по сравнению с 1990-ми гг.

Однако, как показали исследования, проведенные Л. И. Никовской и В. Н. Якимцом⁹,

Н. Ю. Беляевой¹⁰, в российских регионах все же присутствуют, хоть и на минимальном уровне, разнообразные практики участия гражданского общества в политических процессах и существуют разные формы подобного взаимодействия. Наличие пусть и минимального участия представителей общественности и подтолкнуло провести исследование с целью выявления подобного взаимодействия и участия.

Обращаясь к опыту взаимодействия научно-экспертного сообщества с властью в Кемеровской области, следует отметить, что до недавнего времени спрос на участие научно-экспертного сообщества властью был очень слабым или практически отсутствовал. На уровне региональной исполнительной власти доминировала практика, при которой все общественно значимые решения принимались в закрытом режиме без привлечения общественности и экспертных кругов. В силу достаточно длительного периода отсутствия практик привлечения и использования научно-экспертного знания в Кемеровской области научно-экспертное сообщество имеет низкий уровень субъектности и не воспринимается органами региональной исполнительной власти как равноправный актор процесса публичной политики.

В целом, политический режим, который складывался долгие годы в регионе, является скорее авторитарным, чем демократическим. Подтверждает данный факт ежегодно публикуемый рейтинг «демократичности» регионов, проводимый специалистами в области политической регионалистики. В данном рейтинге Кемеровская область всегда занимала далеко не первые строчки, а именно 71–72-е места¹¹.

Ввиду отсутствия понимания в деле привлечения экспертов к решению общественно-политических проблем и достаточно авторитарного политического режима, сложившегося в период с 1997 по 2018 г., в регионе отсутствовали попытки создания независимых научно-экспертных структур.

Однако можно отметить, что в последнее время на территории области стала проявляться и другая тенденция – власть начала интересоваться мнением экспертного сообщества и, более того, содействовать институционализации его деятельности. Имеется в виду недавняя инициатива по созданию Экспертного совета при Губернаторе Кемеровской области, в состав которого вошли 26 представителей научного сообщества региона. Главной задачей создания Экспертного совета, согласно постановлению Губернатора Кемеровской области, стала подготовка предложений по вопросам стратегического и социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 года¹².

Создание Экспертного совета действительно является важным шагом на пути выстраивания взаимодействия между научным сообще-

ством и властью, поскольку ранее в области не существовало настолько крупных экспертных площадок при губернаторе. При этом, как представляется, власть действительно осознала важность использования регионального экспертно-научного потенциала региона для решения остро стоящих перед Кузбассом проблем. Проявление инициативы от власти, думается, произошло также в связи с тем, что в регионе длительное время нерешенным оставался ряд достаточно серьезных социальных проблем.

Среди наиболее серьезных вопросов, стоящих перед Кузбассом, необходимо отметить ухудшение экологической обстановки в регионе. Экология катастрофически ухудшается, и ухудшается в основном из-за разработки новых угольных разрезов. Анализируя экологическую обстановку, следует отметить, что если в 2016 г. Кемеровская область была на 30-м месте, то уже по итогам 2018 г. экологи переместили регион на 39-е место¹³.

Еще один сложный вопрос – проблемы в сфере медицины, ведь по-прежнему Кузбасс лидирует по уровню смертности от ВИЧ, при этом ситуация от года к году становится лишь хуже, что справедливо дает право ряду экспертов сравнивать Кемеровскую область с далекой африканской страной Зимбабве¹⁴.

Другим примером развития научно-экспертной деятельности в регионе стало создание независимого экспертно-аналитического Фонда «Сибирская политика»¹⁵. Фонд является некоммерческой организацией, основная специализация которой – проведение актуальных исследований в области социально-экономической и политической жизни региона, регионального развития. Фонд стремится к улучшению качества политики и общественной жизни путем исследований, анализа и прогнозирования в региональном аспекте¹⁶.

География работы Фонда обширна и затрагивает не только Кемеровскую область, а весь Сибирский федеральный округ, поскольку пул экспертов составляют ученые из городов Кемерово, Новосибирска, Томска и Барнаула. Важно подчеркнуть, что создание независимой экспертно-аналитической структуры позволило объединить в рамках одной структуры около 20 экспертов из числа наиболее активной части научного сообщества регионов (политологов, историков и экономистов).

Эксперты Фонда «Сибирская политика» осуществляют самостоятельные научно-исследовательские проекты, в частности, основным реализуемым является проект «Муниципалитет», стартовавший в январе 2017 г. В рамках исследования «Муниципалитет» с 2017 г. ежеквартально составляются рейтинги благополучности развития муниципальных образований в регионах СФО¹⁷. Также пул экспертов Фонда оценивает социально-экономический климат,

общественно-политическую обстановку и благополучие территориальных образований – муниципальных районов и городских округов (на данный момент в 8 из 10 регионов Сибирского федерального округа).

Важно отметить, что составляемый рейтинг муниципалитетов является не просто инструментом прогнозирования, который могут использовать лица, принимающие политические решения, но и политическим инструментом управления, стимулирующим те или иные изменения на региональном и муниципальном уровнях. Это в перспективе позволит говорить о прямом влиянии (воздействии) Фонда «Сибирская политика» на процесс принятия политических решений, о реальных рычагах влияния на лиц, принимающих решения.

Другим примером взаимодействия общественности научного сообщества и власти может служить институт Общественной палаты Кемеровской области (ОП КО)¹⁸. В настоящее время именно в рамках данного института гражданского общества налажено эффективное взаимодействие с органами исполнительной власти региона. Данный вывод подтверждается в ходе проведения серии экспертных интервью с представителями власти и научного сообщества, в ходе которых все респонденты высказали мнение о том, что Общественная палата действительно представляет собой реальную, а не имитационную коммуникативную площадку между представителями общественности и властью.

Без сомнения, в настоящий момент ОП КО является самым влиятельным институтом гражданского общества на территории области. Не случайно каждый следующий срок сопровождается большой конкуренцией по формированию этого органа, и что бы ни говорили представители несистемной оппозиции, сам факт членства и статус участника этого органа дает определенные привилегии. Например, в прямом доступе к руководителям, привлечении повышенного внимания со стороны СМИ, т. е. тем самым человек получает определенное право на фокусирование общественного мнения вокруг тех проблем, которые ему кажутся наиболее значимыми.

Касаясь непосредственно сферы деятельности ОП КО, следует отметить, что привлекаемые эксперты со стороны научного сообщества вносят свой вклад в разработку вышеупомянутой «Стратегии развития региона до 2035 года», а также проводят работу по экспертизе проектов федеральных законов. Помимо данного направления, в рамках взаимодействия с органами исполнительной власти области разработаны и предоставлены рекомендации по восьми приоритетным направлениям развития региона¹⁹.

Говоря о взаимодействии с научно-экспертным сообществом в рамках данного института, следует отметить, что сама председатель ОП КО И. Н. Рондик является инициатором выстраива-

ния взаимодействия. Говоря о сотрудничестве между Общественной палатой Кемеровской области и академическими структурами, стоит отметить, что в настоящее время между ОП и Кемеровским институтом (филиалом) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова заключено соглашение о сотрудничестве, причем данную инициативу проявила администрация вуза. Еще одним стратегическим партнером является опорный вуз региона – Кемеровский государственный университет.

Помимо направления по привлечению ученых к экспертизе конкретных законопроектов, и в самом составе ОП КО шестого созыва из 45 членов 8 являются представителями научного сообщества. В составе Общественной палаты Кемеровской области существует и функционирует Экспертный совет. Согласно «Закону об Общественной палате Кемеровской области», Экспертный совет занимается общественной экспертизой законопроектов. Возглавляет Совет президент Сибирского отделения Академии горных наук, доктор технических наук, профессор кафедры строительства подземных сооружений и шахт КузГТУ, действительный член Академии горных наук РАН Александр Иванович Копытов. Обращаясь к другим членам Экспертного совета, можно выделить среди них две основные группы – руководители или представители общественных организаций, движений, фондов и просто известные люди, которых еще с советского времени именовали термином «общественность». В составе Совета 6 человек из 19 – представители научной среды²⁰.

Подводя итоги, необходимо отметить, что с вступлением в должность нового губернатора С. Е. Цивилева с середины 2018 г. на территории Кемеровской области ситуация стала меняться в лучшую сторону – органы государственной власти начали проявлять инициативу и заинтересованность в привлечении научно-экспертного потенциала региона и, более того, власть стала содействовать институционализации экспертной деятельности. В настоящее время в регионе существуют ряд экспертно-аналитических структур и площадок, в рамках которых научное сообщество может донести свои идеи и предложения до власти. При этом наиболее перспективными направлениями в развитии, на наш взгляд, являются три направления. Во-первых, ученые выстраивают взаимодействие на властных и околовластных экспертных площадках, где наиболее влиятельной и эффективной является Экспертный совет при Губернаторе Кемеровской области. Во-вторых, развитие осуществляется в рамках независимых экспертно-аналитических структур, флагманом которого выступает межрегиональная экспертно-аналитическая структура Фонд «Сибирская политика». Здесь следует отметить, что у данной структуры при продолжении курса на объективную и не ангажированную аналитику действительно существуют шансы

стать одной из самых влиятельных экспертно-аналитических структур в рамках СФО. Третье направление условно можно обозначить как взаимодействие со структурами гражданского общества, в том числе взаимодействие с Общественной палатой Кемеровской области.

Однако по-прежнему научно-экспертное сообщество региона не может являться в полном смысле слова актором поля публичной политики региона и на равных позициях с властью вести диалог по определенным проблемным вопросам региона. В настоящее время роль научно-экспертного сообщества ограничивается статусом агента политики, поскольку само оно не может действовать самостоятельно, а скорее, действует по воле и за счет ресурсов других субъектов политического процесса.

В сложившихся условиях научно-экспертному сообществу, чтобы быть услышанным властью, приходится создавать коалиции с другими субъектами публичной политики (как показало исследование, научное сообщество, исключенное из коммуникации с властными структурами, выстраивает коммуникацию со структурами гражданского общества, например, Фондом «Сибирская политика» или с Общественной палатой Кемеровской области). Более того, научно-экспертное сообщество в некотором роде обречено на создание подобных коалиций, поскольку только в этом случае появится возможность донести свои рекомендации и экспертные заключения до лиц, принимающих решения.

Вследствие этого модель выстраивания взаимодействия между научно-экспертным сообществом и властью можно охарактеризовать как патерналистскую. По-прежнему политические субъекты определяют правила и принципы взаимодействия с научными сообществами, а также формируют спрос на стратегии, программы, прикладные исследовательские проекты и в целом участие научно-экспертного сообщества в консультативной деятельности. Им принадлежит не только право «первого хода», но и право «последнего слова»: вне зависимости от качества и содержания конкретных программ, стратегий, планов, концепций, предложений со стороны научно-экспертного сообщества, именно политические акторы определяют итоговую конфигурацию принимаемых решений. А ведь, как известно, любое взаимодействие развивается успешно лишь тогда, когда инициатива исходит от двух сторон одновременно, когда есть не только предложение, но и спрос.

Примечания

- ¹ См.: Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации : «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М. : РОССПЭН, 2015.
- ² См.: Беляева Н. Ю. Аналитические сообщества в пу-

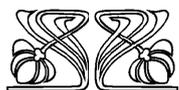
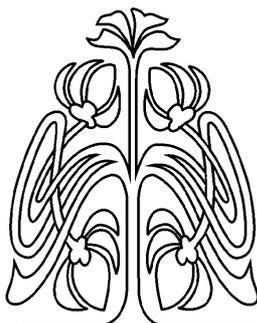
- бличной политике : глобальный феномен и российские практики. М. : РОССПЭН, 2013.
- ³ См.: *Балаян А. А.* Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб. : Алетей, 2016.
- ⁴ См.: *Казакова Е. В.* Роль экспертных сообществ России в политической модернизации // *Власть*. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ekspertnyh-soobschestv-rossii-v-politicheskoy-modernizatsii> (дата обращения: 31.03.2019).
- ⁵ См.: *Stone D., Denham A.* Think Tank Traditions : Policy Analysis Across Nations ; Policy Research and the Politics of Ideas. Manchester : Manchester University Press, 2004.
- ⁶ См.: *Сунгуров А. Ю.* Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // *Полис*. 1999. № 6. С. 34–48.
- ⁷ См.: Аналитический доклад, подготовленный Экспертным институтом социальных исследований. URL: <http://eistr.ru/upload/iblock/970/9704a83e430bc06a4857223fdd308040.pdf> (дата обращения: 26.05.2019).
- ⁸ См.: *Гельман В. Я.* Тупик авторитарной модернизации // *Pro et contra*. 2009. Т. 13, № 5–6. С. 51–61.
- ⁹ См.: *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Политика региональных властей в России : типы, субъекты, институты и современные вызовы // *Полис*. 2011. № 1. С. 80–96.
- ¹⁰ См.: *Беляева Н. Ю.* Публичная политика в России : сопротивление среды // *Полис*. 2007. № 1. С. 22–32.
- ¹¹ См.: Социальный атлас российских регионов. URL: <http://www.socpol.ru> (дата обращения: 26.05.2019).
- ¹² См.: Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года. URL: <http://кузбасс-2035.рф> (дата обращения: 01.02.2018).
- ¹³ См.: Национальный экологический рейтинг регионов. URL: <http://www.greenpatrol.ru/ru/novosti/nacionalnyy-ekologicheskij-reyting-regionov-rf-po-itogam-oseni-2018-goda> (дата обращения: 26.05.2019).
- ¹⁴ См.: *Бухтиярова Е.* Ближе к Зимбабве : Кузбасс стал лидером России по смертности от ВИЧ. URL: <https://sibdepo.ru/news/blizhe-k-zimbabve-kuzbass-stal-liderom-rossii-po-smertnosti-ot-vich.html> (дата обращения: 26.05.2019).
- ¹⁵ См.: *Матвеева Е. В., Украинцев И. С.* Критерии и оценка эффективности работы института муниципальной власти в Кемеровской области (по результатам регионального исследования) // *Инновационное развитие муниципальных образований : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. К. И. Галынис. Чита : ЗабГУ, 2017. С. 120–125.*
- ¹⁶ См.: Интервью одного из учредителей Фонда И. С. Украинцева, данное по случаю основания и презентации Фонда. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/exclusives.asp?id=828137> (дата обращения: 26.05.2019).
- ¹⁷ См.: Фонд «Сибирская политика» : [сайт]. URL: <http://sp.expert> (дата обращения: 26.05.2019).
- ¹⁸ См.: *Матвеева Е. В., Митин А. А., Алагоз А. В.* Институт общественного контроля в региональном политическом пространстве : современное состояние и перспективы развития // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 43. С. 191–202. DOI: 10.17223/1998863X/43/18
- ¹⁹ См.: Намечены основные направления деятельности на 2019 год // *Вестник : изд-е Общественной палаты Кемеровской области*. 2018. № 4 (36). С. 3.
- ²⁰ См.: Список членов Экспертного совета ОП КО 2018–2021 гг. URL: <http://opko42.ru/index.php/structure/ekspertnyj-sovet-op-ko> (дата обращения: 26.05.2019).

Образец для цитирования:

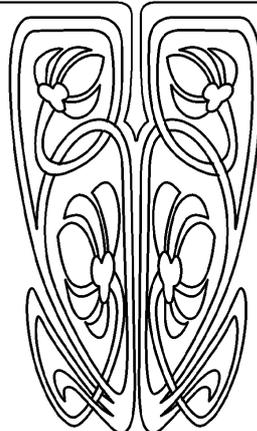
Клименков М. А. Научно-экспертное сообщество и власть: опыт взаимодействия в регионе (на примере Кемеровской области) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 360–365. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-360-365>

Cite this article as:

Klimenkov M. A. Scientific Community and Authority: Experience of Interaction in the Region (On the Example of the Kemerovo Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 360–365 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-360-365>

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2020 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36016,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <http://soziopolit.sgu.ru/>